

НЕ ПОДАТЬСЯ

X-789-K

166321

166321
166321

5

ЦЕНТРАЛЬНА
== НАУКОВО-УЧЕБНА ==
БІБЛІОТЕКА.

K-789.к

КУНИГАСЪ.

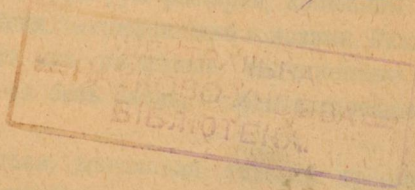
ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ІОСИФА КРАШЕВСКАГО.

~~VII. 793~~

1934

V45

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Н. О. Мертца.
1899.

5

КАНИТАР.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8-го Марта 1899 г.

Типо-Литографія Спб. Тов. Печ. Изд. дѣла „Трудъ“, Фонтанка, 86.

I.

Въ монастырѣ крестоносцевъ, ливонскихъ рыцарей, звонили къ вечернѣ. Вилый и слабый звукъ маленькаго колокола лѣниво расплывался въ воздухѣ, то уносимый вѣтромъ вдаль, то приближаясь.

Часовня, дверь въ которую была привѣтливо отворена, еще была пуста, и внутренность ея тонула въ полумракѣ. Была осень на исходѣ; мгла окутывала каменные суровыя зданія, придавая имъ фантастически зуровый и мрачный видъ; одна часть ихъ словно никла и пропадала въ густомъ мракѣ, другія выступали рѣзко впередъ, озаряемыя послѣднимъ лучомъ умирающаго дня или горящими по угламъ фонарями.

Мѣстами, отворенныя еще ворота зияли пастью чудовища; мѣстами, стрѣльчатое окно, въ яркомъ пламени внутренняго освѣщенія, казалось, пылало пожаромъ.

Въ общемъ, замокъ представлялся грозною крѣпостью, а вѣрнѣе—мрачною темницею. По двору его, молча, покорные разъ заведенному режиму, сновали фигуры рыцарей, конюховъ и челяди, съ коротко, пуритански, остриженными головами. Разъ установленный наказъ обратить ихъ въ нѣмые, подчиненные чужой волѣ, манекены, двигавшіеся безъ словъ, — фантастическіе, если смотрѣть на нихъ издали.

Рѣдко, рѣдко эта мертвая, могильная тишина прерывалась воемъ собаки, звякающею желѣзною цѣпью да ржаніемъ лошади.

И въ этой величественной, грозной тишинѣ скрывался нѣкій могучій духъ; въ этихъ молчаливыхъ фигурахъ людей таилась желѣзная сила фанатизма.

Одинъ только глухой колокольный звонъ раздавался, свидѣтельствуя объ обитающей здѣсь властительной силѣ, да рѣзкіе порывы осенняго вѣтра, разгоняя сырой туманъ, проносились, какъ грозное эхо нечеловѣческихъ велѣній.

Нѣсколько рыцарей сошлись на молитву въ часовню, и красноватый свѣтъ лампы облилъ, мѣстами, образа въ серебряныхъ ризахъ, стѣны, хоругви.

Капелланъ прочитывалъ въ-полголоса свою молитву, словно спѣшилъ поскорѣе покончить съ нею, глотая слова и торопясь. Братія, стоя на своихъ мѣстахъ, у стѣны, не обнаруживала тоже къ молитвѣ ни ревности, ни большой охоты и, видимо, сошлась сюда на нее не по своей волѣ.

Одни изъ нихъ, отбывая молитву и весь обрядъ ея, какъ барщину, холодно и формально продѣлывали обычные поклоны. Другіе, собравшись толпою у входа, пользуясь полумракомъ, дремали, облокотясь другъ на друга.

Пламя горѣвшей лампы, играя, скользило по ризамъ образовъ, по церковной утвари и суровымъ лицамъ рыцарей, вырывая изъ мрака отдѣльныя части ихъ и фигуры, словно живая сила, одна нарушающая мертвенный покой этой часовни. Одна фигура, впрочемъ, выдѣлялась изъ этой толпы, изъ этихъ бѣлыхъ плащей и черныхъ тѣсныхъ куртокъ. Вотъ, кстати, пламя освѣтило ее, долгимъ колеблющимся заревомъ, и обнаружило, такъ сказать, вырѣзало изъ окружающаго мрака, темно-бронзовое лицо человѣка, видимо, закаленного жизнью. Тайны прошлаго рѣзкими чертами, словно іероглифами, были отмѣчены на этомъ лицѣ.

Высокій лобъ, изрѣзанный морщинами; густыя, нависшія, щетинистыя брови; впавшіе глубоко глаза, блиставшіе изъ орбитъ; морщинистыя щеки и темная въ серебрѣ сѣдины борода, — вотъ портретъ этого замѣтнаго человѣка.

Глубокое спокойствіе—плодъ сознанія внутренней силы—царствовало на этомъ лицѣ, озаренномъ, какъ бронзовое изваяніе, бѣглымъ свѣтомъ лампы.

На широкихъ его плечахъ небрежно наброшенъ былъ костюмъ монаха-рыцаря, уже сильно поношенный.

Глядя на его тонкія неподвижныя губы, нельзя было сказать,

молились-ли онъ или нѣтъ, а выраженіе суроваго лица не давало болѣе опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Глаза его равнодушно блуждали по церковнымъ предметамъ и лицамъ братій-рыцарей и прислужниковъ, хотя и слѣдуетъ сказать, что его бѣглые взгляды были глубоки и проникательны, и отъ ихъ пронизывающаго луча ничто не ускользало. Было замѣтно, что этотъ взглядъ чувствовался и его старательно избѣгали всѣ, въ особенности слуги и конюхи.

И при всемъ томъ, на его собственномъ лицѣ ничего не отражалось.

На немъ разъ только легла и окаменѣла природная гордость, и къ ней, съ лѣтами и обстоятельствами, приобщилось смиреніе монаха, склонившагося передъ уставомъ ордена.

Съ другой стороны, кромѣ внѣшняго вида, природнаго, на немъ не было замѣтно никакой разницы съ остальною братією,—самое мѣсто, гдѣ стоялъ онъ, и костюмъ были свидѣтелями его равенства съ ними.

Онъ стоялъ послѣднимъ, сзади, откуда и видѣлъ всѣхъ и все... Молитва приходила къ концу. Глухо отвѣтила уже братія на слова капеллана, который, въ заключеніе, поклонился, повернулся назадъ и пошелъ въ ризницу.

Толпа зашевелилась, пробудились дремавшіе; ноги зашаркали по каменному помосту, и челядь высыпала на дворъ.

Одинъ старый рыцарь оставался неподвижнымъ; онъ смотрѣлъ на алтарь. Проходя мимо него, рыцари старались миновать его взглядъ,—взглядъ, называемый нынѣ инквизиторскимъ.

Только тогда, когда часовня опустѣла, вышелъ и онъ изъ нея, тяжелою поступью, на дворъ, гдѣ челядь собралась отдѣльною кучкою и откуда слышался разговоръ. Немолодой уже человѣкъ, но живой въ движеніяхъ, стоя посреди кучки, спрашивалъ о чемъ-то людей.

Это былъ братъ-госпитальеръ. Онъ, говоря, нетерпѣливо поправлялъ свой плащъ, съѣзжавшій съ его плечъ.

Подойдя къ этой группѣ и завидѣвъ госпитальера, суровый рыцарь приостановился, чѣмъ заставилъ всю челядь мгновенно разойтись. Тогда голосомъ, выходящимъ изъ глубины груди,—голо-

сомъ, въ которомъ слышались и сила, и власть, и повелѣніе, онъ спросилъ госпитальера, на лицѣ котораго выразилась тревога:

— Что дѣлается съ нашимъ Юріемъ?

— Плохъ... онъ боленъ,—поспѣшили тотъ отвѣтить и собрался-было уходить, но, видя неподвижно стоящаго стараго рыцаря, остановился.

— Что-же это значитъ? — началъ тотъ: — Вѣчно боленъ и боленъ!

И вопрошавшій смѣрялъ съ головы до ногъ сѣдого рыцаря, помертвѣвшаго отъ страха.

— Боленъ и боленъ!—отвѣчалъ госпитальеръ:—а чѣмъ боленъ, я и самъ не знаю!.. Слышалъ я о разныхъ болѣзняхъ, братъ Бернардъ, но этой болѣзни не умѣю понять!..

И говорившій хотѣлъ-было уходить. Но Бернардъ удержалъ его.

— Ты вѣчно куда-то спѣшишь... Скажи мнѣ правду, что такое случилось съ Юріемъ?

— Что съ нимъ?.. — повторилъ тотъ: — Этого-то я именно и не умѣю вамъ сказать, что съ нимъ. Вижу одно, что молодой человекъ сохнетъ, упадаетъ силами, пожелтѣлъ весь, осунулся, даже не ѣстъ ничего и только смотреть въ одну точку. Я, право, ничего не понимаю!..

И онъ поднялъ убѣдительно свои плечи.

— Молодому человеку нужны воздухъ, движеніе, нѣкоторая свобода... Его нужно посадить на коня, пустить погулять въ поля и лѣса, погостить у кого-нибудь изъ комтуровъ... Пусть повольничаетъ немного, лишь-бы поправился здоровьемъ...

Госпитальеръ сомнительно покачалъ головою.

— Ваша воля... Дѣлайте, что вамъ угодно будетъ, а я ужъ и ума не приложу; всѣ средства испыталъ и ничто не помогло!.. Посадить его на коня, — да хватить-ли у него силы сидѣть въ сѣдлѣ? Отдать его въ замокъ, — нужно неослабное наблюденіе!.. Ужъ, право, не знаю!..

И онъ опять собрался идти и опять былъ остановленъ Бернардомъ.

— Какъ-же вы думаете, опасность угрожаетъ ему?—спросилъ онъ.

— Трудно рѣшить,—отвѣчалъ госпитальеръ:—еслибы онъ былъ

старше возрастомъ, было-бы легче поддерживать мнѣніе, что онъ прожилъ, а теперь... молодость, что свѣтильня едва зажженная,—чуть затеплилась, быстро погаснетъ...

— Жаль, жаль будетъ! — возразилъ Бернардъ: — Вѣдь чего стоило воспитать его съ дѣтскаго возраста... и столько общалъ!..

Госпитальеръ отвѣчалъ съ растеряннымъ видомъ:

— Братъ Бернардъ! Повѣрьте мнѣ, старому человѣку, видѣвшему кое-что на своемъ вѣку! Кровь человѣка нельзя переименовать: она всегда останется прежнею. Возьмите дикую птицу, воспитайте какъ вамъ угодно, а выпустите ее,—и поминай какъ звали!..

— Нужно крылья подрѣзать,—тихо проговорилъ Бернардъ на ухо госпитальеру: — Неужели кто выдалъ ему тайну нашу? Быть не можетъ!

— Какъ, какимъ образомъ! — воскликнулъ госпитальеръ: — Кромѣ насъ немногихъ, присягавшихъ, никто не вѣдаетъ тайны! Ни одна живая душа! Знаетъ о себѣ самъ Юрій, какъ и всѣ о немъ, что привезенъ онъ изъ нѣмецчины ребенкомъ,—вотъ и вся недолга!

— Такъ-то такъ,—отвѣчалъ Бернардъ: —но иногда дѣтская память показываетъ чудеса: какъ сонъ, припоминаются ребенку дѣтскіе годы.

Госпитальеръ покачалъ головою.

— Не думаю,—сказалъ онъ: —ни одинъ человѣкъ не помнитъ своего молочнаго возраста, а вѣдь мы его привезли сюда груднымъ ребенкомъ еще!

— Нѣтъ, нѣтъ! — вдохнулъ Бернардъ: —онъ уже говорилъ на своемъ варварскомъ нарѣчій, которое еле-еле выбито потомъ изъ его головы угрозами.

— Ну, теперь, успокойтесь, все забыть! —отвѣчалъ госпитальеръ: —Нѣтъ не это, другая причина произвела его болѣзнь, а какая,—кто знаетъ? Душа угнететъ тѣло человѣка или тѣло мучить душу,—оба страдаютъ. И не знаешь, что лѣчить первымъ, такъ тѣсно они связаны между собою.

— Нужно блюсти, что поражено раньше.

— Да, пожалуй! Еслибы человѣческій взглядъ могъ проникнуть въ такую таинственную глубину. Нѣтъ! Тутъ только и надежды, что на милость Божию.

Сказавъ это, госпитальеръ нетерпѣливо задвигался, давая замѣтить, что ему пора идти.

Братъ Бернардъ пошелъ съ нимъ рядомъ, не удерживая его болѣе, что крайне удивило госпитальера.

— Хотѣлось-бы мнѣ самому взглянуть на больного,—произнесъ идя, Бернардъ:—Ничего не будетъ чрезвычайнаго, если мы вмѣстѣ войдемъ въ домъ призрѣнія?

— Какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣчалъ госпитальеръ:—вамъ всюду открыты двери.

Отъ часовни до дома призрѣнія, или больницы, былъ довольно длинный путь. Нужно было пройти не одинъ дворъ. Всюду былъ мракъ, и только мѣстами полосы яркаго свѣта пролегли, падая изъ оконъ. Задумчиво и молча шелъ Бернардъ. Тѣмъ не менѣе, онъ успѣвалъ мимоходомъ бросать пытливые и бѣглые взгляды направо и налево, проникая всюду и не пропуская мимо себя ни одно живое существо безъ вниманія. Это было въ немъ, видимо, скорѣе дѣломъ старой привычки, чѣмъ умышленною заботою, потому что, въ то-же время, онъ шелъ весь погруженный въ раздумье.

Госпитальеръ съ трудомъ сдерживалъ шагъ, по живости своей натуры забывая поминутно впередъ и служа Бернарду проводникомъ.

Наконецъ, вошли въ сѣни, откуда одна дверь вела на половину больныхъ и раненыхъ, а другая на половину служащихъ.

Первая палата была пуста и только въ щели сосѣдней комнаты прорывались свѣтлые лучи. Госпитальеръ хотѣлъ пріостановиться и пропустить впередъ себя Бернарда, но тотъ указалъ ему, молча, идти первому.

Старикъ повиновался и вошелъ въ небольшую комнату, слабо озаренную одною лампадою. Это была, собственно говоря, келья, въ которой все убранство состояло изъ грубой работы кровати, стола и двухъ полокъ по стѣнамъ. Куски недоѣденнаго лежали на простой глиняной тарелкѣ.

На кровати, подложивъ подъ голову руки, полулежалъ молодой человѣкъ, лѣтъ шестнадцати, огромнаго роста, но худой, словно вытянутый преждевременно и непомѣрно.

Рыжіе щетинистые волосы были въ безпорядкѣ разбросаны на его головѣ, полузакрывая и лобъ, и черты лица, хотя дикія, но не лишенные прелести. Одно глубокое, грустное, мучительное выра-

женіе господствовало на этомъ лицѣ, еще полудѣтскомъ, но уже выстрадавшемъ длинныя дни недоли и страшно исхудаломъ.

Полумонашескій, полурыцарскій нарядъ обтягивалъ его сильный отъ природы станъ, прилегаль въ-плотную къ его тѣлу, ослабленному долгимъ тайнымъ недугомъ.

При видѣ вошедшихъ, онъ быстро вскочилъ на ноги, но сейчасъ-же оперся о столъ, чтобы не упасть отъ слабости.

Братъ Бернардъ придавъ своему строгому лицу возможно мягкое выраженіе и голосомъ, въ которомъ старался растворить медовыя ноты, произнесъ:

— Что-же это? До сихъ поръ все боленъ, мой другъ?.. Нехорошо, нехорошо!.. Что-же съ вами, наконецъ? Отецъ Сильвестръ ничего не умѣлъ сказать мнѣ на этотъ вопросъ!

Юноша, опустивъ голову, молчалъ.

Отецъ Сильвестръ, въ эту минуту, бросилъ взглядъ на нетронутую пищу и, пожавъ плечами, проговорилъ:

— Ни до чего не дотронулся!.. Что у васъ болитъ?—обратился онъ къ юношѣ.

— Ничего, ровно ничего!—отвѣчалъ тотъ понуро.

— Такъ что-же съ вами?

— Силь нѣтъ...—отвѣчалъ больной.

— Куда-же вы ихъ дѣвали?—спросилъ Бернардъ.

— Я самъ не знаю,—отвѣчалъ юноша тѣмъ-же тономъ.

Видно было, что онъ не былъ расположенъ къ большей откровенности, а отецъ Сильвестръ не старался возбудить ее въ немъ. Наступило молчаніе.

Бернардъ почелъ нужнымъ прибѣгнуть къ морали.

— Дитя мое!—сказалъ онъ торжественно:—обратитесь къ Богу и Пресвятой Дѣвѣ! Да снизойдетъ на васъ Ихъ милость и благословеніе да дадутъ Они вамъ силы бороться съ наущеніями врага рода человѣческаго!.. Молитвою укрѣпляйте себя!..

Юноша молча слушалъ это святое правоученіе, и ни одна черта на лицѣ его не выразила ничего, кромѣ холоднаго равнодушія.

Бернардъ смотрѣлъ на него долго, упорно. Отецъ Сильвестръ не выдержалъ и спросилъ:

— Можетъ быть, вамъ хотѣлось-бы сѣсть чего-нибудь особеннаго? Такія прихоти натурою заявляются...

— Нѣтъ,—отвѣчала спокойно юноша:—кромѣ холодной воды у меня ни къ чему нѣтъ охоты.

Опять тяжелое молчаніе, полное тревоги и недоумѣнія, и братъ Бернардь уже собрался выходить, когда отецъ Сильвестръ бросилъ украдкой взглядъ на юношу, полный значенія, и пошелъ къ дверямъ.

Едва они оставили больного, какъ онъ тяжело упалъ на кровать, словно остатокъ силъ покинулъ его.

Лампада бросала на его блѣдныя черты желтый, больной свѣтъ, мерцающій грустно, посреди тишины, мрака и безжизненности.

Шаги удалялись; замерли вдали ихъ звуки, и въ домѣ призрачнѣнія наступила мертвая тишь.

Юноша не могъ заснуть. Его тяготила какая-то не то дума, не то боль, глубоко виѣдравшаяся на самомъ днѣ души его.

Вдругъ, раздались чьи-то тихіе, осторожные шаги въ сосѣдней палатѣ, и, приотворивъ робко дверь, показалась фигура молодого человѣка, покрытаго плащомъ. Онъ имѣлъ простое, даже грубоватое лицо рабочаго, конюха, но лицо это проникнуто было такою мягкостью и добротою, что казалось прекраснымъ. Онъ медленно приблизился къ кровати, на которой, поднявшись ему на-встрѣчу, сидѣлъ юноша, и спросилъ его ласково, боязно:

— Ну, что, лучше вамъ хотъ малость?

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ на испорченномъ нѣмецкомъ языкѣ.

Больной отрицательно качнулъ головою и пригласилъ знакомъ вошедшаго сѣсть на скамью. Тотъ сѣлъ.

— Говори-же, говори!—настойчиво сказалъ ему больной:—говори, о чемъ вчера мнѣ рассказывалъ... Какъ все это было?.. Я самъ начинаю припоминать!.. Да, да, языкъ твой мнѣ не чуждъ: я помню эти звуки! Они близки, родственны моей душѣ... Отъ нихъ вѣетъ мнѣ моею родиною, моею милою Литвою!.. Да; я не нѣмецъ, какъ они стараются увѣрить меня, я литвинъ!.. Я останусь имъ до гроба и за гробомъ!.. Теперь, мракъ, затмившій мои взоры, разсѣялся отъ твоихъ словъ, и я все минувшее обнимаю свѣтомъ моихъ очей.

Парень, къ которому относились эти слова, тяжело вздыхалъ, опасно поглядывая на дверь. Онъ сказалъ, наконецъ:

— Ахъ! Это была несчастная минута!.. Къ чему было мнѣ будить въ васъ забытыя воспоминанія! Къ чему вамъ послужить это открытіе? Они, все-равно, не выпустятъ васъ изъ своихъ желѣзныхъ когтей!.. Смотрите на меня; я вѣдь такъ-же, какъ и вы, жертва ихъ похищенія. Меня приволокли сюда на конѣ, какъ животное или звѣря, остригли, одѣли въ эту дерюгу, окрестили насильно и назвали своимъ... И что-же? Я ношу за ними оружіе, которымъ они проливаютъ кровь моихъ братьевъ... Мои слезы льются вмѣстѣ съ этою кровью, сердце мое болитъ... Но, увы! Я безсиленъ, какъ одинокое дерево!..

— Надо бѣжать! — глухо проговорилъ сидѣвшій юноша.

— Куда? Какъ бѣжать!? Развѣ насъ признаютъ тамъ и примутъ? Нѣтъ, видно ничего намъ больше не осталось, какъ быть ихъ рабами, служить имъ, — такова доля наша! Нѣтъ, — продолжалъ онъ: — не напрасно они такъ пестуютъ васъ, такъ ухаживаютъ за вами, — видно, нужны вы имъ, ихъ дѣлу! Тутъ довольно одного подозрѣнія, чтобы...

И, не кончивъ рѣчи, онъ сдѣлалъ рѣзкій знакъ по шеѣ, словно отсѣкалъ голову.

Больной впалъ въ задумчивость. Затѣмъ, словно опомнившись, онъ сталъ спрашивать у пришедшаго разныя литовскія слова: братъ, отецъ, мать, сестра, домъ, огонь, хлѣбъ и другія. Повторяя ихъ за говорившимъ, онъ такъ увлекался, что едва не выкрикивалъ эти слова, и конюхъ поминутно напоминалъ ему объ осторожности.

— А что, былъ у васъ сегодня старикъ Бернардъ? — обратился онъ къ нему съ вопросомъ: — Что онъ тутъ дѣлалъ? Эта старая крыса не пойдетъ и не сдѣлаетъ ничего попусту! И страшный-же онъ человѣкъ: какъ взглянетъ, точно шиломъ пройметъ!.. — Посмотришь — рыцарь простой, совсѣмъ какъ другіе, въ начальство не лѣзетъ, а страшище самаго высшаго начальства!.. Входитъ всюду, — нѣтъ ему препоны... приглядывается, прислушивается, нюхаетъ... Ужъ не даромъ онъ сюда забрался!.. Не выдали-ли вы себя чѣмъ случайно?

— О, нѣтъ, ни звукомъ! — отвѣчалъ больной.

— Госпитальеръ, — продолжалъ конюхъ: — грубъ, рѣзокъ, вспыльчивъ, но сердце у него мягкое, доброе. Онъ облаиваетъ больныхъ съ досады, что они не выздоравливаютъ, а душу-бы за ихъ здоровье отдалъ... А Бернардъ не таковъ: тотъ взглядомъ однимъ проглотить человѣка!

— Кунигасъ? Не правда-ли, Кунигасъ?—воскликнулъ юноша.

— Да, да, Кунигасъ,—согласился съ улыбкою парень:—у насъ все такихъ звали на Литвѣ Кунигасомъ...

— Помню, помню!—повторялъ юноша:—меня, дитятею еще, нянька называла этимъ прозвищемъ!..

Парень затрепеталъ весь. Онъ приложилъ руку ко рту, а другую къ сердцу, и умоляющимъ взоромъ взглянулъ на своего земляка.

— Ради Самого Бога! — тише, тише, господинъ мой!.. Ужъ и такъ на меня косо глядятъ, а узнай они наши разговоры, да что со мною будетъ тогда!.. Погибать моей головѣ, да и вашей не сдобровать!

Но юноша, казалось, не слышалъ предостереженій, не думалъ о нихъ и ни о чемъ, кромѣ своей постоянной наболѣвшей думы... Потъ струился по его челу, напряженному усилиемъ проникнуть въ прошедшее мыслью; онъ повторялъ восторженно:

— Литва! Литва моя! Возлюбленная Литва!.. Ахъ, говори, говори мнѣ о ней. Ты ее долженъ знать: ты ходилъ на нее войною, съ ними... А меня они и за ворота не пускаютъ, какъ дикую птицу, боясь, что я улечу!.. Литва! — повторялъ онъ, глядя въ лицо парня, подернувшееся тоскою: — Литва наша!.. Говори мнѣ о ней?..

Парень взялъ въ обѣ руки свою остриженную круглую голову и, качая ея, началъ на-распѣвъ говорить и, казалось, слова не шли съ его языка, а отрывались съ кровью изъ самого сердца его:

— О, Литва! Литва!.. Иная земля это! И обычай иной тамъ! И люди тамъ другіе!.. Стоитъ она, Литва, передъ глазами у меня, встаетъ въ снахъ моихъ!.. Столько лѣтъ прошло, а я чувствую еще боль на членахъ моихъ тѣхъ ремней, которыми увлекли меня сюда съ моей родины!.. Литва! Тебя-ли „крестовики“ полонили мечомъ своимъ? Нѣтъ, до твоихъ глубокихъ дебрей не проникла

ни вѣра ихъ, ни смѣлость!.. О, Кунигасъ мой! Литва — твоя! Она все та-же, какою сотворилъ ее Господь Богъ нашъ!.. Тутъ, въ этихъ каменныхъ стѣнахъ, на всемъ лежитъ позорная печать рабства, которымъ человѣкъ искажалъ Божіе твореніе, — тамъ все цѣло, все нетронуто, все божественно, все прекрасно... Мы не садили Бога въ каменную будку, — мы находимъ и видимъ его повсюду: въ лѣсахъ и болотахъ, во рвахъ и на холмахъ, въ небѣ и въ глубинѣ водъ. Всѣ мы дѣти Бога нашего, звѣри и люди, птицы и насѣкомыя, — всѣ мы одинаково любимъ природу, нашу мать. Всѣ мы понимаемъ другъ друга, языкъ нашъ... Понятны намъ и гулъ вѣтра, и шумъ лѣса, и тихій, сладкій звонъ ручьевъ, и чириканье воробья, и вой волковъ, и лай дикаго лося... Повсемѣстно, на водѣ и въ воздухѣ, слышится намъ любовный отеческій шепотъ нашего великаго Духа Творца... О! Мой господинъ... Какое житье тамъ! Какое житье!.. А свободы сколько!.. Ея столько, сколько воздуха въ нашихъ лѣсахъ. Но, увы! Пришли „крестовики“ и, куда всадили свой крестовый мечъ, погибла свобода, не стало воздуху, боги наши приняли и мы не слышимъ ихъ больше!.. Правда, что мы не знали ни замковъ, ни богатыхъ одеждъ, ни золотой и серебряной посуды, ни всего этого издѣлія тюрьмы и неволи. Земля наша не мѣряна: лѣса наши заповѣдныя, всѣ мы — господа ихъ, всѣ братья... Одинъ Кунигасъ сидитъ въ своей крѣпкой заимкѣ и чутко слушаетъ: не идетъ-ли на насъ врагъ. За это мы отсылаемъ ему зерна и даемъ дань. Нѣтъ у насъ на Литвѣ людей, которымъ запрещенъ смѣхъ, веселье и которые не смѣютъ взглянуть въ лицо красивой дѣвкѣ. Наши вейдалоты и вейдалотки весело и открыто смотрятъ на весь Божій міръ и, хотя не женятся и не выходятъ замужъ, носятъ гордо на головахъ вѣнки, рѣзвятся, смѣются, счастливы. О, Литва, Литва!.. Увижу-ли я тебя, Литва моя!..

Юноша слушалъ грустно и молча этотъ простой, но трогательный, гимнъ природы. Онъ спросилъ парня:

— Однако, литвины приняли Бога отъ „крестовиковъ“.

Парень не сразу отвѣтилъ, но, поведя глазами вокругъ кельи онъ произнесъ:

— Какой это Богъ! Это не нашъ добрый, милостивый Богъ, убивающій только однихъ виноватыхъ — молніями... Ихъ Богъ — злой

тиранъ, который хочетъ полонить всю землю, убиваетъ невинныхъ людей сотнями, тысячами...

Юноша слушалъ грустно, грустно и молча. Парень продолжалъ:

— Они, эти люди, называютъ себя божьими дѣтьми и говорятъ, что творять его волю... Крови, крови одной имъ нужно!..

— Счастливы ты, что знаешь хорошо нашу Литву!—сказалъ юноша.

— О, еще-бы!—воскликнулъ тотъ:—Меня привезли сюда порядочнымъ уже мальчуганомъ. Ужъ я и на деревья лазилъ, и ходилъ по землѣ. Я бы утекъ, но меня крѣпко стерегли,—нельзя было. Какъ волчонка, окровавленнаго, волокъ меня на ремняхъ конюхъ. На ночь затворили въ сарай, а я поджегъ его, да не удалось бѣжать!.. А теперь, вотъ, сижу такъ, самъ не знаю, что будетъ со мною, а люблю родину по-прежнему, не забылъ ея, хоть и научился здѣсь лгать да отмалчиваться.

Онъ лукаво усмѣхнулся и продолжалъ:

— Спросите ихъ,—скажутъ вамъ, что лучше меня нѣтъ парня! Я подчиняюсь имъ, кланяюсь, цѣлую ихъ ноги, а что у меня на душѣ, то мое, святое, того не выдамъ! Что-же?.. Можетъ быть, еще Литва воспрянетъ?.. Кунигасы еще живутъ. Можетъ и на нашей улицѣ еще будетъ праздникъ!..

Юноша не отвѣчалъ ни слова. „Кунигасы!.. Кунигасы!“ вертѣлось у него на языкѣ, бродило въ головѣ, шумѣло въ ушахъ.

Между тѣмъ, лампада начала погасать. Это привело въ себя робкаго парня. Онъ вскочилъ, испугавшись поздняго посѣщенія своего, и, преклонившись передъ юношею, сказалъ:

— Кунигасъ мой! Не убивайте себя тоскою и думою! Не мужское то дѣло! Мужчинѣ принадлежитъ гнѣвъ, борьба, а женщинѣ—тоска. Она воспѣваетъ свое горе, свою боль сердечную воспѣваетъ въ пѣснѣ. Мы должны носить ее въ себѣ, какъ отраву. Мы должны жить и ждать,—нашъ день долженъ придти!

Юноша ударилъ его рукою по плечу, говоря:

— Ну, иди, иди, а то тебя еще застанутъ здѣсь! Сильвестръ по ночамъ прогуливается по нашимъ палатамъ. Приходи завтра,—еще поговоримъ о Литвѣ. Ты разбудилъ во мнѣ мою кровь, не дай уснуть ей... Иди-же, Рымосъ.

Парень еще разъ поклонился и, какъ мышь, выскользнулъ за двери.

II.

Маріенбургскій замокъ, такой, какимъ мы представляемъ его себѣ по сохранившимся развалинамъ, величественный и гордый, былъ такимъ-же и въ ту далекую пору, съ которой ведется нашъ разсказъ.

На первомъ планѣ его рисовался такъ называемый „высокій замокъ“—гохбургъ, самая древняя часть зданія, заключавшая въ себѣ костель, гробницы почившихъ рыцарей и залу капитула. Нѣсколько ниже и отдѣляясь глубокимъ рвомъ, поднимался „средній флигель“, въ которомъ ютилась полумонашеская жизнь рыцарей креста; еще ниже, у самыхъ луговъ, стоялъ „нижній замокъ“, заключавшій съ этой стороны хозяйственные постройки и жилье конюховъ и прислуги.

Въ то время вѣрили въ неодолимую прочность этихъ замковъ-крѣпостей, въ которыхъ утвердился христіанскій законъ, поборовъ на Востокѣ языческую силу. Для вящей устойчивости и обезпеченности, замокъ этотъ былъ соединенъ во всѣхъ частяхъ своихъ и съ окрестными поселками, подземными ходами, о которыхъ вѣдали одни лишь старѣйшины братства.

Ежедневное совѣщаніе отбывалось этими лицами, а именно: гротсмейстеромъ, великимъ комтуромъ, настоятелемъ и казначеемъ, и изрѣдка лишь нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ рыцарей,—и изрѣдка лишь нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ рыцарей,—въ общей рыцарской залѣ, подъ большимъ сводомъ, поддерживаемымъ тяжелымъ гранитнымъ столбомъ.

Уже на другое утро мы находимъ здѣсь, сидящихъ на каменныхъ скамьяхъ, стариковъ-рыцарей, грѣющихся, въ ожиданіи, около громаднаго камина, въ которомъ ярко пылало пламя, охватывая, сырые полѣнья только-что срубленной сосны. Тутъ виднѣлись одни длинные бѣлые плащи, одни хмурые мужественныя лица, съ нависшими бровями, суровымъ выраженіемъ и шрамами—памятниками боевъ. Тутъ всѣ плечи были широки; всѣ груди сложены богатырски, словно самою природою назначенныя для желѣзной заковки и тяжелаго вооруженія. Много здѣсь было обшача, родственнаго въ этихъ чертахъ одного лишь нѣмецкаго на-

рода, къ которому не примѣшалась чуждая кровь и не принизила его строгаго дворянскаго облика.

Но каждое изъ этихъ мужественныхъ лицъ, освѣщенное и согрѣтое пламенемъ, оживлялось своимъ особеннымъ выраженіемъ. Ближе къ камину сталъ гроссмейстеръ, человѣкъ видный, но съ непріятнымъ взглядомъ. Взглядъ этотъ распространялъ около него нѣкоторый трепеть, безпокойство, неувѣренность, даже среди старшихъ рыцарей.

Невдалекѣ отъ него сталъ преданный ему, въ качествѣ охраны и не сводя съ него глазъ, молодой, статный и красивый рыцарь, по имени графъ Геннебергъ.

Людеръ, хотя и князь, не отличался наружностью ни въ какую сторону.

Наружность гроссмейстера, великаго комтура, настоятеля и казначея, отличала ихъ видомъ достоинства, сановитостью; но сила власти, но вліяніе и дѣятельность принадлежали не имъ, а тѣмъ скромнымъ по титулу, но могучимъ, личностямъ старыхъ рыцарей, которые, спокойные и увѣренные въ себѣ, были истинными столпами своего назначенія.

Среди этихъ стариковъ, рыцарь Бернардъ сидѣлъ здѣсь, не обращая на себя ни малѣйшаго вниманія, повидимому, равнодушный ко всему на свѣтѣ.

Разговоръ шелъ по кучкамъ, еще не принявъ общаго характера, и рыцарь Людеръ выражалъ на своемъ лицѣ крайнюю степень нетерпѣнія.

Наконецъ, возвысилъ голосъ комтуръ, взглядывая выразительно то на Компана, то на Геннеберга. Но видя, что знаки его не дѣйствуютъ, подошелъ и сказалъ что-то на ухо Компану, послѣ чего тотъ вышелъ за двери.

Людеръ нетерпѣливо толкнулъ ногою головню и проворчалъ:

— Начинайте-же, господа, я слушаю!

— Будетъ много лучше, если это дѣло объяснить вамъ братъ Бернардъ,—отозвался великій комтуръ.

При этихъ словахъ гроссмейстеръ взглянулъ на Бернарда.

Взглядъ его не былъ взглядомъ пріязни и довѣрія, и можно было видѣть, что гроссмейстеръ ненавидѣлъ стараго брата Бернарда. Бернардъ всталъ и, не спѣша, приблизился къ камину.

Царствовало молчаніе, когда онъ спокойно обдумывалъ свою рѣчь, ни мало не беспокоясь о присутствіи грессмейстера. Онъ, видимо, крѣпко вѣрилъ въ себя.

— Говорите-же, братъ Бернардъ,—отозвался настоятель.

— Дѣло весьма серьезное и совершенно мнѣ извѣстное. Нужно порѣшить съ нимъ теперь-же, ибо не напрасно я, лѣтъ десять назадъ, съ такимъ трудомъ добылъ малютку, вырвавъ его изъ рукъ матери!.. Онъ долженъ, въ нашихъ рукахъ, стать орудіемъ безкровной побѣды, средствомъ къ завладѣнію краемъ...

Но грессмейстеръ прервалъ говорившаго:

— Ну, въ этомъ еще не велика ваша заслуга!—сказалъ онъ:— Съ такою-же пользою для дѣла, вы могли-бы разбить этому маленькому дикарю голову о первую сосну...

Бернардъ отвѣтилъ гримасою презрѣнія и продолжалъ:

— Быть можетъ, и такъ! Мать этого мальчика владѣетъ лучшимъ кускомъ земли и прочно утвердила свою власть. Она любитъ этого ребенка... Какъ знать! Быть можетъ, воспитанный въ христіанской вѣрѣ, онъ сдумаетъ соединить ее со своимъ владѣтельнымъ правомъ и станетъ для насъ лучшимъ вассаломъ и союзникомъ для дальнѣйшихъ захватовъ!..

— Ну, что до меня, — сказалъ онъ: — то я-бы предпочелъ сотню, другую рыцарей и тысячу людей сюда въ замокъ, чѣмъ такого заложника! Мать давно уже и забыла о немъ, вѣрно; да и самъ онъ не вѣренъ намъ: придетъ часъ, дикая кровь проснется въ немъ! Нѣтъ, овчинка эта не стоитъ выдѣлки!..

Бернардъ блеснулъ глазами, но остался неподвиженъ, какъ скала.

Тогда началъ говорить настоятель, вскидывая взоры то на грессмейстера, то на брата Бернарда, къ которому замѣтно склонилось вниманіе всѣхъ остальныхъ старшинъ.

— Въ то время, когда ребенокъ достался намъ въ руки, мы постановили сдѣлать изъ него, прежде всего, рыцаря. Это дѣло необходимое,—о немъ и толковать нечего, а надо выполнить его.

— Не скрываю, — сказалъ Бернардъ: — что трудности нарастаютъ. Гдѣ рѣчь о религіи, тамъ неминуетъ и исповѣдь въ грѣхахъ, въ заблужденіяхъ. До сихъ поръ все шло благополучно, а теперь надо попробовать сдѣлать выгодное дѣло—вымѣнять у ма-

тери за сына кусокъ доброй земли... Онъ—христіанинъ, и стало быть, тамъ-ли, тутъ-ли, все будетъ на нашей сторонѣ!

Это предложеніе пришлось очень по нутру всей братіи-старшинамъ. Они переглянулись. Только грессмейстеръ не раздѣлялъ общаго настроенія духа и стоялъ, сердито наморщивъ чело.

— Я не довѣряю этимъ хитросплетеніямъ,—сказалъ онъ, наконецъ:—я вѣрю въ одну силу меча, а тягаться съ Литвою и Польшею, придирааться къ словамъ, ходить съ жалобами въ апостольскую столицу, — все это мелкое дѣло! Только время да деньги теряемъ на нихъ. Мало намъ свѣта, что-ли? Не до насъ-ли, крестоносцевъ, бѣжали передъ язычниками нѣмцы, англичане, галлы?! А воевать посредствомъ ребячь-заложниковъ—презрѣнное дѣло!

Никто не отвѣтилъ ни взглядомъ сочувствія, ни звукомъ голоса на эту рѣзкую рѣчь противъ брата Бернарда.

— Всѣ пути хороши, лишь-бы вели къ цѣли,—сказалъ послѣ нѣкотораго раздумья комтуръ:—Зачѣмъ пренебрегать средствомъ, которое уже въ рукахъ у насъ.

— Хорошо, но пускай тотъ и кончается, кто началъ дѣло, — намекнулъ грессмейстеръ на Бернарда: — что сдѣлано, того не воротить.

— Ребенка я воспиталъ и рассчитываю...— началъ-было Бернардъ, но грессмейстеръ не далъ ему кончить.

— Ну, и дѣлайте съ нимъ, что хотите! — сказалъ онъ и, отъвернувшись къ камину, продолжалъ:—Мои предшественники слишкомъ распустили бразды: всякъ молодецъ пошелъ жить на свой образецъ. Одному захотѣлось отличиться, другому приобрѣтать, а у рыцаря, по закону, не должно быть ни собственнаго коня, ни самоличной славы. На будущее время этого больше не будетъ!

— Если,—отвѣчалъ спокойно Бернардъ:—вы вините меня за мое усердіе въ дѣлѣ, которое было общимъ дѣломъ, то я не сопротивляюсь: судите меня, посадите на хлѣбъ и воду, я склоняюсь передъ законностью.

— Будетъ!—отвѣчалъ грессмейстеръ кисло:—еслибы я хотѣлъ васъ судить, мнѣ не нужно-бы было вашего позволенія на это. Вы здѣсь не болѣе, какъ простой рыцарь, а между тѣмъ, во все мѣшаетесь, порываетесь къ власти, хотите всѣмъ заправлять... А я не боюсь васъ нисколько, знайте это!

Бернардъ наклонилъ голову и произнесъ:

— Я ничего не присваиваю одному-себѣ изъ того, на что имѣеть право всякій рыцарь. А власти вашей всегда покорно подчиняюсь.

Сказавъ это, Бернардъ тихо вышелъ малыми дверями въ трапезную, по каменнымъ плитамъ которой долго слышались его ровные, размѣренные шаги.

Людеръ слѣдилъ за нимъ злобнымъ взглядомъ. Но къ нему подошли настоятель и великій комтуръ, перекинувшись другъ съ другомъ знаками. Комтуръ сказалъ Людеру мягко, но съ убѣжденіемъ:

— Не имѣеть-ли ваша милость какого-нибудь предубѣжденія противъ брата Бернарда? Вы съ нимъ обошлись слишкомъ жестоко! Мы привыкли его уважать. Онъ оказалъ большія услуги ордену и не разъ скромно отклонялъ отъ себя предлагавшіяся ему капитуломъ повышенія.

— Ну, да, чтобы тѣмъ незамѣтнѣе всюду совать свой носъ!— возразилъ Людеръ:—Я ни надъ собою, ни подъ собою не намѣренъ видѣть этихъ тайныхъ помощниковъ.

Всѣ присутствующіе смолкли, а великій комтуръ, признавая дальнѣйшій споръ неумѣстнымъ, тоже прекратилъ разговоръ.

Оборотъ, принятый этимъ споромъ, заставилъ Людера сильно призадуматься. Онъ сознавалъ, что увлекся ненужнымъ гнѣвомъ и недостойнымъ предубѣжденіемъ. Обратясь къ настоятелю, онъ заговорилъ съ нимъ о предстоящей экспедиціи въ Литву.

Ему доложено было, что всѣ приготовления окончены, и что остается поджидать морозовъ, которые-бы затянули льдомъ рѣки и болота.

Доложилъ ему комтуръ, что пришли уже вѣдомости о числѣ охотниковъ изъ нѣмецкой земли.

Тѣмъ не менѣе, чело Людера не прояснялось. Онъ продолжалъ таить гнѣвъ противъ Бернарда,—гнѣвъ тѣмъ неумолимѣе, чѣмъ болѣе сознавалъ онъ себя безправнѣе и безсильнѣе...

Пройдясь раза два по залѣ, онъ взглянулъ на двери, ведущія къ его опочивальнѣ, и невольно вспомнилъ, съ содроганіемъ, о той мученической смерти, которою умеръ его предшественникъ Осселенъ. Грустно склонивъ голову, онъ удалился въ свое по-

мѣщеніе. Ожидавшіе его у порога Компанъ и графъ Геннебергъ отворили ему двери.

Остальные стали собираться и выходить.

— Какъ несправедливо отнесся нашъ мейстеръ къ брату Бернарду!—полушепотомъ произнесъ казначей, обращаясь къ присутствующимъ:—Онъ, видно, не знаетъ его еще!

Слушатели сдѣлали утвердительный знакъ головою. Тотъ продолжалъ:

— Бернардъ, это—величайшій между нами человѣкъ, полезнѣйшій слуга ордена. Другіе о себѣ помышляютъ, а онъ всецѣло отдается одному дѣлу—величію своего ордена! Онъ отрѣшился отъ себя, и самое тѣло его срослось съ его монашескимъ платьемъ и нельзя оторвать одно отъ другого!

— И вовсе не тщеславенъ, не ищетъ отличія,—прибавилъ комтуръ:—Людеръ оцѣнить-таки его, въ свое время!

— И за Бернарда можно поручиться, что онъ не пойдетъ за Эндорфомъ, и вѣсто того, чтобы другого убить, онъ скорѣе самъ ляжетъ костью,—прибавилъ отъ себя настоятель.

Огонь уже погасалъ; старѣйшины-рыцари стали расходиться. Комтуръ, оставивъ залу, болѣлъ душою за обиду, нанесенную Бернарду. Онъ пошелъ къ нему въ келью, но не нашелъ его тамъ. Келья эта, составлявшая привилегированное жилище почтеннаго брата Бернарда, находилась въ отдѣльномъ зданіи. Но внутренность ея была „очищена“ отъ всего, что только могъ осудить самый строгій пуританинъ. Стѣны были голы, полъ изъ изразцовъ, не покрытый ничѣмъ, никакимъ подобіемъ ковра; все блестящее, что только могло-бы льстить глазу, было удалено отсюда, и только ложе, узкое и жесткое, какъ нора-берлога, составляло меблировку этой рыцарской кельи.

Видно было съ перваго взгляда, что тутъ жилъ человѣкъ, взоръ котораго видѣлъ глубже поверхности вещей, а мысль уходила дальше и шире того узкаго горизонта, который охватывается мелочными позывами къ комфорту.

Комтуръ окинулъ почтительнымъ взоромъ эту берлогу анахорета-воина и готовъ былъ уже удалиться, какъ завидѣлъ подходящаго хозяина ея.

Лицо его было спокойно и величаво. На немъ читалась глубокая и серьезная дума.

Завидѣвъ великаго комтура, Бернардъ почтилъ его поклономъ и приглашеніемъ. Они вошли.

— Братъ Бернардъ!—сказалъ комтуръ, придавая своему голосу радостное выраженіе:—я пришелъ къ вамъ, чтобы утѣшить васъ: Людеръ, не зная васъ вовсе, только и думаетъ о своей власти, къ которой такъ ревнивъ, что заподозриваетъ въ васъ посягателя на нее. Нужно ему это высказать!

— Очень радъ!—усмѣхнулся Бернардъ:—дѣло идетъ ни обо мнѣ, ни о немъ. Мы всего только слуги великой идеи, орудіе ея, и лучше намъ сломиться, лишь-бы дѣло отъ того не потеряло и не потерпѣло.

— Отлично вы сказали это, прекрасно! Дѣлайте-же такъ!

— Я и не думаю поступать иначе,—отвѣчалъ Бернардъ:—для меня главное, чтобы я могъ докончить мою задачу по моему; ну, а если не удастся...

— Отчего можетъ быть неудача?—прервалъ комтуръ.

— Отъ того,—отвѣчалъ мрачно Бернардъ:—что человѣческія предположенія не вѣрны. Самый могучій изъ насъ можетъ неожиданно пасть отъ презрѣнной песчинки, которая, попавъ подъ ногу, заставитъ его поскользнуться. Такъ и я. Мальчика воспиталъ, вырастилъ и теперь...

— Боленъ?.. Ну, выздоровѣетъ! — увѣреннымъ и безпечнымъ тономъ отвѣчалъ комтуръ.

— Госпитальеръ не общаетъ ничего. Мальчикъ сохнетъ. Хожу, наблюдаю — и ничего не вижу, а сознаю, что на его молодую душу упало какое-то злое сѣмя! Потому-что тутъ не тѣло, а душа страдаетъ. Опасаюсь я...

Но великій комтуръ всталъ и, положивъ старому Бернарду руки на плечи, сказалъ веселымъ голосомъ:

— А я такъ ничего не опасаюсь, ни за васъ, ни за ваше дѣло... Будьте-же здоровы.

И съ этими словами онъ вышелъ.

Въ избѣ наступила совершенная темнота, когда дверь снова отворилась и мальчикъ внесъ зажженную лампу, заслоня ее отъ вѣтра.

— А что-же Швентасъ? — спросилъ Бернадъ: — ты позвалъ его!

Хлопецъ далъ знакъ согласія и вышелъ.

Рыцарь, поджидая кого-то, ходилъ нетерпѣливо по кельѣ и, каждый разъ, когда слышались шаги, приостанавливался и внимательно прислушивался къ нимъ.

Вдругъ, дверь отворилась, и въ келью вошло какое-то коренастое, безобразное существо, сильно согна, уткнулось лбомъ въ полъ и стало неподвижно, на толстыхъ, короткихъ и кривыхъ, какъ старые пни, ногахъ.

При свѣтѣ лампы можно было рассмотреть его лицо, огромное, круглое, глупое и къ тому еще, веселое лицо, принадлежащее видимо, крестьянину, закорюзлomu въ работѣ, пригнетенному тяжелымъ трудомъ, привыкшему къ невзгодамъ.

Широкая, какъ столъ, спина; руки, какъ кривые дубовые сучья; грудь, словно земная твердь, — вотъ физическій складъ этого человѣка. Что до головы, то трудно-бы было догадаться, какая причина привела это тупое животное и поставила въ тайныя сношенія съ умнымъ Бернадомъ.

Бернадъ подошелъ къ нему и взглянулъ ему въ глаза, и въ глазахъ этихъ вдругъ засвѣтилась какая-то искра, если не ума, то лукавства, хитрости.

— Ну? Что-же, въ дорогу? — спросилъ Бернадъ въ-полголоса.

— Ладно, таточку, въ дорогу, такъ въ дорогу! — отвѣчалъ мужиченко по-нѣмецки, коверкая языкъ: — я всегда готовъ! Мнѣ что? — посохъ въ руки и маршъ... А куда пойдемъ-то? — лукаво спросилъ онъ.

Бернадъ промолчалъ, и затѣмъ сказалъ на ухо:

— А еслибы да въ Литву?

— А что-же такое, хоша-бы и въ Литву. — усмѣхнулся Швентасъ: — въ Литву, такъ въ Литву... Развѣ-же я тамъ не бывалъ?

— Пойди-то пойдемъ, да надо намъ и цѣлыми вернуться, — въ этомъ вся задача, братецъ ты мой.

Швентасъ, въ знакъ убѣжденія, ударилъ себя въ грудь кулакомъ.

— Но, смотри ты, литовское животное! Не измѣни мнѣ и ордену, не то я тебя найду подъ землею и повѣшу, какъ собаку!

— Развѣ-же вы меня не знаете?—воскликнулъ хриплымъ голосомъ Швентасъ:— Развѣ мнѣ впервые ходить для васъ, подглядывать, доносить вамъ и быть вѣрнымъ псомъ? И что мнѣ за дѣло до этой дичи, язычниковъ? Развѣ вы не знаете, какъ я живу? Не видите моей души? Не самъ-ли вамъ предался, чтобы мстить за себя. Развѣ не меня они вѣшали? Развѣ не они спалили мою хату,—увели моихъ дочерей? И за что?.. Развѣ они братья, они враги мнѣ, и служу вамъ, чтобы мстить имъ. Куда идти-то, батюшка? Лишь-бы кровь ихъ видѣть, хоть на край свѣта пойду!

— Пиллены знаешь?—спросилъ Бернардъ.

Мужиченко задвигалъ головою и бровями въ знакъ согласія.

— Тамъ живетъ...

— Старая Реда, жена Кунигаса, — подхватилъ Швентасъ: — та, у которой взяли сына, забили,—помню, какъ-же. О! Баба такая, что трехъ мужиковъ стоитъ: туда попасть, что въ гнѣздо осы, али въ муравейникъ залечь на ночлегъ...

— Такъ, пожалуй, не пойдешь?—спросилъ Бернардъ.

— Отчего не пойти,—пойду!—усмѣхнулся Швентасъ:—А на что умъ, да хитрость нашему брату даны?

— Тебѣ въ Пилленахъ доведется и пожить, пожалуй. Вѣдь мать сына оплакиваетъ еще, вѣрно; ну, а какъ еслибы сказать ей, что онъ живъ, то-то бы...

Швентасъ засмѣялся.

— Ого! Живъ!.. Живъ-бы былъ, такъ, поди, одного выкупа сколько-бы можно взять!... И то сказать, живъ, нѣтъ-ли, а отчего не подобрать ей подходящаго хлопца... такъ, чтобы и лѣта, примѣрно, и прочее, все, какъ есть, въ порядкѣ-бы было.

— Ну, можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ живетъ, — отвѣчалъ рыцарь:—А ты скажи лучше, какъ-же ты покажешь себя, откуда?

— Гдѣ, въ Пилленахъ-то?—да скажусь, какъ придется...

— Нѣтъ, ты скажи, что изъ-подъ границы... Ну, а кто ты?

— Кто? Ну, нищій, нехай буду, а не то колдунъ-бродяга...

— Скажешь тамъ, что по деревнямъ ходятъ слухи, что взятые въ плѣнъ ребята живы и здоровы.

— Ужъ я постараюсь!—весело подхватилъ Швентасъ:—я имъ накажу турусы на колесахъ!

— Ну, пока довольно,—сказалъ Бернардъ, послѣ раздумья, не рѣшаясь до времени довѣрять свою тайну этому полудикому своему гонцу:—Иди-же, исполняй, что тебѣ приказано, а будь на-чеку,—все, что услышишь, лови на-лету. Помни, что она мать!

— Какъ есть, баба!—согласился Швентасъ:—Я слыхалъ о ней малость. Она отъ злости да мщенія совѣмъ бой-бабой стала...

— Тѣмъ лучше, а когда услышитъ, что сынъ живъ, что тогда запоетъ?!

Мужиченко схватилъ руками свою голову и, качая ею, изобразилъ нѣчто въ-родѣ смѣха.

Бернардъ еще разъ повторилъ ему всю задачу; тотъ подтверждалъ кивками головы и блескомъ лукавыхъ глазъ, что задача имъ понята и, затѣмъ, схвативши полу плаща рыцаря, и прикоснувшись ею до рта, онъ вышелъ изъ кельи.

Бернардъ остался одинъ. Ни разговоръ съ Людеромъ, ни предстоящая дѣятельность,—ничто, словомъ, не тревожило его яснаго душевнаго покоя, этого глубокаго океана души, оледенѣлой годами.

Онъ ходилъ, отдаваясь размышленію, быть можетъ, о другихъ вопросахъ, углубленный въ нихъ, — ходилъ, потирая временами свой высокій лобъ.

Стукъ въ двери заставилъ его очнуться. Онъ отворилъ дверь, и въ комнату вошелъ сгорбленный старецъ, опираясь на палку.

Грубая одежда пилигрима, безъ всякаго монашескаго знака, даже безъ креста, давала поводъ думать, что старецъ былъ человекомъ, сознавшимъ въ себѣ внутреннее достоинство. Темная черная шапочка, нѣчто въ-родѣ камелавки, прикрывала его волнистые серебряные волосы. Борода и усы, коротко подстриженные, обрамляли его лицо, со слѣдами боевыхъ рубцовъ. Одну ногу онъ волочилъ за собою, какъ полѣно, а пальцы на рукахъ его были искривленные, словно въ узлы переплетшіеся древесные корни.

Это былъ человекъ-развалина, вызывающая почтительное вниманіе къ себѣ. Лицо его, благородное и гордое, было подернуто грустью и скорбью затаенной душевной боли.

Это былъ старѣйшій изъ рыцарей крестовыхъ, воевавшихъ на этой землѣ, нѣкто Куртъ, графъ Гохбергъ, родъ котораго

происходилъ съ Рейна. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, бросилъ онъ свой домъ, вслѣдствіе фамиліальныхъ распрей, и прибылъ сюда воевать съ язычниками, да такъ и остался тутъ. Сломанный боями, въ которыхъ, ища смерти, онъ являлся ратоборцемъ, онъ не зналъ, куда склонить ему старую голову и припелся къ знакомому уголку. Братья-рыцари не разъ хотѣли его выбрать казначеемъ, комтуромъ, даже высокое достоинство мейстера было ему открыто,—но онъ избѣгалъ этихъ тягостей власти и остался внѣ ея, съ одною думою о величинѣ ордена, съ однимъ желаніемъ блага ему.

Разница между Куртомъ и Бернардомъ была та, что Бернардъ былъ дѣятельный, а Куртъ ограничивался осужденіемъ всего новозаведеннаго въ братствѣ; онъ былъ рѣзокъ, и только старія его заслуги давали право на всеобщее поношеніе.

Рѣдко покидалъ онъ свою избу, а зимою или въ глухую осень, страдая отъ ранъ, сидѣлъ у огня, укутанный въ шубу. Поздній визитъ его къ Бернарду заставлялъ думать, что тутъ не просто. Его, въ самомъ дѣлѣ, привело сюда сочувствіе къ старому товарищу, потерпѣвшему незаслуженную обиду.

— Ну, что?—спросилъ онъ, входя:—ну, что? Мейстеръ Людеръ показываетъ уже клыки? Не можетъ снести, что кто-нибудь безъ него дѣло дѣлаетъ!? Ужъ взялся за васъ, а?!

Бернардъ равнодушно пожалъ плечами.

— Жаль мнѣ васъ! Сердечно жаль!—повторялъ глухимъ голосомъ старикъ Куртъ:—Но это еще не конецъ! Нашъ старый орденъ передѣляется молодыми людьми: институтъ рыцарей, ихъ права,—все будетъ опрокинуто вверхъ ногами!

И онъ дрожащею рукою сдѣлалъ въ воздухѣ какой-то неясный, но рѣшительный, знакъ.

Бернардъ подставилъ единственный наличный стулъ: старый крестоносецъ опустился на него, кряхтя и со стонами.

Хозяинъ зналъ уже, что ему доведется выслушать цѣлую филиппику негодующаго старца на новыя времена, и рѣшился нести покорно роль слушателя до конца.

— Я помню иныя времена,—продолжалъ старикъ:—иныхъ людей... Самый орденъ былъ не нынѣшній орденъ, а такой, какимъ его основали еще въ Палестинѣ... Вижу ясно, что къ по-

гибели его ведутъ! Не стало Бога въ сердцѣ,—рыцари не лучше разбойниковъ! Развратъ! И чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже!..

— А я еще не вижу такого зла, — рѣшился вставить слово Бернардъ.

— Не видите, потому-что сами вы добры,—прервалъ Куртъ:— а я вижу, вижу ту минуту, когда падетъ орденъ, какъ осель, нагруженный золотомъ, и коршуны, среди пустыни, стануть терзать его бока!

Бернардъ хотѣлъ-было защищать орденъ, но Куртъ не далъ ему произнести ни слова.

— Ты уже не засталъ наши лучшіе годы, — сказалъ онъ: — То были годы хорошіе, святыя времена! Тогда мы были рыцарями креста Иисусова,—нынче мы разбойники! Мы ходили въ бой послѣ строгаго поста, съ молитвою о Богородицѣ! Не было намъ нужды ни въ мягкой постели, ни въ украшеніяхъ золотыхъ, ни въ винѣ, ни въ прислугѣ и конюхахъ, — мы сами несли на себѣ всю тяжесть вооруженія. Всѣ были равны, какъ братья, а теперь...

— Мы и теперь сознаемъ себя равными, — сказалъ Бернардъ.

— Да,—произнесъ проницески Куртъ: — а откуда-же взялись сѣрые плащи?! Къ чему это отдѣленіе столбовыхъ или гербовыхъ рыцарей отъ простыхъ, когда всѣ равны?! Прежде, бывало, не было и рубахи собственной, а теперь у каждого завелась шка-тулка, набитая всяческимъ добромъ! Прежде нельзя было бросить взгляда на женщину, а нынѣ у старшихъ рыцарей, по мѣстеч-камъ, любовницы живутъ!..

— Отче!..—воскликнулъ Бернардъ съ упрекомъ.

— Братъ мой! Я не клевету, — Богъ мнѣ судья!.. Я говорю потому, что у меня сердце надрывается. Я любилъ и люблю орденъ всею душою и отвращеніе питаю къ Веліалу.

И старецъ тяжело вздохнулъ.

— Увы! Такой-же конецъ ожидаетъ орденъ, какъ и тамплиеровъ! — продолжалъ онъ: — Короли захватятъ нашу казну, папа отречется отъ насъ!

— Слава Богу, мы еще не были самохвалами и отступни-ками! — возразилъ Бернардъ.

— Близко, близко уже къ тому!.. Кто не живетъ въ Богѣ, тотъ противъ Бога!

И старикъ, тяжело вздохнувъ, опустился на стулъ еще ниже.

— Благодарю васъ за сочувствіе,—отозвался Бернардъ:—но я вѣдь не принимаю къ сердцу словъ Людера. Пусть онъ идетъ своимъ путемъ, а я пойду своимъ.

— А я своимъ,—подхватилъ Куртъ:—и, быть можетъ, слово сдѣлаетъ то, на что безсильны руки. Гм! Гибъался изъ-за того хлопца!... А вы его и по христіански, и по-людски воспитали... А онъ и понять этого не можетъ!

— Эхъ, на бѣду мою, онъ еще расхворался! — сказалъ Бернардъ.

— Выздоровѣтъ! Въ эти годы болѣзнь не страшна!—увѣренно произнесъ старый Куртъ: — Надо на коня его посадить, и все пройдетъ!

— Нѣтъ, уже отецъ госпитальеръ рѣшилъ, что не сидѣть ему на конѣ!—грустно произнесъ Бернардъ.

— Послать его къ одному изъ комтуровъ, тамъ провѣтрится,—подумалъ вслухъ старецъ.

— И объ этомъ я думалъ,—отвѣчалъ Бернардъ.

Наступила минута молчанія. Тишина царствовала въ замкѣ. Рыцари ложились спать, и только одни конюхи бродили, словно тѣни отъ жилья къ конюшнѣ. Старецъ ушелъ въ свою келью, а Бернардъ, вмѣсто того, чтобы залечь спать, побрелъ къ зданію, гдѣ жилъ госпитальеръ. Онъ зналъ, что почтенный Сильвестръ проводилъ почти цѣлыя ночи безъ сна. Онъ, если и спалъ, то всегда одѣтый, согласно съ уставомъ, и приткнувшись гдѣ попало, чтобы быть готовымъ ежеминутно, съ лампою въ рукахъ, на помощь больному.

Назначеніе Сильвестра на должность больничнаго старосты въ высшей степени было удачно. Эта должность, давая избраннику своему права на широкую, свободную и безотчетную дѣятельность, требовала именно такого человѣка. Многіе завидовали этому мѣсту, но никто не могъ сказать ни слова противъ Сильвестра.

Натура старика была такова, что видъ человѣческихъ страданій только смягчалъ и расширялъ его сердце. Практика дала ему богатый матеріалъ для распознаванія человѣка и, несмотря

на это знаніе, онъ любилъ человѣка тѣмъ болѣе, чѣмъ больше зналъ его.

Бернардъ, совершенно не похожій на Сильвестра, почиталъ его наравнѣ съ другими.

Онъ нашелъ Сильвестра въ комнатѣ, продушенной всевозможными бальзамами, травами, наполненной стеклянками и бутылками всѣхъ сортовъ.

Госпитальеръ дремалъ, и тихіе шаги Бернарда сорвали его съ кресла.

— Извините, надоѣлъ я вамъ,—почелъ долгомъ сказать Бернардъ:—но не могу быть спокойнымъ, какъ подумаю о нашемъ больномъ мальчикѣ.

Сильвестръ развелъ руками.

— Не хуже ему, по крайней мѣрѣ?—спросилъ Бернардъ.

— Но и не лучше,—отвѣчалъ Сильвестръ:—Вчера еще я полагалъ, что болѣзнь одинаково можетъ быть и въ тѣлѣ, и въ душѣ его,—сегодня вижу, что тронута его душа... Страдаетъ, бѣднѣе, тоскою...

— Тоскою?.. По комъ-же или по чемъ?

— Трудно рѣшить!—отвѣчалъ Сильвестръ:—Во Франціи говорятъ такъ, что, когда молодое вино бродитъ, то старое, въ бочкахъ, ему вторитъ; что когда цвѣтъ на лозѣ цвѣтетъ, сокъ виноградный съ тоски бочки разрываетъ...

— Говорите, говорите!—побуждалъ его нетерпѣливо Бернардъ.

— Сами вы знаете, кто—о нѣ,—продолжалъ Сильвестръ:—Можетъ быть, литовская кровь кипитъ въ немъ, когда готовится народное движеніе!

— Но откуда-же онъ знаетъ о себѣ!—воскликнулъ Бернардъ.

— Не знаетъ, а почувалъ, возразилъ Сильвестръ:—Кто изъ насъ вѣдаетъ тайны міра сего!.. *Sunt arcona gerim!*—заклучилъ онъ тихо, по-латыни.

Бернардъ задумался.

— Сегодня онъ не такъ молчаливъ, какъ вчера,—продолжалъ Сильвестръ:—Ходилъ по своей кельѣ, какъ левъ въ клѣткѣ. На лицѣ у него выступилъ румянецъ, глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Показалось мнѣ, что мурлыкалъ какую-то пѣсню, но на вопросъ мой отвѣта не далъ.

— Нужны ему духовный наставникъ и молитва! — рѣшилъ строго Бернардъ, нахмутивъ брови:—Пошлемъ ему отца Антонія! Госпитальеръ молча согласился.

Затѣмъ, разговоръ былъ прерванъ, и Бернардъ, отказавшись отъ намѣренія посѣтить больного хлопца, пошелъ въ свою суровую келью.

III.

Тихо плыветъ старикъ Нѣманъ подъ высокимъ, крутымъ берегомъ. Проточилъ, прорылъ онъ давно себѣ ложе, залегъ въ него и, весною, когда вода прибываетъ, когда дождевые потоки поятъ его безъ мѣры, онъ по-прежнему не трогается изъ береговъ, не заливааетъ сосѣднихъ луговъ и полей. Иногда только поморщитъ онъ свое ясное чело, заблѣетъ сѣдинами набѣгающихъ валовъ, поднимется грозно, но скоро успокоится, прояснится и гонитъ свои воды къ вѣчному морю.

Молодые ручьи и рѣчонки шалятъ и безчинствуютъ,—онъ никогда, онъ скромнень и важенъ, какъ дѣдъ.

Близъ крутого поворота его, на крутой высотѣ, стоятъ городокъ-замокъ, охраняемый Нѣманомъ.

Онъ растетъ, ширится и укрѣпляется, по мѣрѣ того, какъ нѣмецъ стремится къ расширенію своихъ владѣній новыми захватами.

Отъ самихъ-же нѣмцевъ и научились литвины строить эти городки-крѣпостцы. Въ давнее время довольно было вала да рва съ частоколами; но противъ панцыря и бердыша съ самопаломъ потребовались и стѣны твердыя, каменные кладки... Но здѣсь подъ рукою есть и дубы, крѣпкіе какъ камень, и литвины стали сколачивать свои крѣпости изъ столѣтнихъ дубовъ, изъ старыхъ сосенъ. Грознымъ казались издали Пиллены. Громадные верхи поднимались на такую высоту, какой еще до тѣхъ поръ не видѣли на Литвѣ: двѣнадцать человѣкъ, еслибы стали одинъ на другого, едва-ли достали-бы до нихъ. И вокругъ всего замка ни оконъ, ни воротъ, ни щели,—весь онъ будто вылитъ изъ одной деревянной массы.

Только изъ середины его выдѣляется башня, какъ столбъ, съ которой открывалась далекая окрестность, лѣса, щетинившіеся верхушками сосенъ и елей, зеленые ковры луговъ, золотыя волны полей, да темно-голубые изгибы Нѣмана, который сторонится здѣсь, чтобы не залить пажитей, жмется тамъ, чтобы дать защиту людскому поселенію и поить его своею водою.

Замокъ выдвинулся на гористомъ полуостровѣ, связанномъ съ матерюю землею одною узкою полосою, которая, по прихоти Нѣмана, заливалась его водами, и тогда онъ заслонялъ Пиллены и съ этой стороны своею широкою и мощною спиною.

Подъ господствующимъ покровительствомъ замка прилѣпились хатки селянъ, словно грибы къ старому пню. Тамъ и сямъ, по полю, разбросаны, то верба одинокая, то сосна, случайно пощажженная топоромъ. Лоза густо обросла по краямъ березою, свѣсивъ къ водѣ свои тонкія вѣтви, какъ зеленые волосы русалки.

Было утро, не то осеннее, не то зимнее, сѣрыя тучи нависли; рѣзкій вѣтеръ гналъ ихъ по небу. Казалось, все вымерло вокругъ; даже въ хатахъ незамѣтно было движенія жизни.

Подъ одною изъ старыхъ вербъ, расколотыхъ грозой, у самаго душла, ютилась какая-то фигура, не то человѣка, не то звѣря.

Изъ одной хаты, вросшей въ землю, вышла дѣвушка, посмотрѣла въ сторону этой вербы, замѣтила живое существо подъ нею, покачала головою и скрылась опять въ своей землянкѣ.

Вслѣдъ за нею вышелъ человѣкъ, покрытый звѣриною шкурою шерстью вверхъ, и сталъ внимательно и чутко вглядываться. Потомъ схватилъ здоровую дубину и тихими шагами сталъ приближаться къ дереву.

Чѣмъ ближе подходилъ, тѣмъ яснѣе представлялась ему маленькая, толстая, осанистая человѣческая фигура, засѣвшая въ душлѣ. Изъ-подъ треуха выглядывало круглое, загорѣлое лицо, крайне некрасивое; за плечами висѣлъ туго набитый дорожный холщевый мѣшокъ. Ноги этого человѣка были окутаны частью въ необдѣланную кожу, частью въ лыки. Была съ нимъ и увѣсистая дубина.

Человѣкъ этотъ, живо поворачивая во все стороны голову, успѣлъ замѣтить и дѣвушку, и подходившаго къ нему теперь человѣка. Замѣтилъ онъ, но не оробѣлъ.

Спокойно свернувшись въ клубокъ, глядѣлъ онъ на приближеніе незнакомца.

Между тѣмъ, за своимъ хозяиномъ, изъ хатки выбѣжала большая, желтая шершавая собака,—выбѣжала и пошла по слѣдамъ его къ дереву, наживаясь съ каждымъ шагомъ все болѣе, ворча и скаля зубы.

Хозяинъ, полагаясь на чутье собаки, почувшавшей врага, крѣпче обхватилъ дубину.

Въ двухъ шагахъ отъ сидѣвшаго въ дуплѣ, они остановились... Хозяинъ оперся на дубину и смотрѣлъ, собака усѣлась, и жалобный вой ея огласилъ тихую даль...

Сидѣвшій въ дуплѣ приподнялся и всталъ.

— Кто такой будешь и что надо?—спросилъ его пилленецъ.

Путникъ добродушно засмѣялся.

— Развѣ сами не видите,—чего тутъ спрашивать! Хожу за милостынею,—вотъ и весь сказъ... Нѣмцы нашу землю захватили, намъ, бѣднягамъ, что и дѣлать больше, какъ не побираться.

Песъ по-прежнему завывалъ, хозяинъ его не умѣлъ найти отвѣта на слова странника... Было недалеко еще время, когда такой былъ бродяга дорогимъ и желаннымъ гостемъ; теперь, когда нѣмцы разрушили много городковъ и селъ и бродяжество стало обычнымъ, бродяги не принимались съ прежнимъ радушіемъ.

— А откуда ты?—спросилъ мужикъ, подумавъ.

— Спросите лучше, гдѣ я только не былъ... Больше держусь Нѣмана,—родина тутъ моя. Бывалъ въ давніе годы и въ Пилленахъ... О, сколько тогда поженилось здѣсь! Я самъ свальгонъ.

— Свальгонъ? А одежда-то отчего у тебя не свальгонская?—недовѣрчиво пыталъ крестьянинъ.

— Эва! Отчего одежда не свальгонская!.. Отъ того, что нѣмцы и одежду сорвали,—спасибо, самъ цѣль остался!

— Диво, нечего сказать! Свальгона и не убили!—усомнился крестьянинъ.

— Они-бы и рады убить, да я, не будь дуракъ, да въ воду, да съ помощью Перкуна и пролѣзъ подъ берегомъ,—вотъ и цѣль...

И съ этими словами свальгонъ-бродяга началъ подбирать свои кочевые доспѣхи и произнесъ самымъ довѣрчивымъ тономъ:

— Хорошо, что вы пришли, а то хоть волкомъ вой: холодъ, да голодъ одоѣли!.. И я вамъ не наскучу,—умѣю и ворожить, на пивѣ и на воскѣ, на водѣ,—кому какъ угодно... Умѣю лѣчить отъ болѣзни лихой и скоть, и человѣка...

Сельчанинъ тронулся назадъ домой, не вымолвивъ ни слова, и бродяга пошелъ за нимъ къ деревнѣ, откуда уже высовывались изъ оконъ любопытныя головы женщинъ и дѣтей, выбѣгавшихъ на улицу нагишомъ,—всѣ любопытствовали увидѣть незнакомца, хотя и литвина, все-равно.

Хотѣли провѣдать отъ него, нѣтъ-ли какихъ новыхъ вѣстей о нѣмцахъ, которые провели уже здѣсь, у нихъ подъ носомъ, свою завоевательную грань.

Всѣ валомъ повалили къ землянкѣ Гайлиса, куда за нимъ направлялся незнакомецъ.

Не то уже было теперь время на Литвѣ, что въ прежніе годы! И тогда доводилось биться съ врагами, но глубина пустошей, лѣсовъ, болотъ была потаеннымъ гнѣздомъ наивнаго, дикаго народа, почти не вѣдавашаго остального міра.

Теперь все перемѣнилось, съ того времени, какъ крестоносцы стали лагеремъ у границы и начали опустошать землю сосѣдей пруссовъ, вѣчно держа Литву въ тревогѣ и трепетѣ.

Приходилось неустанно стоять на стражѣ, не довѣряя даже глубинѣ своихъ пущей, дикихъ, едва доступныхъ врагу.

Весь народъ бѣжалъ въ лѣса, прятаясь въ нихъ, за болота, и только Кунигасы—эти хранители священнаго праха отцовъ, оставались въ крѣпкихъ посадахъ своихъ недремотными стражами. Вѣчно были они на-готовѣ, вѣчно на-чеку! Вотъ почему приходъ свальгона изъ чужой дали взбудораживалъ настороженное любопытство cadaго.

Какъ только, вслѣдъ за хозяиномъ, вошелъ онъ въ убогую хату, освѣщенную и согрѣваемую костромъ, разложеннымъ посерединѣ ея, на землѣ,—какъ хата эта наполнилась любопытнымъ людомъ; за дверями оставалось ихъ еще больше, по невозможности всѣмъ вмѣститься въ хату.

Хата была подобна Ноеву ковчегу, въ которомъ нашли себѣ пріютъ всѣ домашнія животныя: волю, коровы, ягнята, овцы, куры и гуси, а вмѣстѣ съ ними, уступая другъ другу мѣсто или ютясь

въ тѣсный уголь отъ холодовъ зимы, обитали и люди, — тѣ-же животныя, только въ начальнической роли.

Надъ всѣмъ этимъ блеющимъ, кудахтающимъ, ревающимъ, лающимъ, мычащимъ и говорящимъ населеніемъ сизый дымъ костра разстилалъ свой летучій покровъ.

Стѣны, сложенные изъ тяжелыхъ и корявыхъ стволовъ и заткнутыя по пазамъ мохомъ, были усажены всякими орудіями хозяйства.

Потолокъ сплошь былъ утыканъ пучками всевозможныхъ травъ, и тѣхъ, что пользовали отъ лихихъ болѣзней, лихоманокъ и порчи и тѣхъ, что были единственнымъ средствомъ отъ насѣкомыхъ и зловонія.

За крошечными дверями, въ сосѣднемъ отдѣленіи, виднѣлись низкіе возы, на толстыхъ сплошныхъ колесахъ, орудія землепашнаго труда, косы и грабли.

Свальгонъ усѣлся у огня, отстегнулъ свой треухъ и сталъ грѣть окованныя руки свои, простирая ихъ надъ яркимъ пламенемъ и сладостно жмурясь.

Гайлисъ пошелъ къ большому чану, зачерпнулъ изъ него темную жидкость и приказалъ дочери согрѣть ее.

Все молчало. Свальгонъ погруженъ былъ въ въ думу и, казалось, въ невеселую думу.

Когда жидкость вскипѣла на огнѣ, хозяинъ поднесъ ее гостю и тотъ, хлебнувъ разъ-другой, нѣсколько ожилъ, — онъ спросилъ:

— Ну что, нѣтъ оттоль новостей какихъ, отъ этихъ — будь они прокляты! — нѣмцевъ?

— Какъ нѣтъ, — есть!.. Нѣшто нѣмецъ будетъ сидѣть спокойно! Извѣстно, онъ только и ждетъ морозовъ... Станутъ озера, затаютъ льдомъ рѣки, — онъ тутъ, какъ тутъ!

Гайлисъ вздохнулъ.

— Эхъ! — сказалъ онъ: — кабы да не посадъ нашъ, да не боярыня, что сидитъ на немъ, — уйти-бы намъ всѣмъ въ пущу!.. Тамъ-ли не жизнь!

— Такъ у васъ тутъ Кунигасовъ нѣтъ? — спросилъ чуткій свальгонъ.

— Да какъ вамъ сказать, братику! Есть онъ у насъ и нѣту его... Отца его, стараго Кунигаса, такъ нѣмцы изранили, что

и духъ выпустилъ, а сынишку взяли съ собою, да почитай и заморили тамъ у себя... Вотъ, государыня боярынька-то наша, и плачетъ по немъ; да, должно, отъ скуки да отъ горя нами править, да такъ, что и мужчинъ-бы любому въ пору! Поди, отваги въ ней одной сколько: подъ самую, значить, подъ межу нѣмецкую стала и стоитъ...

— Баба знатная!—отозвался свальгонъ:—Да, слышалъ я, называютъ, что нѣмцы много такихъ юнцовъ въ плѣнъ побрали,—ими чтобы послѣ родную ихъ землю полонить...

— Пустое,—отвѣчалъ недовѣрчиво Гайлисъ:—Нѣшто мы не видали ихъ въ бою, нѣмцевъ-то? Нѣшто не знаемъ, какъ издѣваются они надъ литовскою кровью: баба ему не баба, дѣвка не дѣвка, хлопецъ — и того наровить за ноги, да головою о пень хватить!..

— Ну, съ барчатами иначе поступаютъ, — возразилъ свальгонъ:—хоть въ хлѣву, а держать ихъ и растятъ...

— Наша Кунигасовна, Реда, кабы вѣдала о томъ, то, вѣрно-бы, не тосковала о сынѣ,—вставилъ свое слово одинъ изъ слушателей.

— А я свое говорю вамъ, — упорствовалъ приходецъ.—Слыхомъ слышалъ, что хлопецъ пани Реды живъ и спрятанъ у рыцарей, какъ кладъ...

— Перкунъ! Батюшка нашъ!—воскликнулъ Гайлисъ, взмахнувъ руками:—разрази ты ихъ огнемъ и громомъ!... Сына хотятъ бросить на грудь матери родной съ мечомъ въ рукахъ! Ахъ, чтобы ихъ земля поглотила!...

Свальгонъ вздрогнулъ отъ этого проклятія и смолкъ. Въ это время у порога можно было отличить человѣка, который хотя и молчалъ, но, видимо, обращалъ къ своей особѣ общую предупредительность.

Нельзя было сказать, чтобы наружность его слишкомъ разнилась отъ другихъ: на головѣ остроконечная, съ лисьею опушкою, шапочка, кожухъ на статныхъ плечахъ, кожаные ноговицы, отороченныя опять-же мѣхомъ, и желѣзный топорикъ въ рукахъ,—вотъ его виѣшность. Къ ней нужно прибавить, что лицо его было круглое, съ сильно выступающими скулами и блѣдно-голубыми глазами, съ живымъ огнемъ въ нихъ... Его можно было принять за воина и вмѣстѣ за дворецкаго.

Молча подошелъ онъ къ огню, взглянулъ въ глаза свальгону, отчего тотъ, словно случайно, опустилъ изъ внизъ, и сѣлъ рядышкомъ съ пришлецомъ.

— Давно-ли сказка-то эта сказываться начала?—спросилъ онъ у свальгона.

— А надо такъ сказать: не отъ вчерашняго дня еще,—отвѣчалъ притворно-равнодушнымъ тономъ свальгонъ:—и не въ одномъ углу я ее слышалъ.

— Диву надо даться!—прошенталъ молодой человѣкъ:—Гм!.. знаешь что, братику мой, Реда наша, да и старина Вальгутись, отецъ ея, любить слушать сказки... Чтобы вамъ къ нимъ пойти! Тамъ и харчи не тѣ, да и положеніе иное, чѣмъ тутъ вотъ... Давайте-ка, я васъ свожу къ нимъ...

— Э! Гдѣ мнѣ, бродягѣ, идти на свѣтлыя очи боярыни!—воскликнулъ притворно свальгонъ:—Я и видомъ не взялъ, да и одежда моя вся—тьфу!...

И онъ выразительно плюнулъ...

— Чего тебѣ! Ты развѣ нѣмецъ или шпионъ какой,—тѣмъ иное дѣло: тѣхъ Реда наша видѣть не можетъ. Какъ въ руки ей попадутся, такъ и капутъ... Намеднисъ двухъ рыцарей велѣла при себѣ спалить,—такъ въ ладахъ своихъ желѣзныхъ и спеклись!.. А тебѣ что, съ тебя и волосъ не спадетъ,—ты бродяга, бѣднякъ,—вотъ и все!

Слушавшій старался отвѣчать смѣхомъ, но смѣхъ вышелъ у него боязливый, трепетный.

— А ну, идемъ-же, трогайся, — повторилъ свое приглашеніе молодой дворецкій.

— Нѣшто, идемъ,—отвѣчалъ свальгонъ, подумавъ.

— Куда это? Къ Редѣ?—спросилъ Гайлисъ.

— Къ ней самой,—отозвался дворецкій.—Надо ее позабавить; пускай новый человѣкъ поразскажетъ ей новостей, а то мы, домашніе, изъ силъ повыбились...

Встали они оба и пошли къ посадѣ. Вдоль перешейка, узкою тропинкою, шли они къ валу, дворецкій впереди, свальгонъ за нимъ, чутко и внимательно разсматривая мѣстность и дорожки, змѣями расползшіяся вдоль этой насыпи.

Наконецъ, тропинка пропала въ какомъ-то подземельи, куда

втолкнулъ дворецкій свальгона, поставивъ передъ собою и крѣпко ухвативъ и двигая его впередъ за кушакъ.

— Смѣло, пріятель, смѣло!—говорилъ онъ:—держиcя стѣны, и ступай смѣло,—не упадешь!

Долго шли они такъ ощупью; потомъ, ближе къ выходу, когда слабый свѣтъ забрезжилъ въ глухомъ мракѣ подземелья, дворецкій опередилъ свальгона и пошелъ къ выходу, навстрѣчу стражѣ.

Они вышли на маленькій, хмурый, какъ тюрьма, дворикъ, который окинулъ быстро своимъ мышинымъ взглядомъ свальгонъ.

Тутъ громоздились тяжелыя, неуклюжія, уродливыя, но мощныя, постройки, созданныя, казалось, не человѣческою рукою. Свальгонъ окинулъ ихъ внимательнымъ, пытливымъ взглядомъ, чуя въ сердцѣ тревогу и тайный страхъ.

Мѣстами, и то въ самомъ верху, пробиты были узкія окна, словно щели, да на выступакъ висѣли толстыя концы веревокъ и канатовъ.

На обширномъ дворѣ, который пролегалъ за этою первою башнею, разбросаны были избы и глиняные курени, изъ отверстій которыхъ вверху валилъ дымъ. Множество люду, все молодого, крѣпкаго, отборнаго, бродило здѣсь, собраннаго отовсюду для обороны и оживленія этого печальнаго гнѣзда.

Они подошли, наконецъ, къ низкой, продолговатой, бревенчатой избѣ—замку Реды... На крыльцѣ этой избы стояла высокая толстая, ожирѣвшая женщина, съ краснымъ крупнымъ лицомъ, упершись въ бока. Бабы и дѣвки вертѣлись передъ нею, однѣ въ бѣлыхъ повязкахъ, другія съ распущенными волосами. Къ ней обратился дворецкій съ такими словами:

— Матушка! Вотъ веду къ тебѣ голоднаго бродягу, онъ и поворожить умѣетъ, онъ те и пѣсню споетъ, расскажетъ сказку,—только покормить его нужно прежде.

Толстая женщина пропустила ихъ мимо себя, указавъ дверь налѣво.

Они вошли въ просторную избу, гдѣ посерединѣ горѣлъ огонь. Вокругъ него сидѣло множество людей, къ какихъ-то странныхъ разнообразныхъ костюмахъ. Особенно выделялся старый вайделоть, въ своемъ широкомъ кушакѣ и платѣ, обшитомъ козымъ мѣхомъ, по краямъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ прусъ, весь обросшій

бороною, изъ массы волосъ котораго торчалъ одинъ носъ, да глаза свѣтились яркимъ свѣтомъ.

Оба старца молча, неподвижно сидѣли, глядя упорно въ огонь. На головахъ ихъ лежали зеленые дубовые вѣнки. Отдѣльно отъ другихъ, валялся въ углу закованный въ цѣпи человекъ, кости и кожа, настоящій трупъ посреди живыхъ людей.

Всѣ это общество ѣло и пило изъ большихъ мисокъ, изъ большихъ кубковъ, деревянныхъ и глиняныхъ, которые вносили и уносили женщины, обслуживавшія подъ бдительнымъ надзоромъ жирной кастелянши.

Шумъ стоялъ въ избѣ непомѣрный; непомѣрно распространялись по ней густыя волны всяческой смѣды, продушенной лукомъ, чеснокомъ и другими неменѣе пахучими зельями, съ присоединеніемъ къ ихъ острому запаху душнаго чада отъ пригорѣлаго сала.

Изъ угловъ доносилась мурлыкающая пѣсня, — доносилась и замирала, словно въ испугѣ...

Вошли наши новые знакомцы и обратили на себя всѣ взоры, пошли вопросы: откуда? кто?..

Свальгонъ смѣшался-было, но воспользовался поданною ему мискою съ похлебкою, сѣлъ на большой камень и принялся локать изъ нея, съ жадною поспѣшностью голодной собаки.

На всѣ вопросы давалъ онъ краткіе отвѣты, полусловами, проглатывая вмѣстѣ съ похлебкою излишнія подробности.

А замѣтивъ, что такой разговоръ вызвалъ раза два смѣхъ, онъ нарочно пустил въ ходъ прибаутки, поговорки и другія присловья...

Ему кто задасть точный вопросъ, а онъ отвѣтитъ поговоркою.

— Что за диво! — восклицаетъ онъ: — что людей, то ушей и глазъ! То и языковъ! Одинъ видитъ справа, другой слѣва! Я ничего не видалъ, не слыхалъ, — я нюхалъ, приняховался... Убили медвѣдя, трубы спрятали!..

Слушая этотъ странный разговоръ, многіе стали смѣяться, другіе плюнули, покачавъ головою, а черезъ минуту тоже хохотали...

Послѣдовалъ еще вопросъ, а онъ на него опять далъ такой отвѣтъ, что ни Богу свѣчка, ни чорту калачъ.

— Къ чему, — сказалъ онъ:—кудель выбивать, когда и щипы въ ней нѣтъ?

Оставили его въ покоѣ, какъ Божьяго человѣка, юродиваго, съ котораго взятки гладки. Полегли спать, а кто вышелъ. А онъ, тѣмъ временемъ, взявъ кубокъ, прикорнулъ къ огоньку, да сталъ подумывать о своей задачѣ.

Скоро явился дворецкій и, толкнувъ его въ бокъ, тихонько сказалъ ему:

— Ну, идемъ... Реда знаетъ о тебѣ,—ей доложено, идемъ.

Свальгонъ уложилъ свои торбы въ уголь, обтянулъ свой кафтанъ и пошелъ, молча, за своимъ проводникомъ.

На другомъ концѣ зданія, на каменномъ основаніи, стояла изба Реды. Разница этой постройки отъ остальныхъ ея частей заключалась только въ томъ, что бревна были чище обрублены, плотнѣе заткнуты пазы мохомъ.

Вступивъ на порогъ этой избы, свальгонъ увидѣлъ въ ней дѣвушекъ и женщинъ за пряжею. Свѣтъ горящихъ смоляныхъ лучинъ озарялъ ихъ бѣлую одежду.

Посреди нихъ стояла высокаго роста, статная женщина, съ лицомъ суровымъ и пасмурнымъ, какъ осенняя ночь. Не взирая на ея вдовью черную повязку, изъ-подъ которой выбивались густыя космы волосъ, не взирая на ея одежду, вся фигура ея дышала силою, энергіею, властью и могуществомъ мужчины-предводителя.

Она стояла и мрачно смотрѣла въ огонь, слушая родныя старыя литовскія пѣсни. Окружающія ее, казалось, не смѣли поднять глазъ на свою госпожу.

Позади нея, на высоко-поднятомъ ложѣ, на шкурахъ, лежало живое существо. Сѣдые волосы, худое старческое въ морщинахъ лицо, слабый станъ,—принадлежали когда-то красивому и мощному Вальгутису, престарѣлому отцу Реды.

А дѣвки пряли и пѣли:

Шоль-пошелъ отецъ на подворье красное

Золотымъ ключомъ онъ позвякиваетъ,

Молодыхъ сыновъ пробуждаетъ онъ:

„Вы вставайте, гой—молодые сыны!

Поднимайтесь, могучіе, на ноги,

Чтобы помѣряться силою крѣпкою

Со врагами нашими, со нѣмцами!..
Они тутъ какъ тутъ, поганые,
Окружили насъ, ихъ сотъ десять есть,—
Вашихъ сестеръ имать почали,
Вашихъ женъ ужъ насилуютъ!..
Разобьемъ мы крѣпкій вражій станъ,
Вызовимъ нашихъ женъ, сестеръ;
Золотую казну нѣмецкую,
Повытрясемъ, подѣлимся ею..
У каждой у дѣвицы нашей
Въ волосахъ золотыхъ будетъ золотой цвѣтокъ,
Золотой цвѣтокъ—добыча знатная!..“

Пѣснь уже спѣта, а Реда все стоитъ, все вслушивается въ замирающіе звуки ея. И было то знакомъ для дѣвушекъ, что нужно пѣть другую пѣсню.

Переглянулись межъ собою дѣвушки и запѣли, подтягивая запѣвающей:

Ахъ ты, пѣвица
Горемычная,
Ты чего сидишь
Не обмолвишься?
Словомъ, пѣсню
Думы тягостной
Изъ души вонъ
Не повыгонишь?
— „Ахъ, мнѣ не пѣсни пѣть,
Сестрицы мои милыя,
Въ-пору мнѣ кручиниться,
Сиротинушкѣ-бобылицѣ..
Изъ-за моря, изъ-за бурнаго,
Къ намъ пришли злые вороги,
Злые вороги, бородатые..
Смяли они огородъ мой,
Въ немъ деревушки повырубали,
Розы нѣжныя повытоптали,
Отца, братьевъ повыбили,
Въ битвѣ, кровью ихъ землю полили“..

Кончилась и эта пѣснь, а Реда стояла, не двигаясь. Только при словахъ: „Злые вороги бородатые“, чело ее насушилось еще пуще, еще грознѣе, еще мрачнѣе стала смотрѣть она въ огонь. Время отъ времени, словно оживая на минуту отъ чаръ этой пѣсни, приподнималъ голову старый Вальгутисъ, обнаруживая

свой голый черепъ, открывая свой беззубый, зіяющій черною пропастью ротъ.

Свальгонъ внимательно слушалъ, еще внимательнѣе глядѣлъ. Злость бурлила въ душѣ его, при видѣ всего этого, враждебнаго ему, проклятаго имъ, литовскаго гнѣзда.

Читатель, конечно, догадался уже, что свальгонъ этотъ былъ никто иной, какъ нашъ знакомецъ Швентасъ. Служа Бернарду, нѣмцу рыцарю, онъ служилъ самому-себѣ, дѣлу своей личной мести, за убитыхъ дѣтей и жену... Онъ пришелъ сюда шпионить, собирать данныя для гибели литовскаго гнѣзда Кунигасовъ... А между тѣмъ, эти пѣсни, пробудившія въ немъ старыя, уснувшія или дремавшія только, чувства любви къ родному, близкому къ Литвѣ,—вдругъ перевернули его сердце, и слезы, горячія, дѣтскія, любовныя и скорбныя слезы брызнули у него изъ очей...

Вдругъ почувствовалъ онъ тоску по этой родинѣ, связь съ нею, которая не умерла въ немъ, а была только подавлена на время злыми чувствами личной мести.

Швентасъ плакалъ, припоминая свою мать, дѣтскія пѣсни, пороги бѣдной литовской землянки...

Онъ созналъ вдругъ, что онъ самъ, все существо его проникнуто этою пѣснью, ея звуками бьется его сердце; ея словами говоритъ его душа; онъ самъ стоитъ на этой землѣ—ея частью, какъ сынъ на персяхъ своей матери!.. Онъ ничего не видѣлъ болѣе передъ собою, кромѣ старыхъ видѣній, которыя вставали передъ нимъ: глухой лѣсъ, землянка; старый отецъ его у огня, сестры, просушивающія свои плахты, а самого-себя видѣлъ онъ ребенкомъ, складывающимъ горку изъ прибрежныхъ камушковъ-голяковъ... Одни милыя, дорогія, близкія сердцу лица смотрѣли на него изъ этого прошлаго; не было тамъ ни зла, ни вражды, ни обиды, ни мщенья...

И тонулъ онъ въ этомъ волшебномъ сладкомъ снѣ дѣтства, въ грезахъ его, до тѣхъ поръ, пока дворецкій, толкнувъ его въ бокъ, не разбудилъ и не призвалъ къ дѣйствительности.

Придя въ себя, увидѣлъ Швентасъ Реду, смотрѣвшую на него съ любопытствомъ... Но и видъ Реды не поднялъ въ его душѣ старой мести,—ея тамъ больше не было...

IX.

Грозно смотрѣли глаза Кунигасовой жены... Они прямо заглядывали въ душу, и трудно было стоять передъ ними.

Съ головы до ногъ осмотрѣла она бродягу, точно вѣрить не хотѣла ничему и никому, кромѣ своихъ глазъ.

— Откуда вы? Какъ здѣсь случились?—спросила она.

Низко поклонившись и стараясь придать лицу увѣренность и веселость, Швентасъ отвѣчалъ:

— Мать моя и госпожа! Я изъ тѣхъ бѣдняковъ, которые отъ самой колыбели рыскають по свѣту за хлѣбомъ и за угломъ у огня. Я позналъ на свѣтѣ Божьемъ одно дѣло: пѣсню, что говорить съ душою, да ворожбу, которая выше человѣческаго смысла... Я не знаю ни дома, ни порога,—гдѣ влачусь, тамъ мой путь, куда приду, тамъ мой домъ.

Редъ слушала, и недовѣріе росло въ ней къ бродягѣ, къ его хриплому, непріятному, фальшивому голосу.

— Ну, блуждая по свѣту, вы все-же [что-нибудь да признали, чему-нибудь да научились... Разказывайте намъ, что знаете лучшаго. Да впередъ выпейте...

— Э! Мать моя, государыня, гдѣ мнѣ пѣть, послѣ такихъ пѣсенъ, которыя я слышалъ тутъ сейчасъ!..

— А ворожить?..

— Ворожить?—повторилъ свальгонъ:—Государыня моя, развѣ человѣкъ когда ворожить? Не человѣкъ ворожить, а Богъ ему открываетъ глаза и уши, и видитъ онъ, черезъ Бога, дальше другихъ и слышитъ... Нужно быть достойнымъ призвать на себя милость Божию!..

— А на чемъ-же вы ворожите?—спросила Редъ.

— Ворожу и на вѣтеръ, и на воду, и на пивъ. Я, ину пору, и въ ведрѣ воды вижу глубину моря...

Редъ дала знакъ, двѣ дѣвки бросились изъ избы, и черезъ минуту вошли, неся большую кадъ, полную воды.

Швентасъ долго молчалъ, стоя надъ кадью; наконецъ, вымолвилъ:

— Государыня мать моя! Что хочешь ты знать?

Редя грустно, глубоко задумалась.

— Вызовите мнѣ души дѣтей моихъ... Нѣмцы ихъ убили... Вызовите ихъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ они блуждаютъ, безъ пѣсенъ, безъ одежды, безъ брони, гонимыя злымъ духомъ!.. Что съ ними сталося?

Свальгонъ опустилъ голову. Опять почувалъ онъ въ себѣ новую силу тепла и любви, и языкъ его не былъ болѣе во власти его злобы и мщенія.

А Редя нетерпѣливо вперила въ него свой взоръ и ждала... ждала, а двѣ крупныя слезы повисли на ея рѣсницахъ.

— Госпожа мать наша!—воскликнулъ свальгонъ:—Ни въ горныхъ высотахъ, свѣтлыхъ и радостныхъ, ни въ подземельи, мрачномъ и глубокомъ, нѣтъ твоего сына!.. Ходить онъ, живой и цѣлый, по землѣ нашей!..

Крикъ вырвался изъ души Редя.

— Человѣче!.. Не обманывай меня! Сынъ мой умеръ, и я оплакала его.

— Нѣтъ, государыня мать моя! Сынъ твой живъ,—я вижу его: онъ въ рукахъ враговъ твоихъ...

Стонъ вырвался изъ глубины души Редя. Заломивъ руки, закричала она нечеловѣческимъ голосомъ:

— Какъ! Они его вскормили, вспоили и вырастили мнѣ врага... моего сына, чадо мое!.. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ убить,—нѣтъ его!..

— Живъ, живъ, живъ онъ!—глухо отвѣчалъ колдунъ. И, сказавъ такъ, онъ заслонилъ себѣ глаза, упалъ на землю и далъ знакъ, чтобы вынесли кадъ...

Дѣвки вынесли кадъ и вылили бережно изъ нея воду въ чистый источникъ.

Свальгонъ всталъ, вздохнулъ тяжело и началъ:

— Государыня мать моя... То, что видѣлъ я въ серебряной водѣ, то слышалъ раньше отъ людей... Живъ сынъ твой... объ этомъ знаютъ люди, что живутъ на границѣ...

— Для чего-же они, негодные, держатъ его?—спросила Редя.

— Нѣмецъ жадеетъ,—отвѣчалъ свальгонъ:—онъ ищетъ земли и земли... Они держатъ твоего сына, чтобы вымѣнять его на

землю... А сына твоего надѣлили они своею вѣрою, вѣрою въ своего могучаго Бога!..

— А! Они хотятъ грызть сердце матери зубами сына, проклятые!

И Реда готова уже была отойти, но что-то остановило ее. Она долгимъ, испытующимъ взглядомъ посмотрѣла на колдуна и сказала:

— Нѣтъ, онъ не живъ уже,—у меня нѣтъ больше сына моего!

— Государыня мать моя!—вскрикнулъ Швентасъ:—пошли меня въ это проклятое гнѣздо волчье, къ нѣмцамъ; я самъ постараюсь увидѣть его... Миѣ ни по чемъ и трудъ, и опасность... А и тамъ есть наши, литвины, въ неволѣ, я обрадую ихъ; я принесу имъ на моихъ лаптяхъ литовской родной земли, а тебѣ принесу вѣсточку отъ сына твоего...

Задумчивымъ взглядомъ отвѣчала ему Реда.

— Прикажи миѣ идти и пойду,—подсказывалъ Швентасъ:—но почему миѣ узнать твоего сына? Знакъ-бы какой?...

— По чему? — повторила Реда, и слезы блеснули въ ея глазахъ:—По чему?... Онъ былъ хорошъ, какъ солнце... волосы его были, какъ лучи солнечные, золотые... Не было на немъ ни примѣтки, ни родинки... Было, правда, одно маленькое, какъ зернышко, черное пятнышко около уха, на сердечной сторонѣ... Говорили, что это счастье, а судьба иное дала ему!...

И, горько заплакавъ, отошла Реда къ отцовскому ложу.

Дѣвки, словно по знаку, начали вторить ея плачу грустною пѣсней:

Попросила я утречко,—

Отвѣчало: „Миѣ нѣкогда,

Надо солнцу жару дать“.

Попросила я вечерушко,—

Отказалось вечерушко,

Говорить: „Треба ложе спать“.

Пошла къ ясну мѣсяцу,

Онъ отвѣта не далъ,—

И я, въ горѣ, обратилась къ солнышку,

А оно возговорило такъ:

„Ты ищи его, дѣвица, девять дней,

Девять долгихъ дней, нескончаемыхъ“.

Пѣсня кончилась. Тишина водворилась въ избѣ. Слабо мерцалъ

свѣтъ лучины, слабо шумѣли веретена, словно боялись разбудить горе государыни-матушки...

Пора была идти, и дворецкій, взявъ молча за руку свальгона, вышелъ съ нимъ на дворъ.

На дворѣ было еще тише. Блѣдный мѣсяцъ свѣтилъ съ высокого неба, обдавая своими лучами черныя, мрачныя строенія, широкія тѣни отъ которыхъ стлались чернымъ покрываломъ.

Свальгонъ вышелъ теперь на этотъ Божій свѣтъ инымъ человекомъ, точно родимыя пѣсни размягчили, облили бальзамомъ раны его сердца.

Погасли въ немъ месть и злоба; сномъ казались ему прожитые годы.

А въ избѣ, на очагѣ, покрытомъ овладѣвшимъ пепломъ, вновь раздували дѣвки огонь. На дворѣ слышалось пѣніе пѣтуховъ, встрѣчавшихъ утро.

Швентасъ долго боролся со сномъ, боролся съ самимъ-собою, человекомъ нѣмецкаго христіанства и древнимъ человекомъ. Онъ былъ въ борьбѣ съ самимъ-собою, съ своею задачею въ разладѣ: онъ пришелъ сюда губить Литву, а чувствовалъ теперь себя способнымъ спасти ее.

Онъ лежалъ въ углу, безъ сна, въ раздумьи, поджидая прихода дворецкаго. Тотъ скоро явился.

— Я тутъ не нуженъ вамъ, — сказалъ онъ. — Хорошо вы кормите, а дѣлать мнѣ здѣсь нечего! Душно мнѣ! Поблагодарю Реду за гостепріимство и пойду-себѣ... А можетъ быть, еще что ей знать хочется?

Дворецкій не держалъ его. Онъ вышелъ и засталъ Кунигасовну на дворѣ, лично занятую осмотромъ ночной стражи.

На головѣ ея надѣтъ былъ шлыкъ, у пояса висѣлъ тяжелый мечъ. Она шла отъ одной громады къ другой, отдавая приказанія, дѣлала выговоры, наставленія.

Лицо ея показалось теперь свальгону еще краше, еще суровѣе и грознѣе.

Швентасъ стоялъ на дворѣ съ открытою головою и, глядя на бабу-воина, дивился.

Слышалъ онъ и прежде не разъ отъ крестоносцевъ, что страш-

ный врагъ ихъ, предводитель Литвы, Реда, была грозою для христіанской проповѣди, идя противъ нее мечомъ и огнемъ.

И, однако, онъ чувствовалъ къ ней теперь не одинъ страхъ, но и непонятную сердечную симпатію.

Она вдругъ подошла къ нему, и онъ низко поклонился.

— Госпожа, матушка моя!—обратился онъ:—я хочу летѣть дальше... Душно мнѣ на одномъ мѣстѣ... Пойду, пройдуся по границѣ... Можетъ, сына найду гдѣ...

Реда молчала.

— Не разъ удавалось мнѣ ходить къ нѣмцамъ... Богъ вынесетъ и теперь...

— Ну, богъ Алгисъ да будетъ съ тобою!—отвѣчала Реда.—Иди, но, если и найдешь ты гдѣ-нибудь моего сына, окрещоннаго и онѣмеченнаго, помни: ни слова ни ему обо мнѣ, ни мнѣ о немъ... У меня нѣтъ сына!..

Но, едва свальгонъ тронулся съ мѣста, материнское чувство взяло въ ней верхъ надъ ненавистью и гнѣвомъ, и она торопливо произнесла:

— Нѣтъ... нѣтъ, пусть и окрещонъ онъ, пусть... но разъ, разъ только мнѣ-бы увидѣть его!.. Иди-же, иди, добрый человѣкъ!

Дворецкій, приведя свальгона въ избу, приказалъ набить ему торбы всяческою снѣдью и, уже другою дорогою, другимъ подземельемъ, проводилъ его вонъ изъ замка.

Когда онъ вышелъ изъ-подъ земли на свѣтъ Божій и вдохнулъ отягченною духотою грудь свѣжій воздухъ,—онъ съ удивленіемъ увидѣлъ себя посреди лѣса, откуда видъ на Пиллены былъ далекій; едва, едва виднѣлись верхи крѣпости; люди и другія подробности скрывались уже изъ глазъ.

Сталъ думать онъ, что ему дѣлать теперь, куда идти... Подумалъ и пошелъ къ Нѣману... Ужъ недѣли двѣ, три прошло съ того дня, какъ вышелъ онъ изъ Маріенбурга, когда, въ одинъ прекрасный день, Бернардь, обходя по обычаю своему, монастырскія стѣны, увидѣлъ Швентаса, прикорнувшаго на камнѣ, подъ конюшнями. Пораженный этимъ, Бернардь остановился, не умѣя понять, какъ смѣлъ холопъ не явиться къ нему самолично.

А между тѣмъ, холопъ этотъ не спѣшилъ ему навстрѣчу и

лицо его, холодное и суровое, не обѣщало, повидимому, ничего хорошаго.

Бернардъ уставился въ него и смотрѣлъ, — Швентасъ не выдержалъ взгляда и отвѣчалъ:

— Только-что вернулся...

Бернардъ далъ ему знакъ слѣдовать за нимъ, — они пошли молча къ его избѣ.

Когда дверь затворилась за ними, Бернардъ обратился къ Швентасу.

— Ну, что, рассказывай, — сказалъ онъ.

— Да что рассказывать... рассказывать нечего, — грубовато отвѣчалъ холопъ.

Бернардъ былъ пораженъ еще болѣе. Мгновенно, какъ молнія, пробѣжала въ его умѣ мысль: ужъ не измѣнилъ-ли Швентасъ?..

— Говори! — грозно крикнулъ онъ.

— Былъ я въ Пилленахъ, — отвѣчалъ неохотно Швентасъ: — видѣлъ мать, Реду, ну, и все прочее... Говорилъ имъ, что барченокъ кунигасовъ живъ, — не вѣрили мнѣ, смѣются!..

— Такъ ты былъ въ Пилленахъ!.. Говори-же, что это за деревянная коробка?.. Толкуютъ тѣ, кто видѣли, что пучокъ соломы, огня — и все будетъ прахомъ...

— Не дай Богъ никому подойти къ этой коробкѣ, — развѣ желѣзный будетъ человекъ! — отвѣчалъ, качая головою, Швентасъ.

— Кто-же тамъ начальствуетъ?

— А кто!.. Баба, да старый Вальгутисъ, что съ печи не встаетъ... — отвѣчалъ холопъ.

— Настоящій-то начальникъ кто? Тебя спрашиваютъ, — рѣзко повторилъ Бернардъ.

— Да она, Реда, и будетъ настоящимъ начальникомъ... Чего еще настоящее! Богатырь-баба да и только!

— Что ты одурѣлъ, что-ли? — усомнился рыцарь.

Холопъ молчалъ и почесывалъ въ затылкѣ.

— Говори-же, что еще видѣлъ? — приказывалъ рыцарь.

Холопъ не скрылъ, что теряетъ терпѣніе. Грубымъ голосомъ заговорилъ онъ, словно изъ-подъ неволи:

— Что видѣлъ?.. Ну, видѣлъ толстыя стѣны... валы видѣлъ... Частоколы видѣлъ... Людей видѣлъ; можетъ, тысячь пять ихъ

тамъ роятся... Реда ходить по дворамъ, смотрѣ имъ дѣлаетъ, мечъ у бедра носить... Благодарю моего Бога, что цѣлымъ ноги мои увесъ оттуда!

— Вижу, вижу... Струсилъ ты такъ, что и смотрѣть ни на что не смѣлъ... Напугали тебя, дурня, деревянные стѣны,—ты и глаза огустилъ... дрянъ! Навозъ тебѣ возить только...

И, сказавъ это, рыцарь повернулся къ нему спиною и, конечно, не видѣлъ, что хитрый холопъ торжествующе усмѣхнулся...

Бернардъ, однако, вновь обратился къ нему терпѣливо:

— Видѣлъ ты, что съ нею стало, съ матерью-то, когда ты заговорилъ о сынѣ—мѣнялась она въ лицѣ?

— Гдѣ тамъ мѣнялась, когда и вѣры не даетъ... смѣется

— Гм!.. Ни къ чему ты не годенъ сталъ, посмотрю я на тебя!—въ негодованіи сказалъ рыцарь.—Убирайся вонъ!

Швентасъ только того и ждалъ. Онъ мгновенно выскользнулъ въ двери.

По дорогѣ къ конюшнѣ, наткнулся онъ на Сильвестра. Хромая, усталая походка Швентаса обратила на себя вниманіе чело-вѣколюбиваго рыцаря.

— Что ты ногу-то тянешь?—остановилъ онъ холопа:—точно на плечахъ у тебя сидитъ десять пудовъ?! а?.. Боленъ, что-ли?—спросилъ онъ.

— Измучился крѣпко,—отвѣчалъ тотъ:—нездоровится...

— Что съ тобою, отъ чего?

— Да, посылали меня далеко... А тутъ холодъ... обувь плохая,—совсѣмъ искалѣчилъ ноги!..

— Гм!.. Ну, иди въ больницу,—полежи, отведи душу дня на два.

Швентасъ чесалъ въ затылкѣ и не трогался. Боялся онъ возбудить гнѣвъ Бернарда.

— Не смѣю,—проворчалъ онъ.

— Я приказываю тебѣ: иди! Тамъ, въ нижней палатѣ, побудешь, есть и тамъ служба, а все полегче,—отдохнешь, подкрѣпишься.

И, показавъ рукою на малый замокъ, Сильвестръ пошелъ дальше.

Швентасъ поклонился и побрелъ. Отдыхъ, въ теплѣ и на вкусномъ кускѣ, улыбнулся ему. Но, съ другой стороны, онъ боялся

Бернарда, который не любилъ баловства, да и подчиненные стараго Сильвестра, больничная челядь, не были такими сердечными, какъ ихъ начальникъ: они давали себя чувствовать больному люду.

Когда Швентасъ явился въ больницу, смотритель встрѣтилъ его отказомъ...

— Мѣста нѣтъ!—объявилъ онъ и не обратилъ вниманія на то, что холопъ пришелъ отъ самого Сильвестра.

— Ложись въ навозъ и спи...—отвѣчалъ на его жалобы смотритель:—Тебѣ лучшаго-то и не надо: самъ весь изъ навоза!.

Его ненавидѣли здѣсь, потому-что онъ одинъ былъ литвинъ среди нѣмцевъ. Но онъ рѣшилъ на зло имъ остаться, оперся о стѣну и стоялъ молча.

Это привело смотрителя въ негодованіе.

— Иди, лѣнтяй! Осель, скотина грязная! Иди и жри, но даромъ ты у меня здѣсь не будешь сидѣть,—изволь служить!

Швентасъ молча вошелъ въ лазаретъ и принялся за легкую больничную работу. Дали ему миски, жбаны мыть,—онъ мылъ и тѣшился про себя: ѣлъ, грѣлся, проклажался...

Къ вечеру онъ чувствовалъ себя такъ, какъ-будто былъ здѣсь заправскимъ служителемъ.

Ловкость и рѣзкая старательность его скоро достигли своей цѣли: имъ перестали тяготиться; его утвердили въ новой должности и взяли на верхъ, въ палату больныхъ рыцарей и иноземцевъ.

Сильвестръ самъ отдавалъ ему приказанія и, однажды, вечеромъ, когда въ палатѣ всѣ уже спали, старикъ вручилъ ему небольшую глубокою тарелку, тщательно покрытую крышкою, и показалъ на дверь въ отдѣльную комнату, куда Швентасъ и понесъ эту порцію.

Каково было удивленіе его, когда онъ увидѣлъ юношу, котораго лицо, казалось ему, онъ видѣлъ уже гдѣ-то, когда-то очень давно... Онъ взглянулъ внимательно ему въ лицо, обвелъ глазами его голову, шею, и вдругъ... онъ нашелъ на ней маленькое, въ горошину, пятнышко...

— Кунигасть!—воскликнулъ онъ и едва, едва не выпустилъ изъ рукъ тарелку. Юноша вздрогнулъ и поддержалъ его. Но Швентасъ, поставивъ порцію на столъ, повалился въ ноги молодого че-

ловѣка и принялся обнимать ихъ, цѣловать, повторяя: „Кунигасъ!.. Кунигасъ!..“

Потомъ онъ вдругъ всталъ, любовно и радостно еще разъ оглядѣлъ лицо юноши и, схвативъ его бѣлую руку, говорилъ:

— Да, да,—это нашъ Кунигасъ, это онъ!..

Юрій удивленно смотрѣлъ на него, недоумѣвая, откуда этотъ человекъ и какъ онъ могъ проникнуть въ его тайну.

— Какъ ты узналъ меня?—спросилъ онъ.

Швентасъ приложилъ руку къ губамъ и, улыбаясь, продолжалъ любоваться юношею. На глазахъ его показались радостныя, дѣтскія слезы.

Прошло мгновеніе, другое, Швентасъ опомнился и, еще разъ поцѣловавши руку юноши, вышелъ за двери.

— Это вѣрно Рымось открылъ ему мою тайну!—сказалъ про себя юноша и сталъ нетерпѣливо ждать обычнаго посѣщенія своего земляка.

Когда тотъ постучалъ въ двери, Юрій бросился ему навстрѣчу съ упрекомъ.

— Я?.. Я вамъ измѣнилъ!?—воскликнулъ Рымось:—Да пусть меня Перкунь разразитъ тогда!

Когда Юрій описалъ ему наружность страннаго посѣтителя, то Рымось сказалъ:

— А! Теперь знаю... Это непременно долженъ быть Швентасъ! Богъ васъ избави довѣряться ему,—это нѣмецкій шпіонъ! Онъ душу имъ запродавъ и готовъ на всякую низость за грошъ, да за куфель пива...

— Нѣтъ, мой другъ,—возразилъ Кунигасъ:—я самъ видѣлъ слезы на его глазахъ и не могу имъ не вѣрить.

— Но слезы—вода; онъ готовъ плакать во всякую минуту... Берегитесь его,—онъ, вѣрно, пришелъ шпіонить васъ!..—говорилъ осторожный литвинъ:—Знаете вы,—продолжалъ онъ:—здѣсь у рыцарей есть подземныя берлоги... Ночью, когда все спитъ, можно слышать, какъ оттуда доносятся стоны и вздохи... Это люди, провинившіеся, сидятъ тамъ и никто не знаетъ о нихъ!.. Ключи отъ этихъ темницъ у мастера, — онъ посылаетъ имъ туда хлѣбъ и воду, чтобы длить ихъ мученія... Я страшусь, что намъ не избѣгнуть этихъ темницъ... Я лучше убью, чѣмъ ждать!

— Погоди! можетъ быть, ты напрасно тревожишься, — я все еще не вѣрю въ измѣну этого человѣка, — увѣщевалъ Кунигасъ.

Въ эту минуту послышались отдаленные шаги; Рымосъ бросился подъ кровать и лежалъ тамъ ни живъ, ни мертвъ.

Дверь тихо отворилась, и на порогѣ показался Швентасъ. Заперевъ за собою дверь, онъ сложилъ на груди руки и, молча улыбаясь, смотрѣлъ любовными глазами на юношу.

Лежа подъ кроватью, Рымосъ слышалъ, какъ вошедшій произнесъ шепотомъ:

— Кунигасъ! Кунигасъ!

Затѣмъ онъ приблизился къ больному и сталъ что-то скоро говорить ему по-литовски.

Юноша жадно вслушивался въ родные звуки, которыхъ, однако, не понималъ. Онъ сказалъ по-нѣмецки, качая головою:

— Я не понимаю тебя, мой другъ!

Швентасъ помолчалъ съ минуту, потомъ заговорилъ ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ:

— Знаешь-ли ты, — сказалъ онъ: — что твое происхожденіе отсюда, изъ-подъ Нѣмана, что ты — Кунигасъ, владѣтель Литвы; что нѣмцы тебя увезли оттуда, что тебя вырвали еще малымъ ребенкомъ изъ рукъ твоей матери? Знаешь-ли ты все это?

— Откуда-же ты это все знаешь? — отвѣчалъ осторожнымъ вопросомъ Юрій.

— Я! Давно-ли я самъ это узналъ! — выкрикнулъ Швентасъ.

Голосъ его вдругъ дрогнулъ плачемъ; онъ положилъ голову на руку и, подперевъ ее другою, сталъ напѣвать жалобнымъ тономъ:

— Чѣмъ я былъ!.. Что случилось со мною, — самъ я не знаю! И меня когда-то взяли хлопцемъ въ плѣнъ нѣмцы. Сколько лѣтъ, сколько лѣтъ я, негодяй, служилъ имъ, какъ песъ... Что дѣлать! Злоба взяла меня на своихъ-же, свою кровь продавалъ изъ мести!.. О, мой князекъ, голубокъ ты мой! Повѣришь-ли ты мнѣ, когда я самъ еще не знаю, вѣрить-ли тому, что видѣлъ, или нѣтъ! Былъ я недавно посланъ на Литву, нюхать, что тамъ дѣлается, — пошелъ... то былъ хлѣбъ мой, подлый хлѣбъ! И что-же? пришелъ я назадъ, да ужъ не тотъ, какимъ вышелъ отсюда!.. Былъ я въ замкѣ, видѣлъ Реду Кунигасовну, — сидитъ она, вое-

водитъ въ Пилленахъ. Сталь я шпіонить, княженька мой, Богъ меня прости! А какъ запѣли старыя наши пѣсни литовскія,—словно душу кто во мнѣ перевернулъ налѣво кругомъ, слезы заточились изъ моихъ глазъ! Заставили меня ворожить, — я имъ и скажи сущую правду: сынъ твой, Реда, матушка-княгиня, говорю, живъ и цѣлъ. Въ водѣ святой увидѣлъ я твое обличіе, голубочекъ, княжечко!..

И Швентасъ горько заплакалъ.

Слезы эти тронули Рымоса, онъ увѣровалъ въ исправленіе своего земляка и сталъ вылѣзать изъ-подъ кровати. Сначала это движеніе испугало Швентаса,—онъ кинулся-было къ дверямъ, но литовская рѣчь тотчасъ-же успокоила его. Швентасъ бросился на шею своему земляку и принялся цѣловаться съ нимъ. Стали они горячо и бойко бесѣдовать на родномъ языкѣ. Юрій ласкалъ свой слухъ этою рѣчью, далеко не все понимая, и, наконецъ, не выдержалъ:

— Братья мои, говорите такъ, чтобы я васъ могъ понимать!

И слезы показались на глазахъ бѣднаго юноши.

— Насъ теперь трое... можно и посовѣтоваться, какъ тутъ быть...—говорилъ Швентасъ, лукаво шуря глаза.

— Вотъ нужно-бы поразмыслить, перво-на-перво, какъ-бы подвести дѣло да утечь отсюда, да привести съ собою князя нашего на Литву!

— Э! Трудно, трудно бѣжать изъ замка!—жалобно заговорилъ робкій Рымосъ:—А и уйдешь отсюда, въ полѣ поймають, въ лѣсу, — всюду ходитъ и сторожитъ нѣмецъ, никуда отъ него не уйдешь!

— Какъ не уйти! Уйти можно!—говорилъ въ свою очередь Швентасъ.— Уйти, уйдемъ, — дай только срокъ... Я нѣмцу не напрасно служилъ, — я его знаю. Кому и обмануть его, какъ не мнѣ!..

Но рѣчь Швентаса была прервана далекими шагами, гдѣ-то по двору. Швентасъ быстро выскользнулъ за дверь, за нимъ послѣдовалъ Рымосъ. Юрій поспѣшно задулъ лампаду и бросился на кровать.

V.

Вмѣстѣ съ основаніемъ ордена и постройкою Мальбурга, вокругъ него стали лѣпиться мѣщанскіе дома и развиваться торговля.

Сюда шли и здѣсь селились люди со всѣхъ концовъ Германіи, изъ Тюрингіи, изъ Франціи, изъ Швабіи,—отовсюду, съ рейнскихъ береговъ и съ Мозеля, съ Эльбы и Одера.

Орденъ, который сначала процѣживалъ довольно строго этотъ людъ, позволяя селиться однимъ полезнымъ людямъ, ремесленникамъ,—впослѣдствіи смягчилъ свои требованія, понизилъ цензъ, и допустилъ образоваться подъ стѣнами монастыря цѣлому городу, въ населеніи котораго было, по крайней мѣрѣ, столько-же бродягъ, сколько людей ремесла.

Завелись, въ этомъ людскомъ муравейникѣ, и людскіе пороки, а на службу имъ явились: и музыка, того качества, которое цѣнится по преимуществу на ярмаркахъ и въ питейныхъ домахъ, и фокусники, и танцовщицы, и дѣвы ночного ремесла, и веселые расказчики, и вся та мразь густо населенныхъ городовъ, которая составляетъ ихъ отстой, гущу ихъ паразитной жизни.

Рыцари, строго блюдя законъ въ стѣнахъ замка, заходя сюда, не оказывались слишкомъ святыми. Бояться было здѣсь некого: кто могъ поднять осужденіе на старшинъ въ бѣлыхъ плащахъ?! Что до мелкихъ дворянъ того-же ордена, отличавшихся сѣрыми пелеринами, то они, конечно, были исключены изъ этого пира.

Много способствовало свободѣ нравовъ очередное прибытіе иноземныхъ гостей изъ Англіи, Франціи и другихъ католическихъ странъ. Имѣя съ ними связи, рыцари не могли принуждать своихъ высокихъ гостей къ исполненію строгаго монастырскаго устава, а должны были, напротивъ, подчинить самый уставъ, хотя на время, требованіямъ утонченныхъ привычекъ и вкусовъ.

А, разъ сдѣлавъ отступленіе, приходилось уже слѣдовать по пути избалованности и послабленій.

Такимъ образомъ, какъ понижался режимъ строгаго ордена, такъ, соотвѣтственно тому, наслаивалась новыми и разнообразными профессіями жизнь мѣстечка. Между лицами этихъ профессій въ

то время, отъ котораго ведется этотъ разсказъ, проживала въ Мальбургѣ дѣвица, по имени Гмунда Левенъ, которая выдавала себя за близкую родственницу одного изъ бѣлыхъ плащей, рыцаря Зигфрида фонъ-Ортлопа.

Этотъ Зигфридъ фонъ-Ортлопъ прибылъ въ орденъ очень давно, какъ извѣстно было, съ Рейна, и былъ здѣсь очень уважаемъ за какія-то услуги, оказанныя когда-то имъ, въ молодые годы, ордену.

Теперь Зигфридъ фонъ-Ортлопъ былъ порядкомъ уже потасканный старецъ и хотя много позволялъ себѣ, никто не смѣлъ ему ставить это на видъ.

Впрочемъ, не одинъ онъ посѣщалъ Гмунду въ мѣстечкѣ. Ходили туда съ нимъ и другіе рыцари, и, такъ-какъ игра въ кости, вино, пѣсни и слишкомъ рѣзвый смѣхъ не ладились съ монастырскими обрядами жизни, то всѣ эти удовольствія позволяли себѣ рыцари въ уютной и веселой квартиркѣ Гмунды Левенъ.

Кромѣ ея самой, женщинѣ уже опредѣленнаго возраста и суроваго вида, показывались въ ея комнатахъ, время отъ времени другія дѣвицы, выписываемыя ею изъ Германіи, ради услуженія гостямъ.

Когда, бывало, Гмунда Левенъ появлялась на крыльцѣ своего домика, въ чепцѣ, съ ключами у пояса и въ черномъ платьѣ, отдѣланномъ по модѣ галунами,—проходящіе мѣщане низко ей кланялись, а мѣщаночки заглядывались на ея костюмъ, чтобы повторить на себѣ потомъ его модный покрой.

Въ костелѣ Гмунда имѣла свое почетное мѣсто—стулъ, обитый краснымъ сукномъ, и, когда шла къ нему, всѣ поспѣшно отступали, давая ей дорогу.

Домикъ ея стоялъ неподалеку отъ этого костела, но такъ обнесенный заборомъ и заслоненный большими деревьями, что рѣшительно былъ невидимкою. Что въ немъ дѣлалось—никто не могъ видѣть, и даже въ ту позднюю пору, когда сторожъ билъ въ доску и всѣ гасили огни, домъ Гмунды свѣтился привилегированнымъ свѣтомъ.

Лѣтъ пять назадъ, послѣ кроваваго побоища съ литовцами, крестоносцы привели съ собою нѣсколько мальчиговъ, преимущественно высокаго роста.

Между этими мальчиками случилась одна только дѣвочка, лѣтъ

шести, которую общимъ совѣтомъ рѣшено было окрестить и затѣмъ убить.

Зигфридъ сжалился надъ малюткою и оборонилъ ее отъ варварскаго приговора. Онъ отдалъ ее на воспитаніе Гмундѣ, которая и помѣстила дѣвочку въ кухню, предоставя ее полному пренебреженію.

Между тѣмъ, нѣкоторые признаки указывали, что дѣвочка была изъ знатной литовской фамиліи: въ волосахъ ея былъ найденъ, тогда-же, при взятіи ея, золотистый бантикъ; тѣло ея отличалось нѣжностью; самая одежда на ней, оборванная въ клочки, была не простою, не заурядною.

Имя этого ребенка было Банюта.

Когда ее окрестили силою и наименовали Варварою, Гмунда взялась горячо за ея прирученіе, что было не такъ-то легко, такъ какъ дѣвочка отличалась нелюдимостью и дикимъ характеромъ.

Она сильно отличалась отъ другихъ дѣтей, мѣщанскихъ: была быстраго, смѣлаго ума и движеній и не выносила насилія. Ничего нельзя было сдѣлать съ нею посредствомъ принужденія и угрозъ. Боль наказанія она переносила молча, не выдавая страданій ни однимъ звукомъ.

Отличалась она также силою тѣлесною и ловкостью: могла лазить, какъ кошка, прыгать и бѣгать неутомимо. Когда она освоилась съ новою жизнью, нерѣдко видали ее смѣло ведущею рыцарскаго коня, принятаго ею отъ конюха.

Но сидѣть въ избѣ, за глухо запертыми дверьми, было для Банюты невыносимымъ мученіемъ. Она своевольно убѣгала изъ дома, въ окно, въ трубу, изъ любой щели,—и смотришь, сидитъ уже гдѣ-нибудь, какъ дриада, повиснувъ на вѣтвяхъ.

Эта дикость не мѣшала ей, вмѣстѣ съ лѣтами, дѣлаться отличною, домовитою работницею и развиваться въ настоящую красавицу.

Мужчины дивились и ея красотѣ, и ея нечеловѣческой ловкости и силѣ. А сама она, казалось, знать не хотѣла своей красоты и ни за что на свѣтѣ нельзя было принудить ее надѣть башмаки... Она всюду ходила босая, зимою и лѣтомъ.

Любимымъ украшеніемъ ея были зеленныя дубовыя вѣтки, изъ которыхъ она искусно плела вѣнки и надѣвала ихъ себѣ на

голову, спустивъ золотистые волосы свои по плечамъ, въ двѣ толстыя пряди.

Чудомъ сохранились у нея вещи, съ которыми она взята была въ плѣнъ; это нитки янтара и маленькое колечко. Она не разставалась съ ними, свидѣтелями ея вольнаго дѣтства.

Мѣщанскія дѣти смѣялись надъ нею, называя ее дикою кошкою, такъ она была на видъ тщедушна, такъ была гибка, вынослива, подвижна.

Научилась она нѣмецкому говору, но любила уходить въ уголокъ и тамъ мурлыкать свои литовскія пѣсенки.

Ходила она въ костелъ, стояла тамъ неподвижно, а видно было, что сердце ея просить другихъ боговъ, не зная само, о чемъ просить.

Пять лѣтъ прошло, а не забыла она ничего изъ своего давняго, родного, не перестала любить его, не привязалась ни къ чему и ни къ кому изъ этой новой, непривѣтной ей жизни.

Хотѣла приучить ее къ откровенности и признанію Гмунда, думая подчинить непокорную душу; но душа эта осталась тѣмъ-же, чѣмъ была: независимою, неподкупною, темною, неизвѣданною бездною, словно пуща литовская...

Что станется съ этою дикаркою-красавицею, никто-бы не рѣшилъ: одно лишь было ясно, что никто не могъ пройти мимо нея, не залюбовавшись ею. Самъ старый Зигфридъ, когда она прислуживала ему, не сводилъ съ нея глазъ, что не особенно было по вкусу почтенной Гмундѣ.

Рымось уже давно познакомился съ Банютою. Какъ это сдѣлалось, неизвѣстно. Кажется, довелось ему держать коня одному изъ рыцарей, у крыльца Гмунды, и вдругъ слухъ его пораженъ былъ тихою литовскою пѣсенкою. Обернулся онъ и увидѣлъ, что дѣвушка, съ вѣнкомъ на головѣ, виситъ на вѣтвяхъ, какъ птица или русалка.

Когда родные звуки коснулись слуха Рымоса, онъ подхватилъ тактъ, припомнилъ слова и началъ подпѣвать ей въ-полголоса.

Банюта вскрикнула отъ восторга и всѣмъ тѣломъ задрожала. Начался между ними разговоръ. Обмѣнялись они всѣмъ, что было имъ дорого, что жило въ душѣ ихъ...

Но слышался голосъ Гмунды... она звала Банюту. Дѣвушка соскочивнула съ дерева и была такова...

Бѣдному Рымосу казалось, что онъ видѣлъ призракъ, говорилъ съ привидѣніемъ. Но скоро онъ узналъ, что съ привидѣніемъ этимъ можно видѣться ежедневно, черезъ заборъ, разговаривая въ щелку.

Такъ и пошли, день за день, ихъ свиданія и разговоры, сладкія рѣчи на родномъ языкѣ, о родномъ незабываемомъ краѣ. Но вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ, стала въ немъ развиваться и рости любовь къ Банютѣ. Свиданія изъ патріотическаго скоро приняли для него характеръ любовный.

Что до Банюты, то она не поддавалась чувствамъ и смѣялась надъ Рымосомъ, надъ его вздохами и признаньями.

Она сознавала себя и свою красоту, свою высокую породу и свою натуру, не умѣющую подчиняться...

Литва, Литва, — объ одной Литвѣ любила она бесѣдовать съ молодымъ землякомъ своимъ.

Когда Рымосъ однажды заикнулся о любви своей, Банюта нетерпѣливо оборвала его.

— Въ неволѣ не живетъ любовь! — сказала она рѣзко.

— Ну, и кончится на томъ, что нѣмецъ возьметъ тебя, — сказалъ съ досадою Рымосъ: — Вижу я, какъ они всѣ къ тебѣ ласкаются, точатъ зубы на тебя.

— Ничего, пускай точатъ: никто изъ нихъ не куснетъ меня; я убѣгу отсюда! — отвѣчала Банюта: — А тамъ отецъ съ матерью найдутъ мнѣ жениха высокаго рода: онъ будетъ сидѣть на посадѣ и править краемъ цѣлымъ!..

Такъ вслухъ высказывала свои мечтанья дикая дѣвушка, гордо вскидывая свою хорошенькую головку.

Она смотрѣла на Рымоса, какъ на раба, слугу, котораго и любила — какъ любятъ слугъ: любила разговаривать съ нимъ, слушать его литовскую рѣчь, пѣть съ нимъ вмѣстѣ пѣсни наконецъ...

И когда они пѣли эти пѣсни, по щекамъ Банюты струились горячія слезы, и грудь ея высоко вздымалась.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ Банюта росла и хорошѣла, положеніе ея становилось въ домѣ все хуже: работы, правда, ей

давали меньше, но хуже той работы—должна была она рядиться и чаще являться передъ гостями.

А они все упорнѣе и алчнѣе взирали на нее покраснѣвшими отъ возліяній глазами.

Не разъ случалась, что, послѣ упорнаго ея отказа выйти на позоръ, когда гости расходились уже, Гмунда Левенъ расправлялась съ нею собственноручно.

Все, что видѣла и переживала въ этомъ гнусномъ домѣ бѣдная дѣвушка, она рассказывала земляку своему, а онъ, слушая, скрежеталъ зубами.

— А!—говорилъ онъ:—Эти фарисеи въ замкѣ не смѣютъ бросить взглядъ на женскій фартукъ, а здѣсь вонъ какія штуки выдѣлываютъ, скоты... А что на войнѣ дѣлается—страшно и гадко вспомнить!..

Однажды, вечеромъ, когда Рымось посѣтилъ, по обыкновенію, Кунигаса, онъ началъ рассказывать ему о Банютѣ которая, въ свою очередь, знала отъ него о плѣнномъ Кунигасѣ, Юріѣ.

Юноша, воспитанный въ стѣнахъ замка, имѣлъ о женщинахъ такое понятіе, которое видрялось въ его умъ и сердце духовными отцами-проповѣдниками, старавшимися застраховать рыцарскія сердца отъ опасности съ этой стороны.

Понятія, заимствованныя цѣликомъ изъ такого мутнаго источника, являли воображенію юноши женщину исчадіемъ ада, лукавою, злою, жадною, поглощенною одною заботою овладѣть мужчиною, одною страстью—принизить и погубить его.

Образа-же святыхъ дѣвъ и женъ изображали ихъ суровыми, съ выраженіемъ страшнымъ и недоступнымъ.

Такимъ образомъ, Юрій привыкъ дѣлить весь прекрасный полъ на двѣ части: на святыхъ, которыхъ высокая мудрость и святость поражали его умъ, и обыкновенныхъ женщинъ, которыя своими темными помыслами страшили его и отталкивали отъ себя.

Въ разсказахъ-же Рымоса, женщина-литвинка, не знающая истиннаго Бога, являлась ему совсѣмъ иною, другимъ—ласковымъ, добрымъ, любящимъ существомъ. Видѣлъ онъ ее, эту женщину, трудящуюся, способною ко всему домашнему обиходу; ви-

дѣлъ ея дѣвушкою, у ручья, съ веселою пѣсней, слышалъ ея звонкій смѣхъ до того дня, когда пропоется надъ ея головою послѣдняя пѣснь, пѣснь свадебная...

И уроки, услышанные юношею отъ Рымоса, гораздо сильнѣе легли ему на сердце, чѣмъ тѣ, которые раздавались съ церковной каѳедры.

То-же раздвоеніе произошло въ чувствахъ и пониманіи юноши относительно религіи и боговъ.

Литовскія вѣроваванія, съ ихъ языческими богами, притягивали къ себѣ его душу, чаровали его сердце образами поэзіи; христіанская мораль давила его, христіанскій Богъ казался ему величіемъ самимъ, но непостижимымъ, недоступнымъ для чувствъ. Христосъ, сынъ этого Бога, любящій, прощающій, смиренный братъ послѣдняго бѣдняка, тоже былъ его Богомъ.

Тяжелыя и мрачныя сомнѣнія порождали въ немъ созерцаніе жизни и дѣятельности крестоносцевъ, этихъ слугъ христіанства.

Какъ служили они своему Господу Христу, проливая для него кровь невиннѣйшихъ людей, истребляя ихъ жилища, влача ихъ въ неволю, душную и смрадную, ввергая въ подземелья, предавая голодной смерти?

Кого любили они, эти слуги Христа? Кого пріютили они ради Него? Кому простили? Не могъ уразумѣть Юрій такого посланничества тѣхъ, кто взиралъ на себя, какъ на преемниковъ апостоловъ Христовыхъ...

„Стало быть,—приходила ему въ голову мысль:—жизнь идетъ своимъ чередомъ, а правда, истина, любовь, братство—своимъ, заключенныя не въ живую природу человѣка, а въ книгу! Въ мертвую азбуку морали!“

И вотъ, когда-то ретивый къ молитвѣ, Юрій сталъ пренебрегать ею. Смѣнились часы бдѣнія горячими думами о Литвѣ, объ ея густыхъ лѣсахъ, объ ея недоступныхъ болотахъ, о звѣряхъ, населяющихъ заповѣдныя пущи... Сталъ онъ мечтать о побѣгѣ, о возвращеніи въ нѣдра этой родной жизни.

Но разсудокъ тутъ-же осуждалъ эти мечтанья: они казались неисполнимыми.

Ни Рымось, ни Юрій не знали ни края, ни дорогъ, не умѣли придумать способа, чтобы выйти отсюда, изъ этихъ крѣпкихъ стѣнъ, на свободу.

Даже самъ Швентасъ, ставшій чуть не каждый день посѣщать Кунигаса, признавался, что не видитъ возможности уйти имъ всѣмъ на Литву, изъ рукъ крестоносцевъ.

Строили планы они, и сами-же видѣли ихъ несостоятельность.

Приходилось утѣшаться пока сладкими воспоминаніями о прошлыхъ дняхъ дѣтства,—воспоминаніями, въ которыя наибольшій вкладъ давала Банюта, а Рымось приносилъ ихъ Кунигасу и развлекалъ его этими рассказами.

Постоянно говоря о ней, хлопецъ возбуждалъ въ сердцѣ Кунигаса крайнее любопытство: юноша захотѣлъ, во что-бы то ни стало, увидѣть странную дѣвушку...

А между тѣмъ, Сильвестръ, который внимательно слѣдилъ за болѣзненными симптомами въ юношѣ, сталъ замѣчать въ немъ быстрый поворотъ къ лучшему.

Онъ былъ, правда, сильно неспокоенъ, словно въ горячкѣ; но силы уже пробудились въ его тѣлѣ, или, правильнѣе говоря, возникли въ его душѣ.

Сильвестръ былъ доволенъ этою переменною. Онъ боялся пуще всего апатіи, въ которую впалъ больной раньше.

Первый разъ, какъ онъ встрѣтился съ Барнардомъ, спросившимъ о состояніи Юрія, онъ отвѣчалъ:

— Переменная есть. Болѣзнь начинаетъ уступать... и то уже важная вещь!.. Надо теперь думать объ одномъ, чтобы зло не вернулось. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣзнь явилась плодомъ неволи и темничной жизни... Старикамъ, живущимъ въ этихъ стѣнахъ, она полезна, но для молодости въ нихъ тѣсно и душно,—ей нуженъ ростъ!

Барнардъ выслушалъ молча это заключеніе и сталъ раздумывать о немъ.

Онъ обладалъ полною властью для того, чтобы распорядиться судьбою юноши.

Замѣчаніе, сдѣланное ему, Барнардъ, новымъ начальникомъ, на другой-же день имъ самимъ было невыгодно почувствовано.

Онъ послалъ за Барнардомъ; тотъ покорно явился, гото-

вый выслушать новый, еще болѣе рѣзкій, выговоръ. Но пріятно обманулся.

Людерь встрѣтилъ его очень предупредительно. Онъ сказалъ:

— Братъ мой Бернардъ! Вы—самый почтенный исполнитель нашихъ святыхъ рыцарскихъ обычаевъ. Вы—вѣрный и преданный другъ ордена. И, между тѣмъ, вчера вы стали жертвою недоразумѣнія,—должны были подвергнуться несправедливому выговору. Я пригласилъ васъ теперь для того, чтобы извиниться передъ вами и просить васъ, за одно со мною, радѣть на пользу ордена. Мы стали слишкомъ рыцарями и мало монахами. Мы стали забывать Бога и Его заповѣди. Распущенность наша вышла изъ границъ. Намъ грозитъ судьба, поразившая тамплиеровъ. Мы гнали за множествомъ, за численностью,—вмѣстѣ съ толпами новобранцевъ мы внесли заразу въ стѣны нашего ордена. Нѣтъ порока, который-бы здѣсь не царилъ: прелюбодѣйство, жадность, стяжаніе, лесть, лѣнь, безбожіе!... И такъ, братъ мой Бернардъ, прошу васъ, ведите свое дѣло, помогайте мнѣ возстановить законъ и орденъ на прежнюю высоту. Я предоставляю вамъ поступать согласно съ вашимъ разумѣніемъ пользы нашего учрежденія: входите всюду, приглядывайте за всѣмъ, наблюдайте, остерегайте меня,—я вамъ буду очень обязанъ. Я не боюсь убійцы, не боюсь смерти; но одинъ въ полѣ не воинъ, а борьба и трудъ предстоятъ громадныя!

Бернардъ былъ несказанно обрадованъ такимъ оборотомъ дѣла. Онъ, конечно, радовался не за себя, а за судьбу братства, которая всецѣло занимала его, поглощала все его помыслы.

Но, съ другой стороны, можно-ли было вѣрить въ успѣхъ дѣла, на сторонѣ котораго стояла небольшая горсть людей, уже престарѣлыхъ, тогда какъ имъ противодействовала масса, съ ея испорченными инстинктами къ войнѣ, во имя варварства, распутства, наживы.

Возможно-ли было поддержать нравственность, когда она разбивалась о желѣзный законъ вѣчной войны съ язычниками,—законъ, дававшій право къ легальному обману, къ нарушенію клятвы, къ хитрому насилію, къ уничтоженію заключенныхъ и сдѣлавшихся неудобными договоровъ?!

.

Бернардъ не разъ пытался вытянуть еще какую-нибудь новость или признаніе изъ ставшаго молчаливымъ Швентаса, но ему это не удалось. И онъ бросилъ о немъ даже думать.

Что до Юрія, то онъ въ глазахъ Бернарда не переставалъ быть ордіемъ для великихъ цѣлей.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ проливать бесполезно кровь, свою и враговъ, не лучше-ли послать къ язычникамъ человѣка, вооруженнаго правомъ княжеской власти, вооруженнаго крестомъ?

Вѣдь такой апостолъ, безъ пролитія крови, можетъ однимъ словомъ, однимъ примѣромъ своимъ привести весь народъ въ христіанство.

Величіе такой идеи поглощало всю душу Бернарда. Но... приходили и минуты сомнѣнія, и самъ строгій рыцарь разсуждалъ иначе: почему-же выпущенному на волю Юрію не уйти въ свои лѣса и не стряхнуть, какъ цѣпи, вмѣстѣ съ неволею, навязанныя понятія и вѣру?!

И, раздумавъ такъ, Бернардъ порѣшилъ еще прилежнѣе заняться воспитаніемъ молодого человѣка и, такъ сказать, выдрить въ него любовь и уваженіе къ ордену.

Но, увы! Эта мѣра теперь уже опоздала.

Узнавъ объ улучшеніи въ положеніи больного, Бернардъ въ тотъ-же день отправился къ нему въ келью.

Онъ нашелъ его, въ самомъ дѣлѣ, измѣнившимся, хотя и не много, къ лучшему: лицо было свѣжѣе и румянѣе. Юноша былъ менѣе упорнымъ въ молчаніи, отвѣчалъ не такъ односложно.

Обыкновенно суровый, Бернардъ придалъ, на этотъ разъ, своему лицу мягкость, голосу—ласковость и нѣжность. Онъ сѣлъ на лавку и началъ говорить къ молодому человѣку отцовскимъ тономъ:

— Ну, вотъ, слава Богу, вамъ лучше, я вижу... Теперь нужно благодарить Его святую милость. Я о васъ очень забочусь, вѣрьте мнѣ, ибо много рассчитываю на васъ для пользы ордена... Тѣ, которые вступаютъ въ нашъ союзъ изъ міра, всегда что-нибудь да приносятъ съ собой дурного, отъ чего имъ очень трудно избавиться. Вы, напротивъ, воспитанный здѣсь съ первыхъ дней дѣтства,—вы чисты и сформированы по нашимъ преданіямъ, въ силу нашей вѣры, по обычаямъ нашей старины. На васъ нѣтъ

иного вліянія, кромѣ вліянія религій, правды и святости нашего братскаго завѣта.

Юрій слушалъ, опутивъ глаза, слушалъ и не понималъ.

Бернардъ опомнился, что началъ свою рѣчь къ пылкому и мало развитому юношѣ слишкомъ высокимъ слогомъ. Онъ вдругъ перемѣнилъ и тонъ, и тему.

— Можетъ быть,—сказалъ онъ мягко:—вамъ ужъ сильно надоѣли эти стѣны? Хотѣли-бы, можетъ, подышать свѣжимъ воздухомъ? Скажите правду; вѣдь молодость, я понимаю, задыхается въ закрытыхъ стѣнахъ. Больному можно позволить и небольшое развлеченіе...

Юрій поднялъ глаза на говорившаго, но не смѣлъ выразить радостнаго чувства, охватившаго все его существо...

Въ тѣ поры, кромѣ мѣщанства и ремесленниковъ, прижавшихся къ замку и устроившихъ при немъ свое существованіе, жили уже обыватели нѣмцы, привлеченные сюда ленными участками земли, раздаваемой орденомъ.

Земель было много; отдавались онѣ почти даромъ.

Одинъ изъ такихъ ленниковъ-вассаловъ, нѣкто Пинау, устроился на данномъ ему кускѣ земли порядочнымъ хозяиномъ.

Имѣніе его, устроенное настойчивымъ трудомъ, называлось Пинауфельдомъ и лежало между Мальбургомъ и Жулавами.

Объ этомъ-то Дитрихъ Пинау, человѣкъ уже пожилымъ и всецѣло обязаннымъ ордену, вспомнилъ теперь Бернардъ.

У Дитриха Пинау на мызѣ не было никого, кромѣ честно, съ утра до вечера, трудящихся: немолодой жены, двухъ здоровыхъ парней, сыновей, не сводившихъ съ рукъ мозолей, да нѣсколькихъ человѣкъ прислуги.

Опасности для нравственности юноши тамъ не предвидѣлось, а на расположеніе самого Дитриха въ пользу братства можно было положиться, какъ на каменную гору.

— Знаешь что?—сказалъ, подумавъ, Бернардъ:—хотѣлось-бы мнѣ пустить тебя на время пожить въ деревнѣ, у Пинау, недалеко отсюда... Тамъ можешь и поохотиться, и рыбу половить, а

самъ Дитрихъ, хотя и простой человѣкъ, видѣлъ кое-что на своемъ вѣку.

И говоря такъ, Бернардъ смотрѣлъ въ глаза юноши и съ удовольствіемъ примѣтилъ въ нихъ радость.

— Идетъ!—рѣшилъ онъ:—сегодня-же возьму позволеніе мейстера, а Дитрихъ, я знаю, радъ будетъ сдѣлать намъ пріятное.

Юноша всталъ и поблагодарилъ.

Когда ночью вошелъ къ нему Рымось, онъ сообщилъ ему о предстоящей поѣздкѣ. Тотъ-было пригорюнился. Но потомъ вдругъ пришла ему въ голову мысль, что можно воспользоваться для побѣга этою поѣздкою, и онъ сказалъ:

— Ба! Не будутъ-же васъ тамъ держать, какъ здѣсь, на замкѣ! Можете и въ городъ пройти, а тамъ и надуматься будетъ легче, какъ поступать дальше.

Со своей стороны, Юрій думалъ только объ одномъ: какъ-бы взять съ собой, въ качествѣ оруженосца, одного изъ земляковъ, именно опытнаго Швентаса. Но сказать объ этомъ Бернарду, значило измѣнить своему дѣлу, вызвавъ подозрѣнія.

Но самъ Бернардъ явился на помощь этому желанію молодого человѣка: онъ долго думалъ, какъ-бы не поставить юношу въ слишкомъ опасныя для его цѣлей отношенія къ чужой прислугѣ, въ особенности къ прислугѣ женской, и вдругъ выборъ его остановился на Швентасѣ. „Что-же?—думалъ онъ:—старый холопъ не измѣнитъ: онъ довольно уже доказалъ свою ненависть къ Литвѣ, да и доносчикъ онъ хорошій“.

И Швентасъ, обрядивъ коней Бернарду и Юрію, который надѣлъ на себѣ полурыцарскую новую одежду, поѣхалъ за ними, внутренно радуясь и поминутно лукаво усмѣхаясь.

VI.

Весна была въ началѣ. Природа воскресла и радовалась... радовалась всякая тварь ея.

Около мызы Пинауфельда работа въ полѣ кипѣла.

Старый Дитрихъ едва успѣвалъ за всѣмъ присмотрѣть, всѣхъ побудить, не исключая и двухъ сыновей его, здоровенныхъ парней...

Шель сѣвъ, пахота, плелись новые плетни, обрывались рвами луга, полузатошленные разлившеюся Ногатою.

Необыкновенный, даже по тогдашнему времени, человекъ былъ Дитрихъ Пинау. Натура его была огненная, онъ ни въ чемъ не зналъ мѣры, ненавидя середину.

Молодость его прошла сплошь въ вѣчныхъ бояхъ и шумныхъ кутежахъ. Онъ обратилъ дороги въ сцены разбоевъ и грабежей. Купцы трепетали при его имени. Ссоры съ сосѣдями, составляя его досугъ, привели его съ мечомъ въ рукѣ къ возу, съ котораго онъ увлекъ свою невѣсту.

Его замокъ былъ осажденъ, и онъ выносился изъ него, какъ шальной, съ поднятымъ копьемъ, топталъ конемъ однихъ, кололъ другихъ.

Но старость и бѣдность положили конецъ такой жизни.

И если-бы не жена и сыновья, онъ навѣрно пошелъ-бы въ скитъ, спасти многогрѣшную душу. Узнавъ объ ордень крестоносцевъ, о даруемыхъ ими земляхъ, онъ бросился въ Пруссію, на вѣрную, казалось ему, наживу.

Онъ имѣлъ съ собою письмо отъ тѣхъ, кто рады были уходу бурнаго сожителя, а крестоносцамъ всегда былъ на руку приходъ нѣмца-колониста. Онъ, немедленно по прибытіи, заявилъ, что ничего не боится, готовъ на все и вся, и ему немедленно-же былъ нарѣзанъ участокъ земли подъ Мальбургомъ.

Какъ былъ онъ, въ свое время, шальнымъ рыцаремъ, такъ и теперь сдѣлался шальнымъ хозяиномъ.

Орденъ далъ ему вспомоствованіе, и Дитрихъ заложилъ свою осѣдлость, назвавъ ее „Пинау“.

Грунтъ оказался благодарнымъ, черноземнымъ, нетронутымъ плугомъ.

Первый приплодъ былъ богатый. Проданъ былъ удачно, — дѣло спорилось Дитриху.

Этотъ неожиданный успѣхъ придалъ духа и силы горячему хозяину.

Два сына его — плоть и кровь отца — помогали ему съ радѣніемъ.

Не было здѣсь на мызѣ иного разговора, иного слова, какъ о хозяйствѣ и его родномъ братѣ — барышѣ.

Старая жена, со своею старшею прислугою, хлопотали о до-

машнемъ хозяйствѣ и, конечно, времена и воспоминанія рыцарской жизни были заглушены ими.

Среди такой-то семьи поселился нашъ бѣдный Юрій. Онъ ничего не слышалъ теперь вокругъ себя, кромѣ разговоровъ о сѣнѣ, хлѣбѣ, овсѣ, коноплѣ и проч.; въ видѣ прищѣвовъ къ этой пѣснѣ, слышались слова брани и проклятія.

Когда старикъ приходилъ съ поля озлобленный, онъ срывалъ на женѣ свою злость. Она отвѣчала ему въ томъ-же родѣ, и конца не было перебранкамъ.

Сыновьямъ, въ видѣ разнообразія, сыпались оплеухи и даже удары палкою.

Въ дни праздничные дѣло становилось еще хуже. Мужчины перепивались, бранились и заключали удовольствіе синяками...

Дитрихъ, когда услышалъ отъ Бернарда объ юношѣ, котораго онъ приведетъ къ нему погостить, поклялся, что будетъ беречь его, какъ зѣницу ока или какъ собственное дитя, что, впрочемъ, не много обѣщало... Онъ прибавилъ, что старуха его будетъ кормить молодчика лучшими, самыми сладкими кусками. Братья, Павелъ и Петръ, тоже старались помочь отцу въ этомъ дѣлѣ: они отвели гостю лучшую комнату, отдали лучшую постель... Словомъ, Юрій, по ихъ понятію, долженъ былъ чувствовать себя, какъ въ раю.

Швентасъ былъ приставленъ для надзора.

Скоро колонисты замѣтили, что дикость Юрія не поддается сближенію. Они оставили тогда свою настойчивость, и юноша могъ устроить жизнь на независимыхъ началахъ.

Это было тѣмъ болѣе необходимо для него, что, послѣ тишины монастырской жизни, онъ здѣсь былъ оглушенъ и подавленъ изодня въ день повторяющимися сценами, въ которыхъ грубая брань и крики были принятымъ этикетомъ.

Нѣмецкая жизнь, видѣнная впервые въ этой семьѣ, внѣ монастыря, поселила въ душѣ Юрія глубокое отвращеніе къ нѣмцамъ.

Теперь, когда его предоставили самому-себѣ и стали отъ него сторониться, онъ вдругъ почувствовалъ близость своего счастья. Надежда на побѣгъ начинала окрыляться.

Онъ, съ утра до ночи, проводилъ время съ вѣрными своимъ

слугою, то въ поѣздкахъ по окрестностямъ, то на охоту, то въ лѣсу, или по рѣкѣ. И повсюду сопровождалъ эту дружескую чету одинъ и тотъ-же разговоръ—о родной Литвѣ, одинъ планъ, какъ-бы убѣжать туда, къ своимъ.

Швентасъ сидитъ, бывало, на порогѣ, да рассказываетъ ему о прошломъ, да учитъ его, слово за слово, родному языку.

Иногда, случалось, пріѣзжали рыцари въ гости къ Пинау, выпить бутылку, другую, сыграть въ кости. Но Юрій не выходилъ къ нимъ, несмотря на просьбы хозяевъ.

Такъ прошла зима, наступила весна и за нею лѣто.

Поѣздки повторялись чаще и чаще. Юрій отъѣзжалъ все далѣе, знакомясь съ окрестными мѣстами. Швентасъ отставалъ отъ него, и юноша могъ свободно предаваться уединенію и любовному созерцанію природы. Онъ старался только держаться подалѣе отъ замка, чтобы не быть замѣченнымъ и не подвергнуться опять заключенію и неволѣ.

Въ теченіи зимы, Бернардъ нѣсколько разъ посѣтилъ Юрія, справляясь объ его здоровьѣ, и каждый разъ тотъ оказывался скучнымъ и унылымъ, и старый рыцарь находилъ нужнымъ оставить его здѣсь, подкрѣпляться деревенскимъ воздухомъ.

Зимою, конечно, Юрій былъ на глазахъ хозяевъ своихъ болѣе, но весною, уходя на весь день въ поле, они совѣмъ его не видѣли. Онъ оставался дома одинъ, со своимъ Швентасомъ.

Тѣмъ не менѣе, они все еще ясно сознавали невозможность побѣга, въ особенности для Юрія, который непременно обратилъ-бы на себя вниманіе и своимъ ростомъ, и фигурою, и движеніями.

Что было еще не меньшимъ затрудненіемъ, это то, что прусскія завоеванныя земли, сплошь заселенныя, лежали имъ на пути. Съ перваго-же шагу, Юрія принялись-бы искать повсемѣстно.

На всѣхъ перекресткахъ поставлены были нѣмцами крѣпкіе посады, а бѣжать лѣсомъ представлялось еще болѣе опаснымъ,—столько тамъ бродило разбойничьихъ шаекъ.

Въ такихъ трудностяхъ, Юрій тосковалъ и мучился съ вѣчною мыслію о Литвѣ, о ней одной.

Однажды, въ одну изъ такихъ минутъ, онъ сѣлъ на коня и

выѣхалъ за околицу. Швентасъ, стоявшій тутъ, спросилъ его, куда онъ ѣдетъ.

Юрій подумалъ съ минуту, бросилъ взглядъ въ сторону города, затѣмъ вдругъ соскочилъ съ коня и отдалъ поводья Штентасу.

— Пойду пѣшкомъ,—сказалъ онъ точно самому себѣ:—такъ удобнѣе.

Конюхъ взялъ коня, а Юрій бойко пустился въ направленіи къ городу. Онъ его зналъ нѣсколько, но зачѣмъ онъ шелъ теперь туда, онъ-бы и самъ не отвѣтилъ.

Шелъ онъ по какому-то инстинкту, который двигаетъ человека и на хорошее, и на дурное. Онъ шелъ низкою мѣстностью, трясиною, поросшею кустарникомъ, вербою, пучками тростника и осоки.

Не успѣли опомниться, какъ уже первыя хатки мѣстечка, кузницы и стодолы, были передъ его глазами. За ними пошли домики съ лавочками и товарами, разложенными на подоконникѣ, выдвинутомъ на улицу.

Одежда Юрія была проста, и онъ, не обращая на себя вниманія, могъ идти въ самую глубь мѣстечка, къ рынку и костелу.

Что вело его туда? Опять-же инстинктъ, заостренный интересными разсказами о Банютѣ, которую онъ давно хотѣлъ видѣть.

Онъ помнилъ изъ разсказа и положеніе домика Гмунды, и тѣ калитки, которыми нужно было входить на ея дворъ.

Онъ былъ уже подъ самымъ заборомъ, гдѣ въ тѣни, въ густой травѣ, лежалъ Рымосъ; но Юрія не замѣтилъ онъ. Сердце Рымоса дрогнуло, когда онъ услышалъ литовскую пѣсню, которую тихо напѣвалъ себѣ подъ носъ Юрій.

Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда почувствовалъ ударъ по плечу и, повернувшись, увидѣлъ Кунигаса.

— Кунигасъ!—закричалъ онъ въ-полголоса, вскочивъ, въ сторону Банюты.

За заборомъ послышался шумъ и, въ одно мгновеніе, любопытные глаза блеснули надъ нашимъ героемъ, впившись въ него.

Кунигасъ поднялъ голову, и взоры молодыхъ людей встрѣтились. Банюта, съ распущенными золотыми волосами, въ зеленомъ вѣнкѣ, съ румяными щеками, казалась истинно прекрасною.

Такъ смотрѣли они другъ на друга, дивясь и любуясь, не имѣя

силы ни произнести слова, ни прервать этой молчаливой сцены, ни отвести глазъ.

Рымось глядѣлъ на нихъ обоихъ и, можетъ быть, тайная зависть зашевелилась въ его влюбленномъ сердцѣ.

Невыразимое впечатлѣніе произвела дѣвушка эта на Юрія, съ ея чудною красотою, съ ея дикостью, съ ея изумительною любовью къ родинѣ,—она, эта дѣвушка, онъ чувствовалъ, была его кровною сестрою...

Казалось ему, что онъ ее гдѣ-то видѣлъ, что она уже ранѣе была его нарѣченною.

Банюта отдавалась такимъ-же чувствомъ. Натура ея не умѣла лгать. Она, какъ ребенокъ, вся передалась на его сторону, свѣсилась къ нему и протянула руки... „На, бери меня“,—словно говорили ея румяныя, полуоткрытыя уста, ея улыбающіеся голубые глазки.

Страхъ начиналъ разбирать Юрія,—онъ оглядывался, боясь быть узнаннымъ.

Рымось понялъ опасность его положенія и знаками пригласилъ Банюту и его внизъ, подъ заборъ, гдѣ только-что лежалъ онъ самъ, такъ безмятежно.

Банюта соскользнула внизъ съ быстротою ящерицы, къ ней подошелъ Юрій. Онъ видѣлъ теперь ее близко, всего въ одномъ шагѣ разстоянія.

Рымось съ деликатностью отступилъ въ сторону, оставивъ ихъ однихъ.

Теперь начался разговоръ молодыхъ людей, но... развѣ это былъ разговоръ? Это была сама поэзія, сама музыка изъ полусловъ, намековъ, веселаго рѣзваго смѣха, страстныхъ вздоховъ, изъ отрывковъ пѣсенъ, изъ звуковъ, вылетавшихъ изъ самыхъ глубокихъ тайниковъ души.

Много было дикаго въ этомъ первомъ, случайномъ, инстинктивномъ свиданіи юноши и дѣвушки и столько-же было въ немъ прекраснаго, неувыдаемаго, благоухающаго, вѣчнаго.

— Кунигасъ!—произнесла нѣжно Банюта.

— Банюта!—отвѣчалъ еще нѣжнѣе юноша.

Она поправила на головѣ своей вѣнокъ, бросила смѣлымъ движеніемъ головы волосы за плечи, назадъ, и заплѣла въ-полголоса:

У меня-ли во саду
Розы разцвѣтали;
У меня-ли, молодой,
Столиственныя...
А въ саду-то у сестры
Розы лучшія цвѣли,
Да душистѣе...
Какъ зеленымъ бережкомъ
Дѣвица идетъ,
И изъ барвинокъ вѣнокъ
Съ пѣснею несетъ...
Ты вѣночекъ мой, вѣнокъ,
Путь нашъ труденъ и далекъ!..
Ахъ, мой батюшка родной,
Мать моя родная,
Будьте счастливы вы всѣ,
Вѣдь и зла не зная!..

Пѣсня эта глубоко тронула Юрія. Онъ сказалъ:

— Ахъ, не прощайся съ ними, моя милая! Мы пойдемъ къ нимъ и увидимъ ихъ!

— Нѣтъ!—вздохнула дѣвушка:—намъ тутъ погибнуть, видно, придется.

— Я тебя избавлю, освобожу!—сказалъ юноша гордо и увѣренно.

— Какъ?—спросила Банюта.

— Убѣжимъ,—вотъ и все!—отвѣчалъ онъ.

Она взглянула на своего будущаго избавителя благодарнымъ взглядомъ.

Въ это время Рымосъ далъ знакъ, чтобы молодые люди спрятались. Юрій видѣлъ, какъ прошелъ Зигфридъ съ хмѣльными товарищами. Рыцари, припѣвая, сѣли на коней. Рымосъ держалъ имъ стремяна.

Уже вечеръ загорался пламенемъ заката и заблестѣли звѣзды въ темномъ небѣ. Юрій не рѣшился идти черезъ лѣсокъ, а прямо побѣжалъ къ Пинауфельду.

Онъ чувствовалъ себя теперь и увѣреннѣе, и сильнѣе. Цѣль жизни обрисовывалась передъ нимъ. Онъ зналъ, что ему дѣлать и для чего... для кого, хотѣли мы сказать.

Уже наступила ночь, когда Юрій подходилъ къ воротамъ, поджидаемый струсившимъ Швентасомъ.

Въ домѣ уже разведенъ былъ большой огонь, и въ его веселомъ заревѣ сидѣли, крича, споря и ужиная, хозяева. Поводомъ къ спору, на этотъ разъ, былъ молодой гость ихъ. Куда могъ онъ пропасть? Заблудился, но какъ и гдѣ? На эти вопросы каждый давалъ свой отвѣтъ, и мнѣнiямъ не было конца.

Появленiе Юрія на порогѣ столовой и кухни, которыя были соединены воедино, пробудило новый шумъ, уже веселый на этотъ разъ.

Братя, Павелъ и Петръ, встрѣтили Юрія радостнымъ восклицанiемъ: „Ага! Вотъ и онъ!..“ А отецъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ, почитая это своею священною обязанностью.

Юноша вынужденъ былъ солгать, не желая открываться.

Но тѣмъ дѣло и кончилось. Хозяева перешли къ разговору о хозяйствѣ, о волахъ, о коняхъ, о скотѣ вообще, а Юрій, тѣмъ временемъ, ускользнулъ въ свою комнату.

Тамъ уже ждалъ его вѣрный Швентасъ.

— Послушай, другъ мой!—обратился къ нему юноша:—ты говоришь, что преданъ мнѣ, что любишь Литву, что хочешь ее видѣть. Если такъ, помоги мнѣ, и мы оба уйдемъ отсюда на родину.

Швентасъ только вздохомъ отвѣчалъ.

— Пока мы здѣсь, на мызѣ, намъ легче бѣжать: я уйду и не вернусь. Они пойдутъ меня розыскивать, не подозрѣвая побѣга,—будутъ думать, что со мною случилось несчастье. Тѣмъ временемъ, мы уйдемъ далеко, а тамъ ищи, не найдешь!..

Швентасъ поддакивалъ, а самъ, въ борьбѣ съ собою, ломалъ пальцы.

Онъ давно уже надумывалъ планъ, но прежде времени не хотѣлъ отерывать его. Онъ понималъ, что побѣгъ лѣсомъ—несбыточная мечта, и рѣшилъ въ своемъ умѣ устроить бѣгство рѣкою, и можетъ на лодкѣ, вдоль береговъ, держа прямо на литовскую землю.

Для этой цѣли, Швентасъ уже ходилъ на Ногату, озирая ея берега и доступы къ нимъ, въ то-же время заботясь о приобрѣтенiи лодки.

Но ни о чемъ онъ до сихъ поръ не открывалъ Юрію, считывая на лучшее будущее.

— Мы и Рымоса возьмемъ съ собою,—говорилъ Юрій.

— Да можетъ быть еще и оттолъ доведется кого взять,—отвѣчалъ Швентасъ насмѣшливо: — Эхъ, Кунигаси къ мой! Молоды вы да зелены!.. Ну, гдѣ намъ еще брать съ собою, когда одному тутъ плохо, двумъ тяжело, тремъ худо, а четвертому такъ и все нельзя!..

— Да троемъ легче обороняться,—отвѣчалъ Юрій.

— И, Боже мой! Да гдѣ тамъ обороняться!.. Если уже къ тому придется, такъ лучше повѣситься на первой осинѣ... А кого-же четвертаго хотѣли брать?—прибавилъ онъ лукаво.

На это Юрій не далъ отвѣта и только румянецъ, вспыхнувшій на его лицѣ, выдалъ его.

Старый Швентасъ понялъ сразу, въ чемъ дѣло.

— Я уже знаю, кого, можете не говорить,—сказалъ онъ:— Это вамъ Рымосъ голову набилъ ею, знаю! А по мнѣ, такъ никакая дѣвка не стоитъ пустого орѣха!.. Вотъ что!

Юрій и онъ обмѣнялись взглядами, видимо понявъ другъ друга.

— У насъ на Литвѣ красныхъ дѣвокъ хоть прудъ ими пруди,—добавилъ Швентасъ.

— Какъ знаешь, такъ и дѣлай, а я убѣгу самъ, если ты не поможешь мнѣ. Я не могу больше терпѣть здѣсь!..

— Жаль мнѣ васъ, — погибнете такъ... Потерпите малость, тогда все наладимъ, какъ должно быть,—отвѣчалъ Швентасъ.

— Завтра я пойду въ замокъ,—прибавилъ онъ, подумавъ.

Слѣдуетъ сказать читателю, что Швентаса тянуло туда желаніе поразузнать, что толкуютъ рыцари о предстоящей экспедиціи, къ которой сильно готовились теперь. Хотѣлъ онъ услужить литвинамъ, предостеречь ихъ во время. А кромѣ того, въ дни общаго вооруженія и выхода въ поле, гораздо легче, казалось ему, было убѣжать имъ.

Въ эту экспедицію поджидали изъ Англіи тамошнихъ рыцарей, и это общало ордену не мало удовольствія, такъ-какъ пріемъ и угощеніе заморскихъ гостей, естественно, вызывалъ цѣлыя недѣли пиршествъ, ниспровергая надолго строгій режимъ монастырской жизни.

Этими безпорядками легко было пользоваться теперь, для цѣлей побѣга.

Но, къ сожалѣнiю, Швентасъ подслушалъ, что Сильвестръ совѣтовалъ Бернарду взять съ собою въ дѣло юношу.

Хотя въ замкѣ еще держали въ тайнѣ скорое прибытiе гостей, но приготовленiя шли на широкую ногу.

Засыпался овесъ въ мѣшки; тѣсто заквашивалось въ огромныхъ чанахъ; медъ и пиво разливалось по ендовамъ, — люди не знали отдыха ни днемъ, ни ночью. Все съ ногъ сбилось и нетерпѣливо ждало дня, когда все это начнетъ истребляться.

Уже вытащенъ былъ изъ арсенала полный конскiй уборъ, — для Юрiя, какъ толковали слуги.

Со всѣми этими свѣдѣнiями, Швентасъ ретиво спѣшилъ домой, на мызу, когда вдругъ повстрѣчалъ Бернарда, бродившаго вдоль и поперекъ, по всѣмъ закоулкамъ.

— Какъ ты смѣлъ бросить своего господина? — окликнулъ его Бернардъ.

— Онъ самъ меня послалъ сюда, — отвѣтилъ спокойно онъ, показывая новое удило.

— Гм! Можно-бы и старымъ обойтись, — проворчалъ Бернардъ: — Ну, каково-же здоровье твоего господина?

— А мнѣ-то откуда знать! — отвѣчалъ Швентасъ: — я его вижу каждый Божiй день, по мнѣ онъ все одинаковъ. Старый Дитрихъ толкуетъ, слышу, что господинъ мой, по-прежнему, мало ѣстъ, не говорить ничего, скучаетъ... Не будетъ съ него потѣхи вамъ, одно слово!

Бернардъ слушалъ недовѣрчиво.

— Вижу я, что тебѣ также понравилось на мызѣ, — сказалъ онъ лукаво.

— Мнѣ что, мнѣ все единственно... гдѣ прикажутъ, тамъ я и буду, — съ притворнымъ равнодушиемъ отвѣчалъ Швентасъ: — развѣ та разница, что другая плеть бьетъ по спишѣ!..

Бернардъ отошелъ шага два и сказалъ:

— Передай твоему барину, чтобы онъ былъ готовъ на - дняхъ вернуться въ замокъ.

Швентасъ усмѣхнулся и побрелъ.

Плохую новинку неся онъ своему молодому пану. Но Юрiя не было дома: онъ, по-прежнему, ушелъ въ мѣстечко и тамъ пропадалъ до ночи. Вернулся измученный, усталый, запыхавшiйся.

— Клянется вамъ братъ Бернардъ, — лукаво началъ Швентасъ: — Вотъ всегда такъ-то, кого не хочешь встрѣтить, онъ и встрѣтится съ нами!.. Пыталъ онъ, какъ ваше здоровье, я отвѣчалъ плохо, а онъ всетаки говоритъ, чтобы въ замокъ готовились прибыть.

— Швентасъ!—вскричалъ Юрій: — прежде чѣмъ придетъ эта минута, мы должны бѣжать!

Швентасъ, не вымолвивъ ни слова, легъ на полъ, сложилъ руки и глубоко вздохнулъ.

— Слышалъ ты, что я говорю?—повторилъ юноша.

— Князинецъ! Все, все я слышу, даже и то, о чемъ вы только думаете еще, но нельзя такъ громко кричать! Старый Швентасъ сдѣлаетъ все, что можетъ, а вы ступайте-ка спать!

На другое утро, Швентасъ исчезъ на весь день. Юрій, какъ только повечерѣло, побѣжалъ въ мѣстечко. Банюта уже ожидала его тамъ, какъ всегда, — ожидалъ и Рымосъ, исполнявшій роль сторожа.

Въ разговорѣ съ дѣвушкою, Юрій ей все высказалъ, что только было у него въ помыслахъ. Они оба рѣшили бѣжать, какъ можно скорѣе. Бѣдная дѣвушка жаловалась со слезами на глазахъ на гостей, которые обходились съ нею, что ни день, то наглѣе и безстыднѣе, и на Гмунду, которая не только не защищала ее, а еще бранила и унижала.

Вернувшись домой въ этотъ-же вечеръ, Юрій рѣшилъ уговорить Швентаса бѣжать сегодня-же. Но тотъ вернулся домой усталый и разбитый и, на первое слово Кунигаса, отвѣчалъ лаконично:

— Скоро!

Еще прошло двое сутокъ. Въ полдень, когда на дворѣ, кромѣ старухи Дитрихъ, никого не было, вдругъ явился Бернардъ на конѣ. Съ нимъ не было оруженосца, и онъ съ трудомъ нашелъ хлопца, которому и отдалъ коня.

Старая жена Дитриха объявила ему, жалобно напѣвая, что всѣ старъ и младъ, въ полѣ, а Юрія и его слуги тоже нѣтъ дома.

Не понравилось это Бернардъ.

Сѣлъ онъ снова на коня и приказалъ старушкѣ передать Юрію, чтобы завтра ѣхалъ онъ въ замокъ.

Кунигасъ, возвращаясь изъ мѣстечка, еще издали завидя Бергарда, припалъ къ землѣ и скрылся въ кустахъ.

Когда-же явился на мызу, жена Дитриха сообщила ему новость.

— Вамъ приказано завтра ѣхать въ замокъ,—сказала она.

— Что-же дѣлать! Приказано, такъ поѣду,—отвѣчалъ юноша.

Онъ старался владѣть собою и не обнаруживать душевной тревоги. Но, войдя въ комнату, онъ, невольно повторилъ:

— И такъ, утромъ.

И въ отчаяніи началъ ломать руки.

А Швентаса не было, чтобы облегчить его горе. Тотъ уже узналъ, что ожидаетъ его. Онъ пришелъ къ Кунигасу печальный, хмурый какъ осень.

— Что намъ дѣлать теперь? Говори, ради Бога! — вскричалъ несчастный юноша, потерянный.

— Что-же больше? Поѣдемъ въ замокъ! — отвѣчалъ онъ.

— Измѣнникъ! — вскричалъ юноша.

Тотъ молчалъ.

— Говори-же! Говори! Умоляю тебя!

— Успокойтесь, Кунигасъ!

Юноша овладѣлъ собою и смолкъ.

— Ну, ладно! Завтра мы поѣдемъ въ замокъ. Бѣжать завтра нельзя никоимъ образомъ! Но, будьте спокойны, мы уйдемъ, уйдемъ безпремѣнно! Дайте только срокъ мнѣ!...

На другой день, раннимъ утромъ, Кунигасъ, со своимъ слугою, выбрались уже съ фольварка. Пока Швентасъ простался съ пріятелями-паробками, Юрій сбѣгалъ въ мѣстечко, проститься съ Банютою.

Онъ нашелъ Банюту около колодца, невдалекѣ отъ дома. Лицо его блѣдное, помертвѣлое открыло ей сразу его горе.

— Банюта! Мнѣ приходится ѣхать въ замокъ! — воскликнулъ онъ.

— Какъ! Тебя опять запрутъ!? — вскричала она въ ужасѣ.

— Да; но я убѣгу! Будь готова, — ты убѣжишь со мною!

Банюта весело усмѣхнулась.

— Поспѣвай-же, Кунигасъ, а то не найдешь ты меня живою! Они меня хотятъ погубить, — я не переживу стыда?

Юрій дышалъ гнѣвомъ, слушая слова бѣдной дѣвушки.

Онъ крѣпко сжалъ въ рукахъ своихъ ея руки, такъ-что онѣ хрустнули, и Банюта поблѣднѣла. Онъ выпустилъ ея руки, обнялъ станъ и крѣпко, крѣпко цѣловалъ ее.

— Помни-же!—шептала она.

— Помни-же!—говорилъ онъ.

Въ это мгновеніе, когда молодые люди были поглощены пламенемъ горячаго чувства, вдругъ надъ ихъ головами раздался пискливый отвратительный голосъ:

— Сюда! Сюда! Караулъ!.. Вотъ она, недотрога, съ кѣмъ тутъ шуры-муры водить!.. Хватайте его!

Банюта вырвалась изъ объятій Кунигаса и исчезла въ саду. Юрій, почувствовавъ, что его уже схватили за воротъ, сбросилъ плащъ свой, вырвался изъ рукъ людей, его схватившихъ, и, закрывъ лицо, бросился въ калитку, которая, по счастью, была открыта.

Онъ бѣжалъ по улицамъ мѣстечка, а погоня за нимъ по пятамъ. Слышался крикъ и пискъ женщинъ, лай собакъ, угрозы... А онъ выбѣжалъ на выгонъ, прилегъ въ кустахъ черемши, передохнулъ и снова пустился бѣжать на мызу.

Съ тяжелымъ чувствомъ за бѣдную дѣвушку пришелъ онъ въ Пинауфельдъ...

— Что съ ней станетъ теперь?—думалъ онъ:—Бѣдная, бѣдная!..

VII.

Совсѣмъ иную фizioномію принялъ Мальбургскій замокъ, вслѣдствіе пріѣзда посѣтителей его, рыцарей Западной Европы.

Повсюду, на всемъ, и въ мелочахъ видно было стремленіе казаться новѣе и лучше, краше и пригляднѣе.

Старыя стѣны были заново оштукатурены; дворы вымощены ворота окрашены въ новую краску, самые гвозди и вся оковка, мѣдная и желѣзная, блистала на солнцѣ.

На башняхъ, такъ называемой Бабьей и другой—Черной, подняты были флаги, одинъ грессмейстера, другой ордена.

Стража была въ новыхъ одеждахъ. И не одна стража и слуги, сами старшіе рыцари нарядились, словно на праздникъ Пасхи.

На всѣхъ лицахъ читались торжество, веселость.

Въ среднемъ замкѣ, тамъ, гдѣ обыкновенно происходило собраніе рыцарей, теперь стоялъ столъ, за которымъ сидѣли гости, принимаемые самимъ мейстеромъ, комтуромъ, старшинами.

Тутъ были рыцари госпитальеры, по своему обычаю постившіеся круглый годъ, кромѣ трехъ дней: Пасхи, Рождества и Св. Духа.

Рыцари сѣли къ столу, читая молитву... Но, это уже не былъ обычный обѣдъ ихъ, трапеза, исполненная умѣренности и суроваго режима,—тутъ было теперь все, что могли принести сюда пикантнаго и вкуснаго востокъ и западъ, сѣверъ и югъ.

Конечно, отступленіе это было сдѣлано по необходимости, чтобы угостить достойнымъ образомъ достойныхъ гостей. Вина наливались въ граненое стекло; бѣлье столовое блистало своею серебристою узорною бѣлизною, отдѣланное по краямъ и угламъ дорогимъ шитьемъ шелкомъ.

Зала, предназначенная для отдохновенія и бесѣды, уставленная вокругъ плетеными и рѣзными деревянными скамьями, была теперь убрана, согласно требованію балованной натуры, съ комфортомъ: на скамьи брошены цѣлою горою пуховыя подушки, самыя скамьи устланы коврами, работы персіанъ и турокъ.

На большомъ столѣ, по срединѣ, стояли густою колонною серебряные кубки, вынутые на этотъ разъ изъ казначейскаго ящика, и въ нихъ слуги, то-и-дѣло, вливали благовонныя вина, фряжское, токайское, мозельское, рейнское... Чередъ домашняго грубаго чернаго пива-браги миновалъ. Рыцари пили, наслаждались, и веселая бесѣда шумѣла подъ высокими каменными сводами строгаго когда-то ордена. На отдѣльномъ низкомъ столѣ стояли вазы съ теплою водою, и вокругъ, по краямъ, разложены были полотенца, шитыя шелками и шерстью,—это для тѣхъ, кто послѣ обильной трапезы пожелалъ-бы освѣжиться и вымыться.

Многіе изъ гостей, прямо изъ-за стола, шли въ опочивальню, нагруженные избыткомъ пищи и питія. Другіе весело и буйно толковали о предстоящемъ походѣ въ Литву, совершенно такъ, какъ говорятъ охотники, собираясь въ лѣса, на облаву медвѣди или дикаго лося...

Давно уже монашеская сутана сорвана была съ плечъ христіанскаго рыцаря и обнажила его желѣзное убранство. Вся задача крестоносцевъ-рыцарей заключалась теперь въ охотѣ на дикарей, въ пиршествахъ, загулѣ, и только немногіе внѣшніе обряды, въ немногіе дни, поддерживались еще, какъ связь съ прошедшими традиціями и постановленіями.

Изъ гостей особенно выдѣлялись: Людвигъ маркграфъ Бранденбургскій, Филиппъ Намюръ, графъ Ганнебергъ, нѣсколько французовъ, нѣсколько австрійцевъ, одинъ англичанинъ.

Всѣ эти господа явились сюда въ замокъ, сопровождаемые цѣлою оравою слугъ, цѣлыми свитами, дворами, и можно себя представить, какой невообразимый хаосъ былъ въ той половинѣ замка, гдѣ принималась и угощалась эта свита, болѣе шумная и многоязычная, чѣмъ ихъ господа, — болѣе претендующая и хвастливая...

Тутъ повторилось настоящее столпотвореніе вавилонское: нѣмецкій языкъ всѣхъ нарѣчій, французскій съ его гасконскимъ уклоненіемъ и варварскою помѣсью бретонцевъ, англійскій, латинскій. Послѣдній все покрывалъ своими длинными, цистероновскими періодами, сближая неразумѣющихъ другъ друга шваба и галла.

Всѣ были въ полномъ сборѣ, оставалось еще прибыть самому высокому гостю, графу Намюру, который, послѣ вчерашнихъ брашенъ, заспался въ своей опочивальнѣ.

Въ это время вошелъ Бернардъ, — вошелъ тихо, незамѣтно и сталъ въ сторонкѣ. Никто и не взглянулъ даже на него, а между тѣмъ, суровое печальное лицо его такъ рѣзко выдѣлялось изъ этой толпы, веселой, румяной, словно ликъ святого изъ позлащенной, рѣзной рамы образа.

Общій разговоръ шелъ на тему первыхъ удачныхъ схватокъ съ дикими, первыхъ захватовъ этихъ земель и лѣсовъ.

Старый Зигфридъ, съ воспаленнымъ возліаніями лицомъ, горячо повѣствовалъ о дѣяніяхъ своихъ молодыхъ лѣтъ.

Онъ говорилъ о дикихъ съ ненавистью и презрѣніемъ, какъ о звѣряхъ, недостойныхъ ни креста, ни жизни.

— Ихъ крестить!? — воскликнулъ онъ: — Да развѣ крещеніе можетъ передѣлать ихъ натуру? Они неспособны увидѣть свѣтъ своими свинными глазами!.. Одно средство съ ними: вытоптать это

подлое племя, съ корнемъ истребить его. Я еще ни разу не погрѣшилъ противъ себя; я не выпустилъ ни одного живымъ,—крестилъ ихъ мечомъ и кровью!..

И онъ хищно расхохотался.

— Опустошенную землю мы найдемъ кѣмъ заселить. Довольно у насъ своихъ людей безъ земли. Довольно родится у насъ дѣтей!

— И впрямь, что ихъ крестить,—поддержалъ Лампертъ: — Вѣдь это одна проформа... Дичь дичью и воняеть!

— Да, пожалуй, вонъ нашлись мастера, что хотѣли наше дѣло взять въ монастыри,—монахами смѣнили-было рыцарство... Ну, да мы отучили ихъ, отбили охоту... Ха! ха! ха!.. Своихъ-же есендзовъ приказали вѣшать на деревьяхъ... Ха! ха! ха!.. За-одно и костелы спалили!..

Все смолкло, подъ давленіемъ словъ такого дерзкаго кощунства. Заговорилъ снова Зигфридъ.

— Какая польза могла быть отъ этихъ монаховъ и костеловъ?.. Это не храмы христіанства, не христіане были,—это Вааль и его нечистые слуги... Топтать, бить, жечь—сдѣлать *tabula rasa*... вотъ единое средство!

Бернардъ прислушивался къ этимъ разсужденіямъ, но лицо его не выражало ни удивленія, ни гнѣва, давно уже привыкъ онъ ихъ слышать въ этихъ стѣнахъ, видѣть ихъ во-очію на сценѣ такъ называемыхъ боевъ съ нечистыми.

— Благодареніе милосердному Богу и нашей госпожѣ Святой Дѣвѣ Маріи,—началъ фарисейски Людербъ: — мы теперь можемъ спокойно взирать на наше прошедшее. Земель у насъ—не занимать стать; морскихъ береговъ достигнемъ не сегодня, завтра. Съ поляками, правда, идутъ еще счеты, но... скоро покончимъ ихъ, и тогда всю эту широкую полосу земли приобщимъ къ владѣніямъ святѣйшаго папы... А въ вашей любезной помощи,—обратился онъ къ Людвигу Бранденбургскому:—вѣроятно, намъ не будетъ отказа, такъ-же, какъ къ гробу Христа спѣшили всѣ рыцарскіе ордена, какъ одинъ человѣкъ.

— Каждый вспомошествоующій мечъ,—это лепта на алтарь Христа,—вставилъ Зигфридъ.

— Тѣмъ болѣе, что весь этотъ край далеко не бѣдный,—отозвался Гансъ изъ Вюрцбурга:—хотя на видъ и невзрачный. Земля

богатая, черноземъ, — меду и воску сколько угодно, въ лѣсахъ звѣрьё кишмя-кипитъ, въ рѣкахъ отъ рыбы тѣсно!.. Зима суровая, правда; но гдѣ заслонено отъ вѣтровъ, — самъ виноградъ растетъ.

— Ого!—весело отозвался французъ:— Ну, признаюсь, я гораздо охотнѣе сталъ-бы ловить вашу рыбу, чѣмъ давить сокъ и пить вашъ виноградъ!

— А въ такомъ случаѣ, не угодно-ли вамъ вытянуть кубокъ нашего стараго меду!—воскликнулъ Зигфридъ.

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ французъ:—пилъ я его, и потомъ весь день голова, какъ свинцомъ налита.

— Ну, намъ это по нутру: наши головы тоже не легки,—сшутиль грубо нѣмецъ.

Бернардъ слушалъ и безучастно обводилъ глазами собраніе стѣны. Замѣтивъ его, къ нему подошелъ маршалокъ:

— Что вы такъ скучны?—съ участіемъ спросилъ онъ:—Жаль и больно смотрѣть на васъ. Что опять случилось? Напрасно вы такъ къ сердцу все принимаете...

— У меня свое собственное дѣло, я своими согрѣшеніями тягочусь,—отвѣчалъ хмуро Бернардъ.

— Вы?! Кто-же, послѣ того, не грѣшенъ, если вы себя караете за какой-то невѣдомый грѣхъ?!

— И, однако, *sono peccatto*,—отвѣчалъ Бернардъ.

— Вы будите мое любопытство.

— Ахъ, не будемъ здѣсь говорить объ этомъ, — я отравлю вамъ вашу веселость.

— Скажите въ двухъ словахъ, въ чемъ дѣло, умоляю васъ,—просилъ маршалокъ:—Вѣрно, дѣло не маловажное...

— Да; но только для меня одного и моей совѣсти,—отвѣчалъ уклончиво Бернардъ и пошелъ-было прочь.

Но маршалокъ остановилъ его.

— Прошу васъ!

— Нѣтъ, нѣтъ!—и Бернардъ оставилъ общество.

— Должно быть, чувствуетъ себя неправымъ, если не раздѣляетъ мнѣнія почтеннаго Зигфрида,—мигнулъ въ его сторону Гансъ.

Но онъ былъ перебитъ общимъ начавшимся движеніемъ. Двери въ столовую залу отворились. Гроссмейстеръ, обратясь къ Аль-

тенбургскому, приглашалъ его идти въ столовую. Съ другого конца залы люди графа Намюрскаго распахнули двери, и графъ вступилъ въ залу вмѣстѣ съ Бранденбургомъ. Рыцарство блистало своими пышными нарядами. Среди нихъ, простые бѣлые плащи крестоносцевъ выдѣлялись скромно и благородно.

Самымъ простымъ одѣяніемъ отличался суровый Бернардъ; самымъ цвѣтистымъ и богатымъ графъ Намюръ.

Онъ приковывалъ къ себѣ всѣ взоры, такъ-какъ еще недавно сразился на турнирѣ и вышелъ побѣдителемъ, поразивъ зрителей необыкновенною ловкостью.

Онъ извѣстенъ былъ, какъ веселый и пріятный застольный собесѣдникъ, никогда не нарушавшій хорошаго расположенія духа, въ одно и то-же время, гордый и благодушный.

Онъ глядѣлъ на всю невѣжественную, дикую братью рыцарей не безъ тонкой насмѣшки, прикрытой лоскомъ вѣжливости и вниманія въ грубой воинственной силѣ.

Разговоръ опять, какъ наканунѣ, затронулъ войну съ язычниками.

Гости разсажены были такъ, что около каждого изъ нихъ сидѣлъ одинъ рыцарь, занимая его разговоромъ, подливая ему вино и потчуя.

Близъ графа сѣлъ Зигфридъ. Въ ту минуту, какъ высказано было мнѣніе, что дикарь, взятый изъ колыбели, окрещенный и воспитанный, всетаки не перестаетъ жить природными инстинктами,—въ ту самую минуту, слуга, поспѣшно войдя въ залу, тихо наклонился къ Зигфриду и сообщилъ ему что-то на ухо.

Зигфридъ посадилъ на свое мѣсто другого рыцаря, извинился и быстро вышелъ изъ залы.

Онъ быстро шелъ изъ замка въ сторону мѣстечка; на лицѣ его, гнѣвъ, злоба, удивленіе и раздраженіе смѣнялись поминутно.

— Ахъ, ты старая шельма! Ну, будетъ тебѣ, погоди!—вырывалось у него съ языка, вмѣстѣ съ другими непечатными словами.

Вдругъ, на-встрѣчу ему показалась Гмунда. Она громко кричала:

— Дѣвчонку увели у меня!.. Банюту увели!.. Это ваши проклятые конюхи: я вчера застала ее съ однимъ молокососомъ здѣсь... А вечеромъ уже ея на стало,—утекла куда-то! Давайте людей! Посылайте погоню!..

— Славно, отлично! Такъ-то ты мнѣ уберегла эту вертихвостку... Намъ, рыцарямъ, ковшъ вина не хотѣла подать, а съ конюхами романъ завела... Славно!—кричалъ въ негодованіи Зигфридъ:—Куда-же они убѣжали? Куда погоню слать?—прибавилъ онъ.

— А я почему знаю! Вижу, что ея нѣтъ,—вотъ и все!

— Когда-же это случилось?

— Когда?! Когда?!—повторяла, дрожа отъ злости и нетерпѣнія, Гмунда:—Знаю я одно, что вчера ее видѣли въ объятіяхъ какого-то молодого конюха, — вотъ и все, а теперь не вижу и не могу найти нигдѣ.

— Кто-же еще ихъ видѣлъ?—спросилъ Зигфридъ.

Онъ начиналъ терять терпѣніе, спѣша къ столу.

Гмунда начала плакать. Она заговорила отрывочно о томъ, что дѣвочка теперь разнесетъ по свѣту все, что тутъ видѣла.

Весь этотъ прерывистый громкій крикъ и плачъ обратилъ на себя вниманіе стоявшаго невдалекѣ, у воротъ, часового Онъ отозвался.

— Что только дѣлается на бѣломъ свѣтѣ! Сегодня у васъ дѣвчонка сбѣгла, а у насъ вчера хлопецъ пропалъ... Отецъ Бернардъ посадилъ его здѣсь, на фольваркѣ, а уже его и слѣдъ простылъ!... Прости Ты, Господи, мои прегрѣшенія.

— Какъ? Это вѣрно?—схватился Зигфридъ.

— Какъ-же не вѣрно, вѣрно,—отвѣчалъ рыцарь.

Зигфридъ обернулся къ Гмундѣ и началъ въ полголоса:

— Слушай, Гмунда! Иди домой! Иди скорѣй! Все, что можно, будетъ сдѣлано! Убѣжали они оба,—это уже извѣстно теперь. Будь спокойна, они не далеко уйдутъ: Бернардъ не заснетъ теперь, пока они не будутъ здѣсь!

И, сказавъ это, Зигфридъ поспѣшилъ въ замокъ.

Тамъ уже шли тосты, голоса покрывали звонъ посуды. Раздавался смѣхъ, подъ столомъ бряцали шпоры, отбивая тактъ рѣзвому хохоту.

Зигфридъ отыскалъ глазами Бернарда и подошелъ къ нему. Старый Бернардъ былъ пасмуренъ, какъ море осеннею ночью.

Зигфридъ наклонился къ его уху и шепнулъ:

— Слышали вы новость? Вашего питомца не стало!.. Бѣжалъ съ дѣвочкою литвинкою, что жила у Гмунды...

— Какъ?!—воскликнулъ Бернардъ:—такъ Гмунда воспитывала литвинку?!

— Да, вы сами...—отвѣтилъ-было Зигфридъ; но общее вниманіе къ ихъ разговору побудило Бернарда сдѣлать знакъ, чтобы Зигфридъ замолкъ: дѣвочка и юноша были тайною, по своему происхожденію, для прочихъ.

— И такъ, онъ бѣжалъ?!—полувопросительно сказалъ Зигфридъ.

— Да, что дѣлать!... Это вина моя и Сильвестра: онъ научилъ меня лѣчить юношу свободою!.. Непонятная вещь!.. Паробокъ, литовскій звѣрь, сторожилъ его... Но я не полагаю, что онъ измѣнилъ мнѣ: столько лѣтъ служилъ вѣрно!

— Ну, что-же, послали погоню?

— Да, но безъ шума,—разглашать не слѣдуетъ. Я объясняю всю исторію молодостью да горячею кровью: схватилъ дѣвчонку, согрѣшилъ,—ну и прячется теперь. Велѣлъ искать его здѣсь, въ ближнихъ кустахъ, тамъ и найдутъ, вѣрно.

— Вы думаете?—спросилъ съ сомнѣніемъ Зигфридъ.

— Я убѣжденъ!.. Куда-же иначе бѣжать имъ? Невозможно!.. Поймаемъ... Мальчика посажу въ мѣшокъ, на хлѣбъ и воду; Гмунда раздѣлается съ дѣвчонкою...

— Ну, ладно, будемъ поджидать,—согласился Зигфридъ и принялся храбро за пищу и питье, какъ истинный крестоносецъ.

Бернардъ, хотя и говорилъ такимъ увѣреннымъ тономъ, въ глубинѣ души былъ не спокоенъ. Онъ переживалъ въ эту минуту всѣ семь египетскихъ казней, и только желѣзная воля, закаленная годами самообладанія, брала верхъ надъ обуревавшими его духъ страстями.

Уже сладкій пирогъ принесли четверо людей на огромномъ щитѣ,—произведеніе того вѣка, представляющее уродливое нагроможденіе всякихъ кухонныхъ причудъ,—въ это время, одинъ изъ пахолковъ подошелъ къ Бернарду и шепнулъ:

— Сказываютъ, пропалъ Ромонъ, паробокъ, котораго звали по просту Рымосомъ...

Бернардъ вздрогнулъ.

Глаза его прояснились. Въ побѣгѣ юноши онъ видѣлъ теперь не случайность вылетѣвшаго изъ окна самца-пташки, въ весеннюю пору любви, а правильно задуманный и организованный планъ. Тутъ повѣяло уже не любовью, не весною, не чувствами,—тутъ потянуло политикою: родными лѣсами, родными пѣснями, родными землянками, родными богами, родными шкурами вмѣсто одежды, родными берегами, родными рѣками,—всѣмъ тѣмъ, что сильнѣе всего владѣетъ душою полудикаго человѣка,—этого дитяти природы, его родной возлюбленной матери, его богини, сестры, его отрады, счастья и покоя!..

Почуялъ вдругъ теперь старый Бернардъ, что въ юношѣ потерялъ онъ не стимулъ политической козни, не орудіе,—потерялъ онъ въ немъ питомца, сына своего, къ которому примкнулъ свое сирое существованіе.

И между тѣмъ, онъ представлялъ его себѣ схваченнымъ и казненнымъ за отступничество... казненнымъ, на глазахъ его, на глазахъ отца... окровавленнаго, съ разбитымъ черепомъ!..

— Нѣтъ! Я горько ошибся,—сказалъ онъ вслухъ:—кровь ихъ языческая не сольется никогда съ нашею кровью!..

А въ то время, когда драма эта обуревала душу строгаго монаха-рыцаря, вокругъ него шумѣло цѣлое море голосовъ. Затаили пѣсни, ихъ подтягивали свои, за иностранными гостями. Гроссмейстеръ притворствовалъ, показывая видъ, что ничего не замѣчаетъ, а внутренне глубоко оскорблялся и страдалъ, видя скандалъ въ стѣнахъ, построенныхъ во имя святости и благочестія.

Въ одномъ концѣ раздавалось:

Какъ нашъ рыцарь молодой
Скинулъ плащъ,—шлемъ стальной
Снявъ, подъ стулъ его поставилъ,
Усь и волосы расправилъ,
У монашенки святой
Развалился на покой.

А въ другомъ, словно въ отвѣтъ, неслись такія слова:

Хорошо рыцарямъ
По окраинамъ жить,
Валоваться войною,
Да язычниковъ бить...

Ихъ не надо падать,
Ихъ рубить, сѣчь и бить!
Хорошо рыцарямъ
Риму, папѣ служить,
Но подальше отъ нихъ
Жить, рубиться и пить...
Жить, рубиться и пить,
Пѣсни пѣть, не тужить!..

Гроссмейстеръ косо взглянулъ на пѣвшихъ и закусилъ до крови свои тонкія губы.

А пѣсня дѣлала свое: ей вторили даже болѣе строгіе, и опять доносилось:

Ну-ка, братья, опять
Станемъ бой начинать,
А какъ бой начинать,
То не пѣсни слагать;
Не вино ендовой
На столы подавать...
Трубнымъ звукомъ будить.
Сонъ дремучихъ лѣсовъ,
Изъ берлогъ выгонять
На поляну Литву...
Чтобы дикую кровь
Ихъ по полю разлить,
Чтобы рѣки весной,
Половодьемъ своимъ,
Въ море смыли ее...

Лукаво улыбаясь, слушалъ эти полуварварскія пѣсни графъ Намюръ, привыкшій къ утонченной литературѣ провансальскихъ рыцарей и трубадуровъ.

Наконецъ, угощеніе кончилось. Рыцари, вслѣдъ за гроссмейстеромъ, тяжело поднялись съ насиженныхъ своихъ мѣстъ и разошлись по своимъ опочивальнямъ, кельямъ, а частью собрались въ гостинной залѣ.

Бернардъ сталъ у окна, глядя внимательно на дворикъ.

Вдругъ онъ встрепенулся и пошелъ быстро къ дверямъ: онъ увидѣлъ пахолка Томхена и другого съ нимъ, за которымъ посылалъ его.

Челядь уже собралась вниз и робко ждала его появленія, каждый трепеща за свою шкуру.

Бернардъ подошелъ къ этой толпѣ и сталъ допрашивать людей, одного за другимъ.

По общему голосу, оказалось, что Юрій ушелъ вмѣстѣ съ Рымосомъ и Швентасомъ; что онъ бросилъ здѣсь и одежду, и коня, и сбрую и бѣжалъ налегкѣ. Стража у воротъ ихъ не видѣла, — стало быть, ушли они изъ мѣстечка или съ фольварка.

Вслѣдствіе этихъ данныхъ, Томхенъ былъ посланъ верхомъ въ Пинау, достать языка.

Что до Банюты, то она тоже утѣкла безъ всякой лишней одежды, — взяла одинъ большой платокъ и ничего больше.

Наступавшая ночь помѣшала продолжать дальнѣйшія справки и поиски. Приходилось мириться съ доводомъ, что утро вечера мудренѣе, что и въ ту пору уже многими было засвидѣтельствовано. Утромъ узнали отъ ночного обходнаго сторожа, что онъ видѣлъ промелькнувшія мимо него четыре человѣческія тѣни.

Вмѣстѣ съ этимъ, явился рыбакъ съ жалобою, что лучшій челядь его украденъ, — угнали его неизвѣстные люди.

Братъ Бернардъ почелъ долгомъ, наконецъ, обо всемъ доложить Людеру. Тотъ холодно выслушалъ его горе, но сказалъ ему нѣсколько словъ въ утѣшеніе, ради простого приличія.

— Вотъ, видите, братъ мой, — сказалъ онъ въ заключеніе: — Это вамъ урокъ, чтобы, въ будущемъ, вы не допускали вмѣшательства въ нашу общину посторонняго, чужого элемента. Мы должны жить и дѣйствовать одною нѣмецкою душою... Вотъ, что съ ними нужно дѣлать, съ этими литвинами, — заключилъ Людерь, показавъ рукою на шею. И съ этими словами, онъ пошелъ въ свою каплицу, на вечернюю молитву.

VIII.

Дубы и липы, насчитывающіе столѣтія своего роста, обрамляли пространную зеленую долину. За ними густою пущею простирался лѣсъ. Словно подвергнутыя остракизму, выбѣжали изъ его темныхъ дебрей двѣ сосны и стали на стражѣ своего сирагосуществованія,

посреди долины. Уже солнце, высоко поднявшись, заливало долину своимъ золотомъ, но палящія лучи его не проникали въ прохладную сырью, полного тихаго торжества, глубь лѣсной пущи. О-бокъ съ этимъ лѣсомъ, въ неглубокой трещинѣ, желтѣющей мелкимъ пескомъ, подъ сѣнью высокаго и коренастаго дуба, этого царя лѣсовъ, звеня по камнямъ и шумя, бѣжалъ серебристый источникъ.

Кто разщепалъ этотъ вѣковой дубъ? Вѣтеръ-ли, гонимый ураганомъ, раздвоилъ его вѣтви, или молнія разгромила его на-двое, или вода осеннихъ дождей размыла его, капля за каплею,—кто знаетъ!? Надъ нимъ, какъ надъ старымъ человѣкомъ, останавливается наблюдатель съ вопросомъ и ждетъ, что скажетъ ему біографія старца. Но у дуба не было историка: соловьи, отпѣвши на его зеленыхъ вѣтвяхъ десять весенъ, умирали одинъ за другимъ; старый дикій боровъ, роясь подъ его корнями и пожирая желуди, живетъ уже въ десятомъ поколѣніи своихъ потомковъ и не передалъ имъ традицій старины; воронъ, что мрачно каркалъ на его вершинѣ, издохъ, наконецъ, прокаркавъ ровно сто лѣтъ... Все сгинуло, умерло, что жило, щебетало, роилось, жило и рылось въ вѣтвяхъ, въ нѣдрахъ коры и подъ корнями вѣчнаго дуба,—и нѣтъ у него историка!..

Онъ самъ, какъ египетская пирамида, какъ сфинксъ, стоитъ во всемъ своемъ неизмѣнномъ величіи и ждетъ, когда найдетъся ученый, и на его вѣтвяхъ, на его столѣтней корѣ прочтеть іероглифы таинственной природы.

А покамѣстъ никто не знаетъ, ни его лѣтъ, ни его роста, — онъ, въ глазахъ полудикихъ обитателей края, окруженъ священнымъ страхомъ и почтеніемъ къ нему.

Его вѣтви увѣшаны посильными дарами этихъ людей, полотнищами домашней ткани, яркими кусками сукна, ручниками, расшитыми во вкусъ терпѣливаго трудолюбія женщины. Изъ года въ годъ повторяются эти приношенія и многія изъ нихъ обветшали, висятъ въ лохмотьяхъ и грустно печальны, посреди свѣжей, юной зелени, посреди яркихъ, бѣлящихся новыхъ подарковъ богу-дереву.

У ручья-же, выдаваясь изъ земли, торчалъ старый пенъ, такой удивительной формы, что можно было подумать, что люди и

завѣри работали надъ нимъ, споря за художественный вкусъ и идею.

Голова сидѣла прямо на плечахъ, грудь выдавалась горбомъ, двѣ худыя руки, словно плети, висѣли по бокамъ,—вотъ изображеніе этого деревяннаго урода.

И, однако, уродъ этотъ былъ богъ, онъ говорилъ къ людямъ, и въ свое время его понимали. На лицѣ его умѣли читать выраженіе ненависти, гнѣва и угрозы; изъ рукъ его метались перуны; вся уродливая, тяжелая, безформенная фигура внушала благоговѣніе и трепетъ.

Солнечные лучи, согрѣвая его, будили въ немъ грозныя силы; тихіе зефиры убаюкивали его; блѣдный лунный свѣтъ, обливая его загадочныя черты, сообщалъ имъ выраженіе лукавства, насмѣшки, прони...

Старый дубъ этотъ былъ святынею, Перкуномъ,—деревянный болванъ былъ его олицетвореніемъ.

И ручей, обмывавшій корни дуба, былъ тоже святынею, и самый воздухъ, насыщенный благовоніями этого зеленого дыханія дуба, былъ животворящимъ, чѣмъ-то вродѣ духа святого.

Передъ дубомъ, шагахъ въ десяти, возвышался сложенный изъ бревенъ алтарь, родъ деревянной пирамиды, на которой появлялся, въ урочные дни, первосвященникъ, призывая людъ къ поклоненію.

Но и въ обыкновенные дни около дуба никогда не бывало безлюдно. Сюда стекались немощные, больные, калѣки, — одни почерпнуть новыя силы въ чистомъ источникѣ, другіе оставить на днѣ его болѣзни, третьи исцѣлиться, четвертые себя показать и людей посмотреть. Но попы не имѣли тамъ господствующей власти, вмѣсто ихъ козлиныхъ голосовъ и жирнаго баса, напоенныхъ годами сивушныхъ пріемовъ,—однѣ птицы отправляли богослуженіе своему великому Богу. Онѣ однѣ имѣли право голоса!..

Остальная толпа поклонниковъ молча, съ благоговѣніемъ, поднимала набожные взоры къ зеленой вершинѣ дуба, испивала святой воды, набирая ее горстями, мочила свои головы, за неимѣніемъ французской помады, и шла къ кострамъ, питать тѣла своею пищею, болѣе существенною.

А долина, на которой, словно на ярмаркѣ, располагались возы,

лошади, скотъ, цѣлые скарбы хозяйственные, — шумѣла шумомъ деревенской первобытной жизни, и еслибы Россіи удалось схватить этотъ шумъ, онъ написалъ-бы дивную оперу: „Старая Литва“, и тогда Литва сохранилась-бы для потомства, хотя-бы въ звукахъ однихъ!..

Но для внѣшняго ритуала были и на Старой Литвѣ свои жрецы. Они бродили подъ дубомъ, ѣли, пили, спали, берегли свою кормилицу-святыню, обманывали добрыхъ и глупыхъ людей и брали съ нихъ за эти уроки десятину всякаго добра.

Иными словами, человѣкъ отдавалъ десятую долю своего труда, т.-е. 36 дней въ году, жрецамъ за то, что они къ его собственнымъ снамъ прибавляли свой собственный бредъ.

Жрецы убивали животныхъ, кладя ихъ на жертвенникъ, а такъ какъ дубъ, даже съ старымъ дупломъ, не могъ ѣсть, то они сами пожирали освященные жареные туши, приписывая этотъ актъ изчезновенія животнаго чуду.

Прогуливаясь къ священному дубу, разъ въ годъ обязательно, они собирали свѣдѣнія, толки, слухи и несли ихъ къ вейдалоту, замѣняя такимъ образомъ, нашихъ жандармовъ.

Огромное значеніе имѣли священники въ глазахъ толпы; она слушала своихъ кунигасовъ (князей), которые держали въ рукахъ мечъ; но когда жрецъ производилъ мановеніе своимъ длиннымъ посохомъ, толпа мгновенно проникалась смиреніемъ и благоговѣніемъ... Легкомысленный человѣкъ, пожалуй, заключилъ-бы изъ этого, что народъ похожъ болѣе на скотину, которая идетъ охотно подъ палку... Но, я увѣряю читателя, что это ошибка, и люди всегда предпочитаютъ власть, которая наноситъ синяки и желваки, той, которая проливаетъ кровь ихъ.

Кромѣ всего сообщеннаго нами объ этомъ дубѣ и его особенностяхъ, слѣдуетъ добавить, что при немъ состоялъ постоянный духовный причтъ.

Это были вейдалоты и кревулы.

Вейдалоты были при дубѣ въ качествѣ приходскихъ священниковъ; кревулы составляли спеціальность, которая, въ наше время, растягивается отъ доктора медицины до знахаря, и отъ энциклопедиста ученаго до шарлатана. Представителемъ кревуловъ въ ту пору былъ старичокъ небольшого роста, съ отдутымъ животикомъ,

румяный и добродушный... Да и трудно было не быть ему добродушнымъ, когда онъ зналъ людей только вѣрующихъ, такъ-какъ они являлись къ нему за всевозможными совѣтами, и когда онъ имѣлъ дѣло только съ ихъ щедростью, такъ-какъ за каждое слово ему давались приношенія; около него, словно на набережной, принимающей грузъ съ пришедшаго парохода, громоздились кади съ медомъ, воскомъ, мѣшки съ мукою, крупю, сѣмянами, цѣлые вороха пеньки, свертки холста, суконъ, даже цѣлые шнуры изъ янтарныхъ и разноцвѣтныхъ бусъ.

Какъ жаль, что въ наше время нѣтъ болѣе въ мірѣ подобной специальности!

Разъ въ день, при восходѣ солнца, вейдалоты позволяли себѣ присоединить свои голоса къ птичьимъ хорамъ, и пѣли, но только разъ въ день...

Такъ шло религіозное поклоненіе литвинъ въ то еще время, когда крестоносцы не проникли въ эти мѣста, не снесли, нечестивые, священнаго дуба Ромовской долины.

Теперь поклоненіе шло втихомолку: долину окружали сторожа, священные предметы были запрятаны въ глубь подземелья, приношенія прятались еще далѣе, если не успѣвали ихъ вымѣнять на товары и болѣе покладистые, и болѣе отвѣчавшіе современнымъ потребностямъ и вкусу кривулы.

Весна. Солнце заходило. Косые лучи его скользили по зеленымъ сосновымъ верхушкамъ, залотя ихъ и румяня небо.

На Ромовской долинѣ было большое оживленіе: паломники, собираясь въ дорогу, послѣ дня поклоненія, отъѣзжали, скрипя несмазанными колесами; другіе располагались на ночлегъ; третьи сидѣли еще у догоравшихъ костровъ, ужиная, какъ вдругъ легкой шумъ донесся до нихъ изъ-за лѣса.

Это было сигналомъ.

Какъ испуганное стадо, бросились всѣ въ одно мѣсто, стали жаться другъ къ другу, чтобы легче было встрѣтить опасность.

Старшій священникъ, завидя всеобщее движеніе и испугъ, послалъ къ громадѣ молодого человѣка, спросить, что за причина этого.

Молодой человѣкъ этотъ назывался Мерунось.

Онъ явился къ толпѣ и такъ-какъ былъ повязанъ бѣлымъ

полотенцемъ, знакомъ его принадлежности къ причту Перкуна, то немедленно дано было ему въ толпѣ полное вниманіе.

Онъ увидѣлъ среди толпы трехъ людей и одну женщину, покрытую съ головы до ногъ бѣлымъ саваномъ. Ее вели, слабую, къ святой водѣ. Она не могла двигать ногами и сѣла на землю. Одинъ изъ толпы принесъ ей кувшинъ воды.

Изъ трехъ, слѣдовавшихъ за нею мужчинъ, одинъ, молодой, прекрасный, высокій и гордый, былъ подобенъ Марсу.

За нимъ шелъ низкій, широкоплечій, съ огромною головою и лицомъ, корявый, какъ дубъ, неся на плечахъ торбы, набитыя всякимъ добромъ.

Еще позади показался молодой хлопецъ, худой, измученнаго вида, невзрачный.

По виду и одеждѣ, ихъ можно было принять за странниковъ, пришедшихъ не изъ ближней земли. Лица были худы и загорѣлы, платье порвано, въ пятнахъ, со всѣми слѣдами дальняго и труднаго пути.

На землѣ, неподалеку, лежала дѣвушка. Она поднимала свои голубые глаза къ вершинамъ святого дуба, поднимала ихъ и смѣялась, и прекрасные бѣлые зубы ея спорили бѣлизною и блескомъ съ перламутромъ облака... Роскошные волосы ея были разсыпаны по ея плечамъ, и сами лучи солнца завидовали имъ, ихъ золоту.

Молодой человѣкъ, шедшій впереди, имѣлъ во всѣхъ движеніяхъ своихъ столько благородства и граціи, что трудно было повѣрить въ его родство съ окружающимъ народомъ.

Мы не будемъ томить читателя. Мы скажемъ, что группа эта были: Юрій Кунигасъ, Швентасъ, Рымось и Банюта. Какъ прошли они край, охраняемый нѣмцами, какъ очутились здѣсь среди этихъ дремучихъ лѣсовъ,—вотъ вопросы, которые имъ задавали, но отвѣты на которые были непонятны.

Кунигасъ вызвалъ и восторгъ, и недовѣріе. Какъ онъ величественъ, какъ хорошъ! Сколько природной силы, сколько власти и представительности въ немъ! Но откуда онъ взялся? Какъ не забылъ литовской рѣчи среди нѣмцевъ?! Все это были вопросы и вопросы.

Между тѣмъ, усталая Банюта легла на землю и закрыла глаза.

Кто-то изъ стариковъ выразилъ мнѣніе, отдать ее на приемотръ и ухотъ за нею дѣвушкамъ. Мнѣніе подхватили.

Кто-то отдѣлился изъ толпы и направился къ женщинамъ, сидѣвшимъ у огня. На его приглашеніе, двѣ немедленно встали и подошли къ Банютѣ. Банюта уже спала... Одна изъ женщинъ осталась при ней сидѣлкою. Она осторожно отвела съ ея лица покрывало и стала вглядываться въ него... Казалось, лицо это засыпало вѣчнымъ сномъ, непробуднымъ...

Тронули ее—не слышитъ; говорятъ къ ней—ни слова отвѣта, ни знака вниманія, жизни!

Одинъ горячечный румянецъ разливался по этому лицу, полуоткрытыя уста еле-еле дышали зноемъ томительнаго сна.

Съ величайшимъ вниманіемъ взяли спящую на руки двѣ женщины и понесли къ своему намету, къ огнямъ. Разъ только открыла глаза и улыбнулась ими, и радость, святая, тихая радость озарила ея лицо,—затѣмъ ее уложили на посланное ложе, и она уснула еще крѣче, еще жарче.

Рымосъ сѣлъ на траву, но скоро повалился и тоже заснулъ.

Швентасъ, напротивъ, выдержалъ путь легко; онъ оглядывался какъ бѣглый волкъ, вернувшійся съ привязи въ родную пущу, смѣялся, скалилъ свои зубы.

Кунигасъ тоже старался не поддаться усталости. Его поддерживала энергія совершеннаго дѣла, энергія радостной встрѣчи съ родиною.

Все, что окружало теперь его, было для него новинкою, чудною сказкою, когда-то слышанной имъ отъ старушки-бабушки, слышанной и забытой, и воскреснувшей вновь въ живыхъ образахъ, въ яркихъ краскахъ, въ чудныхъ созвучіяхъ...

Между тѣмъ, юный Меруносъ, узнавъ въ чемъ дѣло, отправился съ докладомъ къ священнику, по дорогѣ объясняя людямъ, въ чемъ дѣло.

Изъ устъ въ уста стала перебѣгать новость о бѣгствѣ изъ плѣна кунигасова сына и его земляковъ.

Тутъ-же пущено было въ ходъ сверхъестественное объясненіе этого бѣгства: одни говорили, что бѣглецы прошли сквозь стражу крестовиковъ подъ покрываломъ изъ сукна, висѣвшаго на священномъ дубѣ, ставши невидимками; другіе приписывали имъ

самими божественными свойствами... Никто не вѣрилъ лишь въ одно, въ возможность побѣга при наличныхъ человѣческихъ силахъ и средствахъ.

Швентасъ смѣялся.

— Чудо, чудо совершилось!.. Ну, а теперь, дайте, братцы, вздохнуть, потому— столько дней шли мы, что и счетъ потеряли!.. Мѣсяцъ однимъ рожкомъ глядѣлъ въ небѣ, когда мы бросили проклятый Мальбургъ, а теперь, глядитко, какъ его солнце развернуло!..

Сказавъ такъ, Швентасъ легъ рядомъ съ храпѣвшимъ Рымосомъ.

Юрій, пользуясь одиночествомъ, пошелъ-было къ дубу; но Швентасъ сейчасъ-же вскочилъ на ноги, говоря:

— О, Кунигасъ, вы тамъ съ ними не сговоритесь, — надо и мнѣ идти за вами.

Они пошли.

— Что за люди?—остановилъ ихъ строгимъ голосомъ жрецъ.

— Пришли изъ неволи, отъ крестовиковъ,—отвѣчалъ Швентасъ:— Знаете вы, кто это?—показалъ онъ на Юрія:—Это сынъ Реды изъ Пилленъ, еще ребенкомъ взятъ былъ въ неволю... и вотъ, не сдѣлался нѣмцемъ, кровь литовская потянула его сюда, къ своимъ!..

Жрецъ насупилъ свое высокое чело.

— Какъ, ребенкомъ къ нимъ попалъ!?. Къ чему намъ теперь онъ?..

— Пригожусь!—отвѣчалъ коротко и гордо поднимая голову самъ Юрій.

Жрецы переглянулись удивленно; покачали головами, по-никли ими...

А Швентасъ началъ молоть языкомъ безъ всякаго толку. Насказалъ онъ этимъ важнымъ мужамъ и о дорогѣ, и о Банютѣ, и о себѣ,—признался, какъ служилъ нѣмцамъ, шпионилъ, мстилъ, какъ раскаялся и отслужилъ отчизнѣ, возвративъ ей Кунигаса.

Жрецы, не зная, что дѣлать и боясь ошибки въ поступкѣ съ человѣкомъ такимъ важнымъ, какъ Юрій,—отправили его къ кревулѣ.

А Банюта спала да спала. По-временамъ, изъ ея груди вылетали вздохи, словно птички вырывались изъ клѣтки, улетаая въ

чистое небо... Да, это были вздохи старой неволи, тяжелый кошмаръ, сновидѣніе, воскресившее прошедшее во всемъ его ужасѣ...

Женщины, во все вѣка одинаково любопытныя, приходили взглянуть на спящую, осматривали ее. Только одна старая Яргола сидѣла, не хотѣла съ мѣста тронуться изъ чувства какого-то злого упорства.

— Что мнѣ въ ней?!—говорила она:— только сердце мнѣ раздеретъ!.. Было у меня дитя,—и нѣтъ его... Звѣрь лютый, нѣмецъ-ли взялъ его,—все равно; я его не увижу больше!.. Сгинула дѣвочка моя, какъ камень въ водѣ!

И не тронулась съ мѣста старая Яргола, только заплакала, подперла голову рукою и горько задумалась. Вспомнила она свою дѣвочку, свою златокудрую дѣвочку, которая такъ любила рядиться въ зеленые вѣнки. Думала о прошломъ старушка и что-то толкало ее къ спящей,—дай, молъ, посмотрию!..

— Нѣтъ, не пойду!—рѣшала она и снова погружалась въ думу и снова непонятная сила гнала ее съ мѣста. Вдругъ, до слуха ея стараго долетѣли вздохи, вздохи Банюты.

Огонь костра, погасшій-было, раздулъ вѣтерокъ, поднятый свѣжестью вечера. Яргола пошла къ спящей,—одолѣло любопытство упрямую гордость...

Подошла она, присѣла и стала смотрѣть...

Жадно смотрѣли ея старыя очи, уста открылись и показали беззубый ротъ... Смотрѣла она, а слезы такъ и текли, такъ и текли изъ ея глазъ и туманили взоръ ея.

Губы шептали, дрожа:

— Вотъ, вотъ, такая и моя-бы теперь была... рыбочка золотая, пухавочка! И уста были такія-же коралловые, и зубки такіе-же бѣлые... И чело такое-же бѣлоснѣжное... Дитя мое! Дитя мое!...

Спящая вздрогнула; спокойно, плавно подняла она вѣки, взглянула своими голубыми глазами на старую Ярголу и.. глубокое серьезное выраженіе ея лица, навѣянное тяжелымъ сномъ, вдругъ прояснилось... улыбка пробѣжала на ея устахъ,—она глядѣла все глубже, глубже, словно взглядомъ этимъ хотѣла проникнуть въ самое сердце старушки, поднять въ ней старую, неумирающую любовь...

Яргола тоже не могла отвести глазъ отъ дѣвушки, и вдругъ ей представилось, какъ видѣніе прошлаго, колечко, висящее на шнуркѣ, на шеѣ Банюты...

— Банюта!..—воскликнула Яргола и съ ея крикомъ, въ которомъ вылилось все наболѣвшее годами горя сердце, вся радость безумнаго воскресшаго упованія, — съ ея крикомъ слился крикъ самой Банюты, узнавшей свою мать.

Старая Яргола лежала безъ чувствъ около дочери...

Переполохъ сдѣлался невѣроятный. Женщины забѣгали, закружились, толпясь и крича визгливыми голосами: „Мать нашла свою дочь! Дочь пришла къ Ярголѣ!..“

Яргола пришла въ себя и, заливаясь радостными слезами, обнимала, цѣловала, миловала свою ненаглядную Банюточку.

— Голубушка ты моя, дѣточка моя!—приговаривала она.

А около дуба происходила иная сцена.

Кревуля не повѣрилъ показаніямъ ни Юрія, ни Швентаса. Это былъ Оома невѣрный. Ему былъ показанъ знакъ на шеѣ Кунигаса, онъ взглянулъ на него и всетаки, не увѣровавъ, трясъ головою.

Юрій казался ему ловкимъ нѣмецкимъ шпиономъ; Швентасъ — глушомъ, довѣрившимся плуту.

На вечернемъ нарядѣ стражи, онъ приказалъ всѣхъ прибывшихъ положить рядомъ подъ дубомъ, дать имъ ѣсть и строго караулить ихъ.

Юрій не умѣлъ много говорить и чувствовалъ себя не особенно весело. Швентасъ, напротивъ, былъ, какъ рыба въ водѣ, и это дивило Кунигаса, и онъ вѣрить не хотѣлъ самъ себѣ, своимъ новымъ впечатлѣніямъ, которыя такъ обманывали его давнія представленія о Литвѣ.

Какая-то душевная тревога овладѣла его душою.

Люди, которыхъ онъ видѣлъ теперь, казались ему дикими, они отталкивали его чувства.

Онъ готовъ уже былъ раскаяться, но удержался... и началъ молиться Богу, котораго научили его познать крестоносцы...

Спустилась ночь. Въ долинѣ огни стали гаснуть одинъ за

другимъ... Только на алтарѣ мигалъ блѣдный огонекъ, поддерживаемый тремя дѣвами въ бѣломъ одѣяніи, тремя литовскими весталками.

Изъ глубины лѣса доносились трели соловья.

Юрій началъ вѣдушиваться въ тихую молву лѣсной пущи, въ звонкія пѣсни соловья, и вотъ, мало-по-малу, сердце его открылось этимъ звукамъ, этому родному, милому, понятному говору, и онъ созналъ вдругъ, за что любилъ онъ Литву, что тянуло его къ ней съ такою неодолимою силою.

Видѣнія прошлаго навязчиво шли къ нему навстрѣчу. Вспомнился ему замокъ—мрачная темница, въ глубинѣ которой бродили монахи-рыцари, словно тѣни. Но были и тамъ свѣтлыя пятна на этомъ темномъ замогильномъ фонѣ: фигура Сильвестра, съ его ласковою улыбкою, надъ ложемъ страдающаго, какъ солнце, бросала лучи свѣта на пройденный путь.

А тутъ всѣ лица были хмурыя, недовѣрчивыя, грозящія.

И сонъ отлетѣлъ отъ него; онъ лежалъ съ тяжелою, какъ свинцомъ налитую, головою, съ трудомъ переводя дыханіе... На открытомъ воздухѣ, подъ сѣнью этого величественнаго дуба, ему было невыносимо душно...

Впереди ему предстояла еще встрѣча съ матерью. А что, если и она отвѣтитъ ему такимъ-же недовѣріемъ и обдастъ его горячую душу такимъ-же холодомъ?!!

Онъ обернулся, осмотрѣлся... Швентасъ спалъ богатырскимъ сномъ въ ногахъ у него. Рымосъ лежалъ, какъ мертвый, даже и дыханія его не было слышно.

Юрій привсталъ... недалекъ, увидѣлъ онъ, ходилъ стражъ. Нѣсколько далѣе, въ заревѣ священнаго очага, рисовался дубъ, обвѣшенный жертвенными лоскутьями. Фигуры священныхъ дѣвъ двигались, какъ призранныя... Одна за другою, онѣ вытягивали надъ огнемъ худыя руки, сыпали въ него что-то, огонь векидывался языками, сыпалъ искры и снова горѣлъ ровнымъ, нѣсколько большимъ пламенемъ.

Тревога въ душѣ Юрія росла и росла.

Ему стало душно... Первая, блѣдная заря майскаго утра блеснула на небѣ... Онъ всталъ и пошелъ.

Стражъ взглянулъ на него и ничего не сказалъ, — онъ не могъ

выйти изъ круга, охваченнаго его дозоромъ, незамѣтнымъ. Онъ сталъ кружиться на одномъ мѣстѣ, ходя взадъ и впередъ. Надоѣло ему это занятіе,—потянуло его къ мѣсту, гдѣ возвышался алтарь, гдѣ торчалъ деревянный Перкунъ.

Свѣтъ утра падалъ на болвана; сгнившія части его свѣтили фосфорически. Кунигасъ взглянулъ на него и не могъ оторвать взора. Болванъ смотрѣлъ на него, какъ живой, и всѣ хищныя, злыя чувства, казалось, обрѣтали выраженіе на его деревянномъ лицѣ.

Изображенія Страдальца Христа, вспомнилъ онъ, трогали его сердце, все существо его выраженіемъ милосердія, любви, кротости,—они говорили отъ сердца къ сердцу.

Этотъ болванъ-богъ, торчавшій изъ-подъ земли, былъ богъ уничтоженія, зла,—богъ огня и стрѣлъ небесныхъ...

Кунигасъ остановился передъ нимъ, какъ вкопанный, и смотрѣлъ на его лицо, измѣнявшееся подъ вліяніемъ блуждающаго на немъ свѣта священнаго очага.

Къ нему подошелъ одинъ изъ жрецовъ, вейдалотовъ,—человѣкъ еще совсѣмъ молодой, нѣкто Конисъ. Это былъ отпрыскъ высокаго рода, посвященный алтарю. Въ глазахъ его, живыхъ, смѣлыхъ и горѣвшихъ огнемъ фанатизма, блистала умъ. Онъ уже слышалъ все, что говорили о Кунигасѣ, и теперь хотѣлъ лично услышать его исторію.

— Вы жили долго среди нѣмцевъ и узнали ихъ вѣру,—сказалъ онъ мягко:—могли хорошо узнать и самихъ ихъ... Скажите же, неужели они, въ самомъ дѣлѣ, сильнѣе насъ, или только берутъ нахальствомъ?

— Безъ сомнѣнія, что они сильны своимъ оружіемъ, желѣзомъ, строемъ, порядкомъ, богатствомъ, а главное—ихъ строгою дисциплиною, т.-е. тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ни женъ, ни дѣтей, ни родства. Они—жрецы своего Бога, но жрецы, вооруженные мечами и копьями и служащіе ему оружіемъ и огнемъ,

— Что-же это за Богъ ихъ? Силенъ онъ? —спросилъ, сдвигнувъ брови, Конисъ.

Юрій призадумался и опустилъ взоры.

— Я, право, не слишкомъ много знаю о немъ,—отвѣчалъ онъ:—

Это дѣло поповъ; но видно силенъ ихъ Богъ, если его силою они поль-свѣта завоевали...

— Что-же, онъ грозенъ, мечеть перуны?—спросилъ жрецъ.

— О нѣтъ, онъ полонъ милосердія и всепрощенія, это—Богъ несчастныхъ и нищихъ.

— Кому-же они прощали когда!?—воскликнулъ Конисъ!—Нѣтъ тутъ что-то неясно!.. У насъ,—продолжалъ онъ:—нѣтъ ни милосердія, ни прощенія. Нашъ богъ (онъ показалъ на Перкуна) — мститель; онъ приказываетъ убивать, онъ—сила! Ту землю, надъ которою онъ владычествуетъ, мы должны оборонять до послѣдней капли крови. Мы живемъ здѣсь тысячи лѣтъ; гробы отцовъ нашихъ, дѣдовъ, прапрадѣдовъ лежатъ здѣсь... Кто имѣетъ право изгонять насъ изъ нашего гнѣзда?!.. Смерть врагамъ нашимъ.

Послѣднія слова Конисъ произнесъ въ какомъ-то лихорадочномъ трепетѣ.

Кунигасъ слушалъ его молча.

— Послушай,—обратился къ нему Конисъ, нѣсколько остывъ:—скажи мнѣ, кто научилъ ихъ ковать желѣзо и дѣлать всѣ эти ихъ варварскія штуки? Откуда ихъ богатства?

— Я видѣлъ, что они дѣйствительно сильны и богаты, но какъ дошли до этого — я не знаю. Кажется, сила ихъ въ томъ, что у нихъ всѣ народы одному Богу поклоняются...

— Такъ, такъ, — подхватилъ Конисъ: — и мы когда-то были сильны, когда были цѣлымъ народомъ на весь край, а съ тѣхъ поръ, какъ размножились кревули да кунигасы и земля подѣлилась наша, и сила пропала!.. Но нынѣшній нашъ Кунигасъ Гедиминъ опять приберетъ всю землю къ своимъ рукамъ... Толкуютъ про него, — продолжалъ словоохотливый Конисъ: — что онъ изъ страха передъ нѣмецкимъ Бегомъ, хочетъ подчиниться тамошнему высшему жрецу, что дочь отдалъ польскому королю... Да вздоръ! Онъ не измѣнитъ своимъ литовскимъ богамъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ—хитрая лисица, хочетъ выгадать время, и тогда...

Кунигасъ слушалъ, ничего не понимая, а Конисъ все больше разгорячался.

— Правда, что та чужая вѣра подвигается къ намъ со всѣхъ сторонъ, изъ Руси, отъ кривичей... Строятъ они у насъ по

лѣсамъ домики для своихъ боговъ, да не слишкомъ смѣло... Тутъ имъ, въ случаѣ чего, капутъ сейчасъ!..

Немного помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Говорятъ, вы сынъ Реды... Идите себѣ къ ней, на границу, въ Пиллены, обороняйте ихъ, — да смотрите, не сдавайте нѣмцамъ!.. На вашемъ мѣстѣ, я бы довѣрилъ другимъ оборону; вы должны намъ оказать большую помощь: скажите только, какъ дѣлается ихъ порохъ и какъ употреблять его?..

Но въ эту минуту востокъ озарился румянцемъ восходящаго солнца, и пѣлый хоръ вейдалотовъ, буртыниковъ, вуршайтовъ и весталокъ выстроился близъ алтаря.

Огонь былъ поддержанъ, и вдругъ... тихіе, торжественные голоса затянули гимнъ солнцу.

Въ первый разъ, послѣ костельнаго пѣнія, услышалъ Юрій пѣнье язычниковъ.

Оно было тихое, торжественное, полуголосовое пѣніе, словно хоръ не смѣлъ будить лѣса.

Въ груди Кунигаса что-то екнуло и отозвалось на это пѣніе. Это не было пѣснью человѣка, которая пѣлась тамъ, у нѣмцевъ; это была пѣсня, въ которую весь народъ разомъ вдохнулъ свою душу и несъ ее навстрѣчу солнцу, своему богу.

А солнце плавно и величаво всходило, и священный дубъ заливался его золотымъ свѣтомъ.

IX.

Еще утренній гимнъ разносился въ воздухѣ, а уже громада любопытнаго люда жалась къ тому мѣсту, гдѣ была Банюта со своею матерью.

Въ особенности матерей интересовало это чудо—возвращеніе дочери-красавицы изъ рукъ враговъ нетронутою, чистою. Уже слогалась легенда: Яргола уснула, думая о дочери, и великій Лейма-Папи, съ солнечнымъ лицомъ, нагнулся надъ ухомъ ея и шепнулъ ей: „Иди, Яргола, туда,—тамъ дитя твое, Банюта!“

И пошла мать, и нашла свое дитя.

Всю ночь она баюкала ее и пѣла надъ нею пѣсни, а теперь

спрятала и ни за что не хотѣла показать никому, боясь злого глаза.

Молодые дѣвушки, ея сверстницы, поспѣшили принести ей, кто рубашку, кто свитку, кто шейный платокъ, потому что старуха не могла ее видѣть, безъ сердечнаго трепета, оборванную, грязную.

Мать приняла подарки въ отверстіе намета, а сама мыла свое дитя и расчесывала ей волосы.

— Не бойся!—повторяла она, словно самой себѣ:—ужъ у меня тебя никто не отберетъ, мое дитятко!

Когда нарядъ дѣвушки былъ оконченъ, мать торжественно вывела ее изъ намета, навстрѣчу радостному хору привѣтствій.

Всѣ глаза устремились на нее, всѣ руки протянулись къ ней,—осязать чудо, обнять подругу, присланную самимъ небомъ.

А Банюта стояла среди нихъ, прекрасная, свѣтлая, радостная, улыбающаяся, какъ сама радость.

Золотая волна волосъ ея была охвачена зеленымъ дубовымъ вѣнкомъ.

Шея украшалась кораллами и янтаремъ.

Вейдалотки — эти дѣвственницы, посвященные явно Богу, а втайнѣ сытой похоти жрецовъ, ни одна не могла сравниться съ Банютою.

Что выкормило и воспитало ее такъ: нѣмецкій хлѣбъ или тоска по родинѣ? Кто знаетъ. Кто омылъ ее и сдѣлалъ такую бѣлоу? Горячія слезы старушки-матери, вѣрно. Какъ цвѣтокъ, расцвѣла она подъ Божьимъ благословеніемъ.

Всѣ подошли къ ней, всѣ подивились ей: жрецы, молодые и старые, и самъ, наконецъ, хромоу кревуля.

Конись, подойдя къ нему, что-то шепнулъ ему.

А въ это время, дѣвы взяли Банюту къ источнику, освящали ее, кропя водою изъ него; осыпая зерномъ, водили вокругъ алтаря.

Банюта была упоена, превыше всѣхъ вождѣленій земныхъ. Яргола нетерпѣливо ждала, чтобы подойти къ дочери.

— Я къ дочери, къ Банюточкѣ,—кричала она, прорываясь сквозь толпу къ святому мѣсту.

— Идите напередъ къ кревулѣ,—подсказалъ ей Конись, указывая на хромого жреца.

Она подошла къ кревулѣ. Онъ стоялъ, опираясь на палку.

— Ну, старушка, — сказалъ онъ: — дочь твою Богъ сюда къ ручью привелъ, — она наша теперь.

— Какая-же она ваша, она мнѣ дочь, — протестовала Яргола.

— Нѣтъ, — возразилъ лукавый жрецъ: — еслибы Богъ тебѣ ее отдать хотѣлъ, онъ-бы привелъ ее прямо въ твой наметъ, а онъ привелъ ее къ ручью своему.

Старушка едва не упала отъ горя. Завидя ее, Банюта протянула къ ней руки, умоляя взять ее.

Кревула, уставъ стоять на хромыхъ ногахъ, сѣлъ, оглядѣлся, взялъ жбанъ съ медомъ, потянулъ изъ него, смачно крикнулъ и обратился къ матери.

— Плачешь! — сказалъ онъ съ презрѣніемъ: — благодарить бы должна, а не плакать! Худо что-ли ей здѣсь будетъ, около священнаго огня? Въ новыхъ сорочкахъ, въ вѣнкахъ будетъ она ходить. А какой-же ты готовишь ей путь?! Мужа, слезы, трудъ и вѣчное горе! А тутъ — тишь, благодать, благоуханіе и достатокъ! Будетъ она здѣсь жить, какъ птица Божья, распѣвая...

Заслыша такое успокоеніе, мать пришла въ отчаяніе, а Банюта поблѣднѣла, какъ смерть, и дрожала, какъ листъ. Слезы повисли у нея на рѣсницахъ...

А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой группы стоялъ Юрій. Онъ все видѣлъ. Гнѣвъ загорѣлся въ немъ. Онъ подошелъ и сказалъ:

— Отецъ мой, то, что вы рѣшили, того не будетъ!

Кревула грозно окинулъ его взглядомъ.

— Того не будетъ! — повторилъ Юрій: — я самъ вывелъ Банюту изъ неволи, почти на рукахъ своихъ принесъ ее сюда. Она моя. Мы обмѣнялись словомъ — быть мужемъ и женою. Я не уступлю ее вамъ!

Кревула поднялъ посохъ.

— Молчать, нѣмецкій оборотень! — крикнулъ онъ: — я не знаю о вашемъ вѣнчаньи, и она принадлежитъ богу... Взять ее! — крикнулъ онъ.

Одни изъ причта кинулись на Кунигаса и схватили его за руки, другіе на дѣвушку и понесли ее. Приходилось уступать силѣ. Банюта глядѣла на Юрія, ободряя его взглядами; онъ напрасно вырывался...

Въ эту минуту выступилъ Конисъ.

— Никогда еще богъ не объявлялъ яснѣ своей воли: онъ привелъ ее прямо къ ручью. Она должна остаться слугою его.

— Я ее узнала, я!—кричала несчастная мать.

А вейдалотки несли свою новую сестру и запирали уже ее въ свою избу... Оттуда донесся только слабый крикъ ея...

Кревуля взялъ жбанъ и отпилъ изъ него добрую половину.

Конисъ осмотрѣлся, потомъ подошелъ къ Кунигасу, котораго придерживали при острогѣ, устроенномъ за ручьемъ, и сказалъ ему:

— Послушайте, не сопротивляйтесь волѣ боговъ! Плохо-бы вышло, еслибы поступили иначе... Дѣвокъ сколько угодно у насъ а кто хоть дотронется до вейдалотки, то, будь онъ хотя и Кунигасъ, ему не сдобровать...

— Но она не вейдалотка и не будетъ ею,—возразилъ Юрій:—Я повѣнчался съ нею въ лѣсу, при свидѣтеляхъ... Я поцѣловался съ нею,—этого довольно!

— Нѣтъ, нѣтъ, бросьте это дѣло!—отвѣчалъ Конисъ.

И они смѣряли другъ друга враждебнымъ взглядомъ.

Между тѣмъ, бѣдная Яргола ревмя-ревѣла.

— Что ты плачешь!—уговаривала ее старая Марга:—ты вѣдь должна-бы радоваться, что твою дочь взяли къ огню боговъ: и тебѣ теперь будетъ честь и доходецъ!.. А ты еще плачешь, глупая.

Кунигасъ дрожалъ отъ негодованія и сознанія своего безсилія. Но, подумавъ немного и вспомнивъ старые уроки, онъ притаился, принялъ, насколько можно, веселый видъ и спросилъ себѣ ѣсть.

Этотъ маневръ обманулъ Кониса. Онъ подошелъ къ Кунигасу.

— Ну, вотъ, такъ-то лучше будетъ,—сказалъ онъ:—Не знаю я, какъ тамъ, у нѣмцевъ, а у насъ, что кревуля рѣшить, то и свято. Его воля—воля боговъ!

Кунигасъ ничего не отвѣчалъ на этотъ разъ. Ему подали ѣсть, онъ принялся съ притворнымъ аппетитомъ.

— Богъ всему причина!—поучительно подсказалъ ему Конисъ:—онъ-же и конецъ всему полагаетъ.

Кунигасъ съѣлъ, не безъ омерзѣнія, произведенія литовской полудикой кухни и сталъ размышлять, какъ-бы скорѣе увидѣться съ Швентасомъ.

Швентасъ, въ это время, ходилъ отъ группы къ группѣ и рассказывалъ о похищеніяхъ четырехъ бѣглецовъ.

Кунигасъ нашелъ его, отвелъ въ сторону и сказалъ ему:

— Знаешь-ли ты, что сталося съ бѣдною Банютою?

Швентасъ закивалъ своею головою.

— Какъ не знать,—сказалъ онъ:—все знаю: ее взяли къ богамъ... Что-же, дѣло хорошее! Что вамъ въ ней, много ихъ найдется! Оставьте ее у нихъ,—съ ними не драться намъ!

— Ладно, ладно,—нетерпѣливо прервалъ его Юрій:—я вижу, что меня здѣсь знать не хотятъ... Пойди къ моей матери, въ Пиллены, скажи тамъ, что я явился сюда и прошу людей проводить меня къ ней.

Швентасъ почесалъ въ головѣ.

— Хотите, чтобы я пошелъ?

— Ну, да, хочу,—отвѣчалъ рѣзко Кунигасъ.

— Ладно,—сказалъ онъ, отступилъ два шага, еще почесалъ въ затылкѣ и пошелъ, ковыляя, къ обозу.

А Кунигасъ все ходилъ кругомъ да около, все искалъ Банюты, не найдется-ли гдѣ. Нѣтъ, сгинула дѣвушка, да и все тутъ.

Страшныя страданія переживалъ Юрій. Обманулся онъ въ своихъ стремленіяхъ къ родинѣ. Ничѣмъ хорошимъ она его не встрѣтила: ни ласки, ни довѣрія нѣтъ ни отъ кого ему здѣсь! Ходилъ онъ по лѣсу, по полямъ, мыкался, какъ Каинъ, садясь и опять поднимаясь, и не находилъ себѣ утѣхи ни въ думахъ, ни въ людяхъ.

Въ замкѣ жизнь теперь являлась его воображенію привлекательною: пища тамъ была прекрасная, обычаи рыцарскіе исполнены благородства и приличія, а здѣсь?.. Люди дикіе, едва покрытые звѣриными шкурами! Ъда такая, что носъ воротило отъ нея, и внутренность мутилась...

„Но, — утѣшался онъ: — можетъ быть, при дворѣ Гедиминоваго.

День-за-день, прошла недѣля, а ни Швентаса, ни людей отъ Реды, не было.

„Можетъ быть, онъ не дошелъ; можетъ быть, съѣли его звѣри, утонулъ въ рѣкѣ, умеръ, наконецъ, въ дорогѣ отъ усталости и голоду“,—думалъ про себя Юрій, и расположеніе духа его не выигрывало отъ того.

На восьмой день слышались рога, шумъ коней конскихъ

раздался по лѣсу. Кунига съскочилъ на ноги, сердце его билось, какъ птица, готовая вырваться...

На малыхъ, крѣпкихъ, ядреныхъ коняхъ выѣхали изъ лѣсу люди, вооруженные копьями и мечами, съ желѣзными шишаками на головахъ.

Впереди всѣхъ сидѣлъ воевода, видимо старшій предводитель.

Въ хвостѣ Кунига увидѣлъ какую-то неловкую фигуру, словно мѣшокъ качавшуюся на плохонькомъ конькѣ. Ему показалось, что фигура эта была Швентасъ. Нѣтъ сомнѣнiя, это люди, прѣхавшіе за нимъ отъ матери,—слава Богу!

Предводитель выѣхалъ на поляну, зорко оглядѣлся, слѣзъ съ коня и отдалъ поводъ оруженосцу.

Онъ подозвалъ къ себѣ Швентаса, о чемъ-то спросилъ его, взглянулъ въ сторону Юрія и направился тихимъ шагомъ къ нему.

Юрій внимательно глядѣлъ на подходившаго. Это былъ суровый, гордый, хмурый и глубоко печальный обликъ, не то женщины, не то мужчины.

Поступь чисто военная, высокій ростъ, выраженiе лица строгое, почти грозное, все это были чертами мужа, привыкшаго стоять во главѣ совѣта и боя.

А отсутствiе бороды и, главное, неровное колебанiе высокой груди, прерывистыя движенiя, замедляемый съ приближенiемъ къ Кунигасу шагъ,—заставляло думать, что предводитель этотъ, опоясанный мечемъ, никто иной, какъ Реда, мать Юрія.

Да, это была она!

Подойдя ближе къ сыну, она вдругъ, пораженная сходствомъ его съ покойнымъ ея мужемъ, бросилась къ нему и обняла его со словами:

— Маргеръ! Сынъ мой!..

Вся долина зашевелилась и двинулась къ этой великой сценѣ встрѣчи матери съ пропадавшимъ въ теченiи двадцати лѣтъ сыномъ.

А она, вдругъ, торопливо отклонивъ голову сына, отвернула воротъ его сорочки и, увидѣвъ родимое пятно на его шеѣ, снова привлекла его къ своей широкой груди...

Долго, долго еще послѣ она разглядывала свое дитя, огорчен-

ная его нѣмецкимъ произношеніемъ, его не-литовскими движеніями, приемами.

Редѣ была уважаема здѣсь, какъ и въ цѣлой Литвѣ, и, не взирая на то, что она отказывалась подчиниться власти Гедимина, ее не переставали почитать, какъ единственнаго человѣка, умѣвшаго отстоять границу отъ нѣмецкаго натиска.

Пиллены были произведеніемъ ея зодчества. Она стояла на границѣ, какъ передовой опорный пунктъ, и за это вся Литва со знавала себя ей обязанною.

Такъ-что ея появленіе здѣсь, у священнаго дуба, подняло на ноги и вейдалотокъ, и вейдалотовъ, и хромого кривулю.

Всѣ шли ей навстрѣчу съ благословеніемъ.

А она, уважая обычай, немедленно двинулась къ священному огню, и по праву, даруванному однимъ владѣтельнымъ лицомъ, поднявшись на алтарь, стала сыпать на огонь смолку, а вмѣстѣ съ нею и серебряныя монеты.

Реду привѣтствовали всѣмъ причтомъ, когда она сошла съ алтаря.

А она, уже зная изъ разсказовъ Швентаса о Банютѣ, стала искать ее вокругъ себя внимательнымъ окомъ.

Но Банюты не было.

Хотя Швентасъ, упоенный геройскимъ поведеніемъ Банюты въ пути, во время бѣгства, расхвалилъ ее Редѣ, признавъ, по своему мнѣнію, ее достойною быть женою Юрія, но Редѣ не раздѣляла этого взгляда.

Въ ея глазахъ, бѣдная невѣдомая дѣвушка, притомъ воспитанная у нѣмцевъ, въ какомъ-то кнейцѣ,—никакъ не отвѣчала роли ея невѣстки.

Привязанность своего Маргера къ ней она приняла за обыкновенное весеннее пробужденіе крови. А она не была расположена снисходить къ такой слабости.

Обойдя трижды алтарь и поклонившись кривулѣ, Редѣ направилась къ своему шатру, который люди ея уже раскинули посреди поля, подъ сосною.

Она все, время отъ времени, приглядывалась къ сыну своему и все болѣе замѣчала въ немъ чужеземнаго.

Она начала съ нимъ разговоръ. Воспользовавшись этимъ,

Маргеръ (мы такъ будемъ теперь называть его) сталъ говорить о Банютѣ, выхваляя ея качества.

Его разсказъ, веденный къ тому-же еще на языкѣ, которымъ онъ едва-едва владѣлъ, подѣйствовалъ непріятно на мать. Она нетерпѣливо прерывала его, подсказывая ему слова...

Радость открытія сына была отравлена въ ней горечью.

— Я очень довольна, сказала она, наконецъ:—что ее взяли въ вейдалотки. Онѣмеченная дѣвка не жена тебѣ... Радуйся, радуйся, что ее взяли,—она не могла быть твоею женою, и я знать ее не хочу.

Желая, затѣмъ, прекратить всякій разговоръ на эту тему, Реда начала горячо посвящать юношу въ свою политику.

— Не о свадьбѣ надо думать тебѣ теперь!—воскликнула она:—не о забавахъ и удовольствіи. Скоро биться начнемъ мы съ нѣмцами! Мы въ Пилленахъ не такъ живемъ, какъ вы тамъ, въ замкѣ вашемъ,—мы сторожимъ враговъ день и ночь, мы не раздѣваемся по дѣлымъ недѣлямъ! Крестовики только зубы и точатъ, что на насъ. Я—старая женщина, мнѣ пора на печь, а ты... ты долженъ принять бразды своего отца. Нѣтъ, Маргеръ, не о женитьбѣ думать теперь? Ты жилъ съ нѣмцами, ты знаешь всѣ ихъ штуки,—научи насъ бороться съ ними такими-же приемами!..

Маргеръ сидѣлъ, глубоко задумавшись.

Такъ прошелъ вечеръ. Реда говорила сама, не давая сыну разинуть рта, такъ терзала ее его выговоръ.

На ночь ей былъ постлана постель изъ свѣжихъ дубовыхъ листьевъ. Она легла и скоро заснула.

А юноша,—онъ не могъ спать. Всѣ чувства его волновались и гнали его вонъ изъ шатра. Онъ вышелъ.

Непонятная сила толкала его къ острогу, за частоколомъ котораго, онъ зналъ, сидитъ его бѣдная Банюта.

Онъ подошелъ тихо, невидимкою, не возбуждивъ подозрѣнія сторожей.

Вдругъ позади него послышался шелестъ. Онъ оглянулся, рѣшившись на мѣстѣ положить врага... Но это былъ другъ его Рымосъ, который, видя его, пошелъ, на всякій случай, помочь ему. Онъ поставилъ Рымоса къ забору, всталъ на его плечи и перегнулся за частоколь. Тамъ, на травѣ и листьяхъ, лежали и сидѣли

божьи дѣвы. Однѣ спали, другія, въ ожиданіи очереди идти на смѣну къ огню, болтали.

Банюта не спала; она грустно сидѣла въ сторонкѣ, положила голову на руку.

Въ эту минуту, тѣ, что сидѣли, встали и, отворивъ ворота, вышли. Остальные спали. Маргеръ, воспользовавшись счастливою минутою, шепотомъ проговорилъ:

— Банюта!

Она вскинула голову и, увидѣвъ своего нареченнаго, протянула ему руки. Онъ уже готовъ былъ схватить ее, чтобы привлечь къ себѣ, но, въ эту минуту, смѣненныя весталки вошли и онъ успѣлъ только проговорить:

— Банюта моя? Помни, что ты будешь свободна!..

Улыбка, горькая и радостная въ одно время, пробѣжала по губамъ Банюты. Она стояла, словно ловя милыя черты исчезнутаго призрака.

— Чего не спишь, коза эдакая!—обратилась къ ней старая дѣва, только-что вошедшая:—Маршъ на сѣно и спать! Чего шнырешь? Надѣнешся къ любовнику выскочить, небойсь!

И старая дѣва захохотала, разваливаясь на сѣнѣ.

— Ты, дѣвка, теперь невѣста Перкуна! Человѣкъ пальцемъ до тебя дотронуться не смѣетъ!.. Богъ-то, небойсь, почище будетъ!.. Спи, спи, не думай!

Банюта легла, а мысль избавиться отъ этой немилой жизни грызла ее до утра.

Х.

Въ гранитной палатѣ Мальбургскаго замка, въ сумеркахъ, собирались старшіе рыцари братства.

На лицахъ ихъ можно было прочесть, что дѣло, для котораго собрались они, было не шуточное.

Прибывшіе гости изъ Англіи и Франціи сидѣли на скамьяхъ вокругъ стѣнъ и больше прислушивались, чѣмъ участвовали въ совѣщаніи.

Гроссмейстеръ стоялъ, внимая словамъ старшинъ, ихъ голо-

самъ, чутко склоняя ухо то въ ту, то въ другую сторону. Но заправилою дѣла, на этотъ разъ, былъ не онъ; предводительствоваль собраніемъ маршалъ, настоящій полководецъ, въ дни войны, крестоваго братства.

— Война, которую мы здѣсь ведемъ,—началь онъ, обращаясь къ графу Нампору:—совѣмъ не похожа на ту, которая знакома вамъ въ дѣлахъ съ сарапинами и другими западными и южными врагами христіанства. Не знаю даже, правильно-ли назвать ее войною. Литва не можетъ воевать съ нами одинъ на одинъ; она бѣжить отъ насъ въ лѣса и болота. Одно средство у насъ—свалиться на нихъ, какъ снѣгъ на голову, убивать, жечь, гнать, истреблять, раньше, чѣмъ они успѣютъ опомниться и собраться съ силами. И вотъ, когда, обремененные добычею, мы возвращаемся домой, тогда - то и нужно, обыкновенно, поджидать настоящаго съ ними дѣла, — они устраиваютъ намъ засады. Съ малыми силами они — ничто; мы ихъ давимъ, какъ клоповъ; но за то, когда они соберутся цѣлымъ народомъ, они страшны, какъ всякій народъ!

— Иногда и они нападаютъ на насъ первыми, — вставилъ свое слово старый Зигфридъ: — и тогда не легко съ ними справиться.

— И, стало быть, вся сила въ томъ, чтобы явиться къ нимъ неожиданными гостями,—продолжалъ маршалъ.

— Охота, — съ нѣкоторою насмѣшкою въ голосѣ, замѣтилъ Бранденбургъ.

— Но!—возвысилъ свой голосъ маршалъ:—предстоящее намъ дѣло не похоже на то, что я вамъ говорилъ сейчасъ! Намъ предстоитъ сломить твердыню, оплотъ всей передовой силы народа, его крѣпость... Иначе, дальше идти нельзя: за нами осталась-бы, въ тылу, самая лучшая, воинственная передовая народная сила, сторожащая Пиллены.

— До сихъ поръ нельзя было и думать ихъ взять,—возразилъ одинъ изъ комтуровъ:—рѣка съ трехъ сторонъ, приступить не отъ куда.

— Вотъ, именно, противъ этого-то у насъ теперь и есть средство,—отвѣчалъ, улыбаясь, маршалъ: — мы приказали построить

громадный плотъ; съ этого-то плота, какъ съ твердой земли, мы и поведемъ штурмъ, спустившись подъ самыя стѣны крѣпости.

— Дай Боже!—со вздохомъ отвѣчалъ гроссмейстеръ:—Пиллены загородили намъ путь въ Литву... Дай Боже!

— Да, — отозвался въ свою очередь Зигфридъ; — это гнѣздо вотъ гдѣ у насъ!—онъ показаль на шею:— А тутъ еще, — обратился онъ къ Бернарду: — твой питомецъ, пожалуй, забрался теперь туда... Что ты на это скажешь?

— Не думаю,—отвѣчалъ Бернардъ: — Вѣриѣ допустить, что они всѣ съ голоду перемерли, или были разорваны дикими звѣрями.

— Да, но у него былъ ловкій проводникъ, — замѣтилъ Зигфридъ.

— Швентасъ?!.. Скотина и ничего больше! — воскликнулъ старикъ.

— Онъ, пожалуй, — вашъ-то питомецъ, — еще пристанетъ къ нимъ противъ насъ?—высказаль кто-то.

— Ахъ, что вы говорите!—нетерпѣливо возразилъ Бернардъ:—Дитя было воспитано въ христіанствѣ и не отступится отъ него никогда! Это былъ у насъ самый примѣрный христіанинъ и католикъ,—прибавилъ онъ.

— Ну,—ѣдко засмѣялся Зигфридъ:—пора-бы уже вамъ, братъ мой Бернардъ, перестать вѣрить въ христіанство этихъ дикарей!. Бить ихъ и топтать, какъ клоповъ, — вотъ одно средство съ ними!

— Если онъ доберется къ своей матери — плохо намъ придется, — замѣтилъ въ-полголоса маршалъ: — Онъ насъ знаетъ и этимъ принесетъ дѣлу обороны ихъ огромную услугу.

— А я думаю, напротивъ, что, зная насъ и нашу силу, онъ отобѣетъ у нихъ охоту бороться,—упорствовалъ Бернардъ.

— Что тутъ толковать! — возразилъ комтуръ: — Обороняться они всегда хорошо оборонялись, и намъ, во всякомъ случаѣ, придется повозиться съ ними!

Разговоръ на минуту смолкъ и потомъ разбился на отдѣльные кружки.

Гроссмейстеръ справился о работѣ плота и получилъ отвѣтъ, что плотъ почти уже готовъ; остается залить пазы смолою и уложить въ него жизненные припасы.

Онъ выразилъ мнѣніе, что это судно поразить Литву.

— Не думаю, — отвѣчалъ комтуръ: — у нихъ здѣсь столько шпионовъ, что уже, конечно, давнымъ-давно донесли имъ о немъ. Разговоръ опять смолкъ.

— Такъ или иначе, а Пиллены должны быть наши, — сказалъ маршалъ.

Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ, кто вслухъ, кто молча, и разговоръ совсѣмъ прерванъ былъ.

Въ эту минуту влетѣлъ въ залу Гансъ фонъ-Гехтенъ, задыхавшійся и не въ состояніи произнести ни слова. Онъ окинулъ удивленными глазами все общество и увидѣлъ себя вдругъ предметомъ всеобщаго вниманія. Гроссмейстеръ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что новаго привезли намъ?

Вмѣсто отвѣта, Гансъ замахалъ руками, восклицая отчаяннымъ голосомъ:

— Ахъ, Боже мой, что сдѣлалось!.. Что сдѣлалось!.. Плоть, къ которому меня поставили... Плоть, что стоилъ такихъ трудовъ...

— Что, что такое? — спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Его уже нѣтъ! — со стономъ произнесъ Гансъ фонъ-Гехтенъ: — Нѣтъ его больше!

Гроссмейстеръ выступилъ впередъ и, обратясь къ Гансу, сказалъ твердымъ голосомъ:

— Говорите толкомъ, что и какъ случилось?

Гансъ, отирая съ лица потъ, струившійся съ него крупными каплями, отвѣчалъ, собравшись съ духомъ...

Но мы избавимъ читателя отъ его не-литературнаго языка и скажемъ коротко, что случилось...

Плотъ, почти уже оконченный, былъ выведенъ на средину рѣки. Стража охраняла его на двухъ, трехъ лодкахъ. Однажды, ночью, именно въ послѣднюю ночь, послышался на рѣкѣ плескъ весель. Стража сдѣлала окликъ. Отвѣтъ былъ данъ по-нѣмецки. Вдругъ со всѣхъ сторонъ красное пламя охватило смолистый плотъ и жадно стало пожирать, съ трескомъ и свистомъ... Цѣлая флотилія челновъ бросилась и стала окружать стражу, которая, не помышляя уже о спасеніи плота, спасалась сама вплавь, кто какъ успѣлъ...

Разскащикъ заключилъ свое описаніе жалобными словами:

— Это, вѣрно, былъ тотъ самый Юрій, котораго воспиталъ на нашу гибель братъ Бернардъ!... Мы потомъ узнали его голосъ. Онъ командовалъ этими проклятыми дикарями!... Они, съ палками, съ ножами, бросились, по рѣкѣ, за нами въ погоню... И вотъ насъ осталось всего нѣсколько человѣкъ изъ всей бригады.

Всѣ смолкли. На лицахъ рыцарей выражались чувства горя, досады, стыда и злобы. Но Бернардъ... Бернардъ стоялъ, какъ вкопанный, — онъ опустилъ глаза въ землю и, какъ виноватый, ожидалъ суда Божьяго и человѣческаго.

А тутъ Гансъ началъ еще свои комментаріи.

— Никогда-бы этой подлой Литвѣ не пришло на мысль ничего подобнаго, если-бы не этотъ змѣенышъ!—воскликнулъ онъ.— Вскормили мы его на груди нашей!

Всѣ начали, мало по малу, толковать о случившемся, всякій по своему. Зала начала наполняться шумомъ голосовъ. Слышались угрозы и проклятія; одинъ гроссмейстеръ, сохраняя хладнокровіе, сказалъ:

— Ну, что-же! Что сдѣлалось, того не воротить! Жаль, очень жаль гибели такого долгаго труда, но надо дѣло поправить... Обойдемся и безъ плота, а времени терять нельзя! Нужно показать этимъ дикарямъ, что мы не пали духомъ, и ударить на Пиллены, какъ можно скорѣе... Сколько васъ погибло всего? — кончилъ онъ вопросомъ къ Гансу.

— Погибло рыцарей не много; все больше рабочихъ, — отвѣчалъ онъ успокоительно.

— Боже мой!—воскликнулъ нетерпѣливо Бранденбургъ: — неужели-же стоитъ такъ долго думать надъ ихъ Пилленами?... Что же они такое, какъ не куча дерева. Они сожгли наше судно, мы сожжемъ ихъ гнѣздо!..

— Такъ, такъ!—поддержалъ гроссмейстеръ:—нужно спѣшить, чтобы не дать имъ времени устроиться и собраться... И такъ, на завтрашній день начинать надо приготовленія и вести ихъ быстро!—заключилъ онъ.

Затѣмъ, рыцари поклонились гроссмейстеру и разошлись по своимъ апартаментамъ.

Гансъ фонъ-Гехтенъ тоже тронулся, чтобы идти за всѣми, но былъ остановленъ Бернардомъ.

Они, какъ братья одного ордена, были, конечно, знакомы; но, какъ люди совсѣмъ различныхъ темпераментовъ, были настолько же чужды другъ другу; одинъ жилъ въ области мысли и интригъ, другой—почти не слѣзаль съ коня.

Что-же между ними было общаго?—одна броня желѣзная, да внѣшній обѣтъ равенства...

Бернардъ попросилъ его въ сторону и сказалъ:

— Скажите на милость, вы убѣждены, что это былъ мой... мой... воспитанникъ?

Гансъ грубо отвѣчалъ:

— Убѣжденъ!.. Не убѣжденъ, а знаю, потому-что видѣлъ этого пащенка, слышалъ его голосъ!.. Да и не я одинъ: всѣ наши видѣли его, какъ онъ, первый, бросился на плоть съ огнемъ въ рукахъ...

— Какъ онъ могъ пройти въ Пиллены?!—дивился Бернардъ, заламывая себѣ руки:—Не понимаю и не пойму никогда!

— Какъ пройти?.. Провелъ его другой вашъ слуга — Швентасъ! Тотъ научился хорошо дорогамъ!—отвѣчалъ негодующимъ тономъ Гансъ и прибавилъ:—Это несчастье, что орденъ, вмѣсто того, чтобы вѣрить въ силу меча и огня, занимается политикой и интригами... Ни съ поляками, ни съ Литвою эта политика ни къ чему не привела! Наше дѣло надѣтъ латы, сѣсть на коня и обнажить мечъ!..

И онъ гнѣвно потрясъ, звеня, желѣзною рукавицею.

Бернардъ не отвѣчалъ ни однимъ словомъ. Онъ сознавалъ себя кругомъ виновнымъ и, въ этомъ убѣжденіи, перенесъ-бы даже ляганье осла, не только укоры честнаго, хотя и грубаго, собрата рыцаря.

Гансъ оставилъ его.

И Бернардъ долго еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, размышляя.

Въ этихъ размышленіяхъ засталъ его вернувшійся въ залу гроссмейстеръ. Онъ сказалъ ему:

— Что дѣлать! Наше съ вами усердіе обмануло насъ... Мы наказаны за излишнюю вѣру въ свои человѣческіе расчеты. Ступайте съ миромъ и полагайтесь на одного Бога.

Слова эти бальзамом легли на израненное сердце Бернарда. Въ нихъ чувствовалось столько правды, столько истинной глубокой мудрости, столько философіи и вѣры, что Бернардъ поклонился и вышелъ, если не утѣшенный, то значительно успокоенный.

По замку раздавались, между тѣмъ, приказанія.

Приказанія эти принимались мелкимъ рыцарствомъ съ большою готовностью и веселымъ лицомъ.

Лучше было въ полѣ гулять, чѣмъ исполнять строгости монастырскаго устава.

Трудностей они не боялись, потому-что подчиненные не отвѣчаютъ за успѣхъ, и задача ихъ ограниченная: что передъ глазами, дальше—не ихъ дѣло.

Вся забота объ успѣхѣхъ предпріятія лежала свинцовою тяжестью на головахъ и сердцахъ старѣйшинъ. Но... ихъ серьезныя размышленія должны были расплыться и утонуть въ общемъ веселомъ шумѣ приготовленій, который внесли въ замокъ рыцари-гости.

И такъ, ни трудности впереди, ни печальное начало, въ образѣ сожженнаго судна,—ничто пока не нарушало увѣренности большинства въ легкомъ успѣхѣхъ похода. Одна забота была у всѣхъ, отъ стараго до молодого, чтобы, храни Богъ, не быть исключеннымъ изъ отряда, не остаться дома. Рыцари толковали по своему, при этомъ, причину смерти гроссмейстера Орселена: они говорили, что убійца отомстилъ ему за то, что былъ оставленъ въ замкѣ во время экспедиціи.

Главный смакъ этихъ экспедицій заключался для рыцарей въ томъ, что, посреди боевыхъ тревогъ, никто не напоминалъ имъ о строгостяхъ христіанскаго обѣта. Можно было жить однимъ общечеловѣческими страстями, одними чувствами инстинкта и похоти... А человѣкъ—всегда человѣкъ, и въ монашеской рясѣ, и въ желѣзномъ панцырѣ, и въ балахонѣ ученаго, и въ кафтанѣ отхлынувшей въ даль вѣковъ національной старины, и въ мундирѣ, и во фракѣ... Во всѣхъ костюмахъ міра, онъ, прежде всего, хотеть быть и не быть пожраннымъ.

Хочетъ хватать и не быть схваченнымъ.

Хочетъ быть хваленнымъ и не хвалить никого; хочетъ любить и не думать о любовныхъ послѣдствіяхъ.

Хочетъ быть, короче говоря, чѣмъ сотворила его природа и

чѣмъ довершила это твореніе жизнь въ цивилизованномъ мірѣ всеобщаго рабства...

И поэтому не нужно удивляться, что, на другой-же день послѣ приведенныхъ фактовъ, по всему замку шли окрики, веселый говоръ, смѣхъ, затыгивались пѣсни; горячія приготовленія шли повсюду, во всѣхъ углахъ проснувшейся орденской обители были замѣтны оживленіе и радостная тревога...

Поправляли возы, ковали лошадей, брали изъ погребовъ бочки, мѣшки и несли ихъ, укладывали въ дорогу.

Кто чистилъ броню, кто точилъ мечъ, кто ржавчину стиралъ съ желѣзныхъ бляхъ конской сбруи, снимая ее и смазывая жиромъ.

Бернардъ не получилъ приказанія собираться въ походъ и сидѣлъ въ своей кельѣ, сохраняя видъ рыцаря печальнаго образа.

Неожиданно вошелъ къ нему братъ Сильвестръ.

Съ перваго взгляда на Бернарда, добрая душа старика повернулась отъ состраданія, такъ было скорбно лицо рыцаря.

— Пришелъ спросить васъ,—обратился Сильвестръ:—не возьмете-ли съ собою какого медикамента... Корпиі, пластыря, наконецъ?

— Да вѣдь я, кажется, не иду въ походъ,—отвѣчалъ рыцарь:—не назначили, а навязываться не хочу. Вижу я, что сталъ всѣмъ чужимъ человѣкомъ... Проклинаютъ меня они въ душѣ!..

Сильвестръ молчалъ, пожимая только плечами.

— Я знаю,—продолжалъ Бернардъ:—что, въ силу нашего обычая, мы должны истреблять, а не воспитывать, дикарей... Но, сдѣлавшись крестоносцемъ, я остался человѣкомъ.

Сильвестръ сочувственно взглянулъ на него.

— Выгоняйте меня! Убейте, если я, противъ воли, погрѣшилъ братству, но... ребенокъ былъ такъ малъ тогда!..

И старикъ не могъ докончить. Спазма охватила его горло.

— Я самъ любилъ его,—отвѣчалъ Сильвестръ:—мы съ вами не пришли къ желѣзнымъ сердцамъ... Къ счастью, мое поле—лазаретъ!..

— Жаль мнѣ, все-же, бѣднаго хлопца!—сказалъ Бернардъ.—Погибнетъ онъ и душа его!..

Но дверь отворилась и маршалъ вошелъ въ келью.

— Братъ Бернадъ! Вамъ тоже въ походъ!—весело произнесъ онъ, держа въ рукахъ списокъ.

— Мнѣ? Мнѣ въ походъ?!. — воскликнулъ, не вѣря своимъ ушамъ, братъ Бернадъ.

— Вамъ, да, — отвѣчалъ маршалъ: — Гроссмейстеръ надѣется, что вы будете ему полезны, какъ парламентарь, въ переговорахъ съ этимъ молокососомъ.

Съ этими словами маршалъ вышелъ.

Бернардъ сталъ осматриваться вокругъ себя, что взять съ собою. Давно уже не брали его въ походъ. Нужно было теперь взять съ собою коней, возы, челядь.

Времени уже оставалось немного. На утро трогались въ походъ, крестоносцы съ ихъ гостями, а сегодня вечеромъ нужно было отправлять обозъ.

Одинъ гроссмейстеръ оставался въ замкѣ, всѣ старѣйшины шли въ походъ, вся мелкая братія, сѣрые плащи.

Давно уже не поднимался орденъ такъ поголовно. Дѣло предстояло долгое, трудное, упорное, — не война, а обложение, съ цѣлью выморить въ гниздѣ непріателя.

Съ торжествомъ выѣхали рыцари, подъ развѣвающимся хоругвью ордена, съ трубнымъ звукомъ, съ кликами.

Мѣстечко цѣлое собралось провожать ихъ, съ обнаженными головами, — посылало имъ благословенія. За каждымъ рыцаремъ ѣхала его свита. На каждаго четыре человѣка рыцарей назначался одинъ наметъ, который везли за ними конюхи.

Священники, въ длинныхъ рясахъ, съ короткими рукавами, держа передъ собою крестъ, ѣхали въ колоннѣ.

И вся эта блестящая, длинная фаланга конныхъ, пѣшихъ, обоза, въ ея пестрыхъ, блещущихъ краскахъ, заливалась богатствомъ горячихъ солнечныхъ лучей.

Въ тылу, издалека, слѣдовали за нею ловчіе, съ собаками, соколами, ведя въ рукахъ легкихъ охотничьихъ лошадей мѣстной породы.

Хотя лагерный законъ былъ очень строгъ и требовалъ наказанія всякой вины, но ни маршалъ, ни комтуръ не держались его на практикѣ; поэтому, походъ рыцарства былъ подобенъ веселой

забавѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, до столкновенія съ дикимъ непріателемъ.

Прошло нѣсколько дней, въ которые охота, прогулки и пиршества составляли одно развлеченіе, послѣ нѣсколькихъ часовъ перехода; непріателя не было не видно, не слышно о немъ.

Нетерпѣніе воиновъ, особенно молодыхъ, росло не по днямъ, а по часамъ.

Разосланы были во все стороны разъѣзды и шпионы, которые принесли вѣсть, что непріатель вовсе не готовится къ бою. Около Пилленъ было тихо, какъ всегда...

Рѣшено было подойти къ рѣкѣ, какъ возможно скрытнѣе и тише.

Передовой отрядъ достигнулъ берега и, пригнавъ къ этому мѣсту сколько возможно болѣе челновъ и лодокъ, сталъ переправляться, въ туманѣ утра, на другую сторону. Тутъ были все рыцари самые отважные, самые опытные.

Все, казалось, шло какъ по маслу. Рыцари завидѣли на взгорьѣ противоположнаго берега замокъ; онъ стоялъ, мрачный, безмолвный, какъ трупъ, прислоненный къ откосу.

Какъ только достигли берега, рыцари взбѣжали на его крутизну и бросились на землянки, хатки, огороды...

Но движеніе оказалось лишнимъ: тамъ не было ни человѣка, ни животнаго... Одна забытая, оставленная на яйцахъ курица, вылетѣла имъ навстрѣчу, съ громкимъ кудахтаньемъ, шлепая крыльями.

Тогда открылись глаза стратеговъ-рыцарей: они поняли, что ихъ здѣсь ждали, очень ждали...

Приходилось отказаться отъ случайности штурма и положиться на вѣрныя дѣйствія обложія.

Но страшная мертвая тишина, господствовавшая въ замкѣ и вокругъ него, заставляла думать, что и само гнѣздо оставлено осами.

Рыцари, смѣша отличиться на дешевинку отвагою, стали лѣзть на валы замка; самые конюхи, увѣренные въ успѣхъ и безопасности, не хотѣли отстать отъ нихъ. Болѣе смѣлые зажигали уже пучки соломы, готовясь подложить ихъ подъ деревянные стѣны...

Вдругъ, посыпались на нихъ градомъ стрѣлы, бревна, каменья, полилась горячая смола, раскаленный песокъ...

И весь этотъ ураганъ смерти производился невидимою рукою, не слышно и тѣмъ ужаснѣе...

Эта первая неудача научила рыцарей осторожности.

Они отошли и стали обозомъ.

Вскорѣ, по стѣнамъ крѣпости стали сновать тѣни, безъ шума, безъ звука даже.

На одномъ изъ угловъ этой стѣны водрузилось бѣлое съ голубыми полосами знамя, словно вызывало на борьбу съ собою орденскую хоругвь.

Рыцари встрѣтили его смѣхомъ.

— Видно, — говорили они: — что баба командирствуетъ тамъ: вывѣсила сушить юбку...

Къ вечеру, однако, маршалъ собралъ военный совѣтъ.

Подступа ни къ стѣнамъ, ни въ крѣпость не было. Рѣшили морить врага голодомъ.

— Хорошо, — согласился комтуръ: — но вѣдь, поджидая насъ, эти звѣри, навѣрно, сдѣлали себѣ хорошій запасъ.

Со своей стороны, графъ Намюръ и князь Брюнсвикъ, приѣхавшіе сюда, какъ на *partie de plaisir*, и знать не хотѣли ни о какихъ проволочкахъ.

— Эти дикари къ голоду привыкли, какъ мы къ нашему обѣду, — говорили они не безъ резона: — и мы никогда не достигнемъ своей цѣли такимъ средствомъ.

Маршалъ, склоняясь на ихъ доводы, попытался метать въ крѣпость каркасы съ зажженною смоляною паклею.

Для этой попытки были сдѣланы приготовленія, чтобы начать дѣйствовать на другое утро.

Наступила ночь.

Рыцари стали двумя отрядами: одинъ — небольшой, передовой отрядъ, сталъ ближе къ крѣпости; другой — дальше, въ полверстѣ, сзади.

Палатка Бернарда была разбита близъ оставленной полуразрушенной землянки, въ небольшомъ домѣ; палатка эта была занята, кромѣ него, еще двумя рыцарями.

Ночь была темная, глухая ночь.

Стража, уставшая отъ движенія похода и трудовъ дня, зѣвая, легла и заснула, въ непонятной безпечности.

Одинъ Бернардъ не спалъ: сонъ бѣжалъ отъ его глазъ. Онъ весь уходилъ въ прошлое, отыскивая въ немъ утѣшеніе своимъ неудачамъ.

Все было тихо, мертво вокругъ. Одна рѣка, въ ея широкомъ разливѣ, доносила сюда свой неумолчный ропотъ.

Вдругъ, около самой палатки послышался шелестъ, послышался и замеръ...

Бернардъ оглянулся и увидѣлъ тѣнь стройнаго, высокаго человѣка, который, распахнувъ полы намета, заглядывалъ внутрь его...

Трудно было ясно разглядѣть эту фигуру въ глубокомъ мракѣ, но, тѣмъ не менѣе, Бернардъ различилъ въ ея рукѣ короткій кинжалъ.

Мысль о личной мести, отъ какого-нибудь рыцаря—его не-пріятеля, промелькнула въ головѣ Бернарда. Выхвативъ мгновенно мечъ, Бернардъ бросился къ этому человѣку, втолкнулъ его въ палатку и... увидѣлъ, что передъ нимъ былъ Юрій!.. Рука Бернарда, поднимавшая уже мечъ, застыла въ воздухѣ. Юрій тоже стоялъ какъ окаменѣлый...

Опомнившись, но не произнеся ни звука, Бернардъ старался схватить юношу. Но тотъ, вырываясь, видимо рвался къ обозу... Приходилось кричать на помощь, будить стражу. Но сердце Бернарда измѣнило ему.

— Безумный!—почти закричалъ онъ:—ты хочешь погибнуть!

— Вы живы!—отвѣчалъ Кунигасъ тихо:—будетъ съ васъ, отпустите меня!

И съ этими словами, онъ, какъ угорь, выскользнулъ изъ-рукъ Бернарда и бросился бѣжать. Часовой рыцарь кинулся на него, — онъ мгновенно повалился на землю, и тотъ перескочилъ черезъ Юрія, въ силу инерціи. Тогда, поднявшись, онъ быстро увильнулъ въ сторону и исчезъ въ ночной мглѣ.

Это произвело страшный переполохъ. Рыцари повискакали изъ своихъ наметовъ, въ однѣхъ сорочкахъ,—картина вышла во вкусѣ театра-буффъ.

Пришли отъ маршала спрашивать, въ чемъ дѣло. Всѣ окружили Бернарда. Маршалъ былъ крайне недоволенъ этою фальши-

вою тревогою. Онъ приказалъ открыть и наказать виновника шума и беспорядка.

Бернардъ взялъ вину на себя.

— Какъ, это вы надѣлали весь переполохъ?—спрашивали его.

— Я, я,—отвѣчалъ онъ:—Я увидѣлъ чужого человѣка съ ножомъ въ рукѣ и хотѣлъ схватить его.

— Что вы, съ-просонья, что-ли?

— Нѣтъ, напротивъ, я уже держалъ его въ рукахъ...

— Ну, вѣрно, это какой-нибудь пьяный конюхъ?

— Нѣтъ, это былъ литвинъ... Я его узналъ... Это... это былъ мой питомецъ!—поразилъ вдругъ своимъ признаніемъ Бернардъ.

Маршалъ, слушавшій его, вскочилъ съ мѣста.

— Какъ! Какимъ образомъ онъ могъ явиться въ нашъ лагерь!?—вскричалъ онъ, оторопѣвъ.

— Еще удивительнѣе, куда онъ провалился!—отвѣчалъ Бернардъ.

Маршалъ глубоко задумался.

— Я начинаю догадываться, что онъ намѣревался убить меня, какъ предводителя,—сказалъ онъ мрачно:—Ваша палатка обманула его.

Покажѣсть шла эта непріятная бесѣда, ночь покончила свое дѣло, и блѣдное утро начало выяснять предметы.

Начали обходить внимательнымъ дозоромъ всю окрестность.

Тутъ лежали большіе камни, обросшіе мхомъ. Но ни на одномъ мѣстѣ не было даже знака какого-нибудь подземелья. Всѣ терялись въ догадкахъ, какъ могъ юноша подойти сюда невидимкою.

Тѣмъ не менѣе, маршалъ приказалъ тронуть землю лопатами, и что-же?—подъ однимъ изъ большихъ камней нашлось отверстіе. Но грунтъ былъ песчаный и входъ засыпанъ. Никто изъ крестоносцевъ не рѣшался войти въ это подземелье первымъ.

Начались пробныя земляныя работы, раскопки, ощупыванья, осторожныя, робкія...

А на стѣнахъ крѣпости по-прежнему все было неподвижно, тихо, мертво. Только изрѣдка показывались тамъ люди, въ ушастьяхъ треухахъ, и выглядывали на рыцарей.

И этотъ удивительный мертвый покой тоже производилъ на крестоносцевъ угрожающее впечатлѣніе. Въ немъ чувствовалось мужество, увѣренность, готовность къ борьбѣ до послѣдняго дыханія.

А старшіе рыцари только и знали, что угощались.

Сѣрые плащи, молодежь, отправилась въ лѣсъ, на облаву, но вернулась, приведя съ собою только одну литовскую семью, случайно гдѣ-то схваченную. Это были старая баба и двѣ молодыя дѣвушки, которыхъ убили на мѣстѣ. Оставленъ въ живыхъ былъ только мужчина, котораго держали теперь, въ расчетѣ добыть въ немъ языка. Всѣ сбѣжались смотрѣть, какъ на чудо, на перваго плѣнника въ эту кампанію. Онъ былъ связанъ и окровавленъ. Его привлекли сюда на арканѣ, привязавъ къ хвосту лошади.

— Полуистерзанный, онъ, однако, не выдалъ своихъ страданій ни однимъ звукомъ. Его били, стегали, толкали ногами,—онъ былъ имъ и неподвиженъ, какъ чучело или колода.

Можно было принять его за мертвеца, но кровь, сочившаяся изъ ранъ, была горяча и красна...

Ему обѣщали жизнь, вымогая одно, чтобы выдалъ, много-ли сдѣлано запасовъ въ Пилленахъ... Но все было напрасно. Рыцари имѣли дѣло не съ человѣкомъ, а съ дикаремъ, у котораго одна натура, цѣльная, крѣпкая, нераздвоенная...

Его, наконецъ, бросили, предоставляя гнить на навозной кучѣ. Въ этомъ положеніи нашелъ его, случайно подошедшій, капелланъ маршала, о. Антоній.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ душевныхъ людей, надъ которыми особенно злостно шутить судьба, закабаливъ ихъ въ орденъ, среди варваровъ цивилизаціи.

Не взирая на свое служебное положеніе, о. Антоній слѣдовалъ свободно указаніямъ своего добраго сердца. Онъ дѣлалъ, что требовала отъ него религія милосердія, и не смотрѣлъ на язвительныя улыбки.

Завидя страдальца, онъ подошелъ къ нему и оказалъ всю ту помощь, которая была оказана израильтянину самаряниномъ; онъ ослабилъ веревки, связывавшія члены плѣнника, обмылъ его раны, помазалъ ихъ масломъ и влилъ въ окровавленные уста его воды съ виномъ.

Бѣднякъ открылъ глаза и смотрѣлъ ими, какъ смотреть пойманный звѣрь, когда его ласкаютъ и гладятъ, послѣ того, какъ сломали ему одну ногу, пробили черепъ и выкололи одинъ глазъ...

О. Антоній зналъ языкъ пруссовъ. Онъ былъ у нихъ миссіонеромъ. А этотъ языкъ разумѣла и Литва.

Нагнувшись надъ бѣднякомъ, онъ сталъ нашептывать ему слова утѣшенія.

— Ударь меня коломъ въ сердце!—отвѣчалъ дикарь:—не для моихъ мученій!..

— Жизнь твоя будетъ спасена,—отвѣчалъ ревностный о. Антоній:—Тебѣ остается спасти твою душу, и это въ твоихъ рукахъ: увѣруй во единого всемогущаго Бога,—Бога милосердія и много-терпимости!..

Дикарь отвернулъ отъ этихъ словъ свое лицо.

О. Антоній продолжалъ неустанно напѣвать ему о небѣ, о Христѣ, о вѣчной жизни, время отъ времени улаждая рѣчь свою каплями вина, вливая ихъ въ горло бѣдняги.

— Не хочу я ни вашего Бога, ни вашей вѣчной жизни,—я не найду тамъ своихъ... Дай мнѣ умереть лучше!..

А о. Антоній не терялъ увѣренности. Онъ продолжалъ подливать плѣннику въ ротъ вино, продолжалъ на-распѣвъ свои поученія.

На этотъ урокъ катехизиса подошелъ маршалъ. Онъ поставилъ точку длинному рѣченію ксендза, ударивъ ногою въ лицо плѣннаго.

О. Антоній взмолился за несчастнаго.

— Какъ!—воскликнулъ маршалъ:—опять милосердія дикарямъ! Для того, чтобы дѣлать изъ нихъ себѣ враговъ... Нѣтъ, довольно!

Литвинъ открылъ глаза и смотрѣлъ волкомъ.

— Попробуй, о. Антоній, спроси этого каналью,—можетъ быть тебѣ удастся добыть отъ него отвѣтъ,—сказалъ маршалъ.

— купи себѣ жизнь,—обратился къ литвину о. Антоній:— Скажи, о чемъ тебя спрашиваютъ.

— Мнѣ не нужно жизни,—отвѣчалъ рѣзко и холодно литвинъ.

— Скажи, много-ли запасу въ замкѣ? Больше ничего не нужно,—повторялъ упорно о. Антоній.

— Кто ихъ знаетъ, сколько у нихъ тамъ всякаго добра, мы не считали!.. А будетъ его,—больше чѣмъ нужно! Будьте покойны,—живого никого не возьмете оттуда! Никого! И посада не возьмете,

развѣ сгоритъ! И много васъ, проклятыхъ, ляжетъ здѣсь, а ничего не подѣлаете вы съ ними!.. Собаки нѣмецкія!!!..

И съ этими словами, онъ страшно повелъ глазами, вытянулся, какъ бревно, кровь побѣжала изо рта, онъ окоченѣлъ...

XI.

Но вернемся къ тому времени, когда Маргеръ отыскалъ и свое настоящее имя, и свою настоящую мать, но, не встрѣтивъ любви и симпатіи къ себѣ своихъ земляковъ, сидѣлъ въ таборѣ, возлѣ священнаго дуба.

Мать приказала готовиться своему отряду рано утромъ. Такъ что едва сынъ вернулся съ Рымосомъ изъ своей прогулки на свиданіе съ Банютою,—свита Реды уже закопошилась. Коней вели поить и сѣдлали, собирали на-скоро утренникъ, какую-то дубовую кашу и лепешки, выпеченныя въ салѣ.

Но Маргеръ, казалось, не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать объ этихъ приготовленіяхъ. Дума его была далеко. Онъ думалъ о Банютѣ, о своемъ прошедшемъ, боялся за будущее.

Подошелъ Швентасъ.

— Кунигасъ мой! Пора трогаться въ путь! Мать ожидаетъ васъ!.. Гей, Кунигасъ!

Только такими окриками да толканьемъ Маргера подъ локоть удалось привести его къ сознанію минуты.

Увидѣвъ эту сцену, Реда встала и направилась къ сыну.

Она вперила въ него взоръ,—онъ не видѣлъ, казалось, ничего передъ собою.

— Время ѣхать!—сказала она отчетливо и строго.

А онъ все молчалъ и не трогался.

Привыкнувъ къ строгому и точному повиновенію, Реда вдругъ покраснѣла. Голосъ ея зазвенѣлъ металлическою струною, она грозно произнесла:

— Вставай! Лошади сейчасъ будутъ готовы... Ыдемъ!

Теперь только сынъ поднялъ голову, медленнымъ задумчивымъ взглядомъ посмотрѣлъ на мать и голосомъ, настолько-же мягкимъ, сколько въ немъ было силы и увѣренности, отвѣчалъ:

— Я не поѣду отсюда!

Реда почувствовала, что кровь волною прилила ей въ голову.

Гнѣвъ душилъ ее. Но... въ то-же время, она чувствовала, что это ея сынъ, ея единственное дитя.

— Что это значить? Что съ тобою?—спросила она.

Маргеръ молчалъ, глядѣлъ въ сторону и не трогался.

Люди съ удивленіемъ и тревогою смотрѣли на эту сцену, впервые видѣнную ими. Реда то подходила къ сыну, то отступала отъ него, не зная, что дѣлать съ нимъ.

Наконецъ, она взяла его за плечи и сильно тряхнула...

— Слушай-же! Приказываю тебѣ,—встань!

— Не встану!—отвѣчалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалась непреклонная воля.

Реда закипѣла негодованіемъ. Рука ея легла на рукоятку меча и сжала ее. Въ отвѣтахъ сына, казалось ей, звучало что-то чуждое, нѣмецкое, вражеское, она готова была раскрыть ему черепъ.

— Говори!!!—крикнула она такъ, что самый послѣдній конюхъ ея свиты вздрогнулъ, и кони рванули поводья.

— Пусть мнѣ возвратятъ мою невѣсту, или я остаюсь здѣсь вейдалотомъ... Не пойду безъ нея въ Пиллены... Лучше ужъ къ рыцарямъ назадъ, чѣмъ жить безъ нея!..

Слова эти были произнесены имъ рѣзко, мужественно, твердо...

Реда потеряла мужество и стояла, не зная, что начать.

Природа матери взяла верхъ надъ амбиціею властительницы.

Она подумала-было приказать взять его силою; но онъ, словно угадавъ ея намѣренія, схватилъ мечъ, обнажилъ его и всталъ въ позу ратоборца. Глаза его горѣли ожесточеніемъ, грудь дышала злобою.

— Мертвымъ вы овладѣете мною!—закричалъ онъ.—Ты мнѣ не мать, нѣтъ!.. Если-бы ты была матерью, ты-бы не отказала своему сыну въ его первой просьбѣ.

— А, чтобы чортъ взялъ эту проклятую дѣвку!—заскрежетала зубами Реда:—Она ему подсыпала зелья!..

Маргеръ молчалъ, принимая позу борца.

Гнѣвъ, сознаніе безсилія и сердечная боль выжали слезу на глаза мужественной Реды.

— А!—воскликнула она:—нѣмцы испортили твою кровь и твое сердце!.. Зачѣмъ ты пришелъ сюда къ намъ, чуждый нашей жизни, нашимъ правиламъ и закону?!.. Если-бы не твой знакъ на шеѣ, и я бы не признала тебя своимъ!

— Брось, оставь меня! Я не хочу идти за тобою. Женщина не будетъ мнѣ приказывать!

— А, негодный! Ты отрекаешься отъ меня для другой женщины, которая для тебя выше священнаго закона!

И Редя, схвативъ мечъ, ринулась на него...

— Она не чужая мнѣ. Я съ нею голодалъ и спасался въ лѣсахъ и съ нею повѣнчался,—она жена мнѣ! Я не отдамъ ея никому, даже вашему деревянному богу!..

Это пренебрежительное отношеніе къ божеству, подъ самымъ священнымъ дубомъ, такъ сказать, въ самомъ храмѣ его,—сразило Реду... Къ счастью, кромѣ нея и нѣсколькихъ лицъ ея свиты, людей болѣе земныхъ, чѣмъ духовныхъ, никто не слышалъ словъ ея сына.

Швентасъ, по любви и привязанности къ Юрію, вмѣшался въ дѣла.

— Кунигасъ! Кунигасъ! Бросьте сопротивленіе!.. Стоить-ли убиваться и мучить мать родную ради глупой дѣвчонки!

— Прочь!—закричалъ Маргеръ, отталкивая его.

Редя ходила взадъ и впередъ и мысли, какъ тучи, сталкивались у нея въ головѣ.

Хотѣла она приказать людямъ взять сына силою, но, взглянувъ на ихъ лица, прочтала въ нихъ нерѣшительность... Они уже видѣли своего юнаго господина, законную, богами освященную власть, и женщина, хотя и Редя сама, начала терять надъ ихъ умами обаяніе. Это заставило ее круто переменить маневръ. Она подошла къ сыну и голосомъ, въ которомъ слышалась мольба, заговорила:

— Сынъ мой, Маргеръ, возлюбленный! Повинуйся,—уѣдемъ отсюда! Пожалѣй свою мать!..

— Пожалѣйте и вы меня!—отвѣчалъ Юрій.

— Пойми, что я не въ силахъ идти противъ духовенства. Оно у насъ всею головою, что относится до бога и религіи...

— Я знать ничего не хочу,—отдайте мнѣ дѣвушку... Она еще не посвящена въ вейдалотки,—она не бросала смолы въ священный огонь, надъ нею не было обряда... Возьмите ее силою, обмѣняйте ее, просите, приказывайте, дѣлайте, что хотите, лишь-бы она была у меня. Заплатите за нее хотя на вѣсъ золота, наконецъ!

Послѣднее наущеніе затронуло Реду. Она знала, что святые отцы, служители Перкуна, не пренебрегали благороднымъ металломъ. Это поддало ей предпріимчивости, и она пошла, не оглядываясь, къ священному дубу.

Тамъ уже все духовенство ждало ее, приготовляясь совершить какую-то хитрую манипуляцію. Впереди всѣхъ стоялъ красавецъ Конисъ, настоящій жеребецъ вейдалотскихъ конюшенъ...

Споръ между матерью и сыномъ, хотя и издали, до нѣкоторой степени былъ ими понятъ. Поняли они и причину прихода Реды и приготовились къ легонькому отпору.

Послѣ двухъ-трехъ словъ, которыми обмѣнялась Реда съ ними, она обернулась къ сыну, который медленно шелъ за нею, неся мечъ на плечѣ,—и сдѣлала ему знакъ рукою приблизиться.

— Ея уже нѣтъ здѣсь!—кричала Реда:—ее отправили!

— Ложь! Гнусная поповская ложь!—отвѣчалъ еще громче юноша.

Но едва слова его достигли ушей жрецовъ, какъ невообразимый хаосъ начался въ средѣ ихъ. Они заматались, словно муравьи, защищая свое убѣжище отъ дерзкаго мальчика, вздумавшаго разрыть его небрежнымъ ударомъ палки.

Они подняли крикъ, призывали на голову еретика перуны, но, видя, что богъ не спѣшилъ заряжать своихъ луковъ, сами вооружились дубьемъ.

Другіе хотѣли прямо броситься на дерзкаго съ кулаками и растерзать его собственными зубами и когтями.

Но... у него былъ мечъ; онъ былъ самъ грозенъ, какъ богъ; онъ остановился, смѣрялъ ихъ презрительнымъ взглядомъ и еще разъ повторилъ:

— Эти фарисеи лгутъ, нагло лгутъ: я видѣлъ Банюту въ ихъ сараѣ, всего два часа назадъ... Мать!—обратился онъ къ Редѣ:—

брось имъ двѣ горсти золотыхъ, и они отдадутъ намъ свою добычу...

Этотъ гордый голосъ, эта увѣренность юноши съ благородною отвагою, небывалою еще у туземцевъ, заставили поповъ призадуматься. Святыня ихъ, въ случаѣ отказа, могла быть разъ навсегда профанирована имъ, этимъ богатыремъ, и тогда — прощай вѣра народная и народныя приношенія!..

А, съ другой стороны, предложенное золото было всегда пріятнымъ призомъ. Такъ не лучше-ли уступить капризамъ и сохранить власть, — уступить дѣву съ золотистыми волосами и взять настоящее золото?! Въ такой рѣшимости, всѣ жрецы собрались въ свой шалашъ, быстро обмѣнялись мнѣніями, еще быстрѣе согласились, но, чтобы уступка не приняла вульгарнаго характера, постановили обставить все торжественнымъ обрядомъ отреченія.

Въ бѣлыхъ саванахъ, въ вѣнкахъ, безобразившихъ ихъ длинными гривными головами, вышли они и потянулись длинною церемоніею къ алтарю.

Вмѣстѣ съ этимъ, народъ, увидѣвшій начало обряда, до которыхъ онъ очень лакомъ, какъ цивилизованные высшіе классы до балета и оперы, — повалилъ валомъ къ мѣсту священнодѣйствія.

Кревуля взомелъ на возвышеніе алтаря, поддерживаемый причетниками, расчесалъ свои волосы, омылъ руки и, воздѣвъ ихъ къ небу, началъ призывать бога.

Но, такъ-какъ грудь его была слаба и голосъ не достигалъ толпы, то ей предоставлялось только созерцать его мимическія движенія. Онъ поднималъ горѣ руки и голову, потрясалъ жезломъ и... вдругъ...

По небу, какъ это бываетъ нерѣдко весною, прокатился громъ... Народъ въ трепетѣ упалъ на колѣни. Торжествующіе жрецы поняли, какую неоцѣненную услугу оказывала имъ своевольная природа, — они объяснили это явленіе божьимъ грознымъ велѣніемъ, — послѣ чего на эстраду была введена Банюта, гдѣ развѣнчана и отдана Маргеру.

Обнимая ее, радостную, Кунигасъ бросился съ нею вмѣстѣ въ ноги матери, и она теперь только обняла его съ горячею материнскою любовью, — теперь происшедшая между ними драма спасла ихъ сердца, одинаково гордые и властные.

Мать въ своемъ сынѣ узнала себя и полюбила его всею силою любви.

Но время было спѣшить. Люди были готовы. Реда вскочила на коня и громко скомандовала:

— Садись!

Когда люди сѣли и сѣхались въ кучу, она построила ихъ въ ряды, повѣрила, не хуже вахмистра, проходящаго третью безпорочную службу, и скомандовала:

— Справа по три, рысью маршъ!..

Скоро долина печально опустѣла, — все поспѣшили, кто на конѣ, кто пѣшій, кто на возѣ, — слѣдовать за воинственной предводительницею.

Реда сильно поспѣшала въ Пиллены. Со всѣхъ сторонъ доходили слухи о нашествіи нѣмцевъ. Ихъ ждали со дня на день.

Не доходя до Пилленъ, узнала Реда, что крестоносцы строятъ на Нѣманѣ огромное судно съ цѣлью подойти на немъ къ ея посадѣ и сжечь его.

Преувеличенные слухи объ этомъ ужасномъ сооруженіи заставили призадуматься самую Реду.

Однажды, когда на бивакѣ разговоръ шелъ объ этомъ страшилищѣ, Маргеръ вдругъ вскочилъ съ мѣста.

— Они теперь увѣрены въ себѣ, своей безопасности; они не ждутъ отъ насъ нападенія, я знаю! — воскликнулъ онъ: — Мы движемся на нихъ въ легкихъ лодкахъ, ночью, бросимся на это судно и спалимъ его!..

Реда была въ пользу этого смѣлаго плана, но упиралась отпустить на это дѣло сына своего.

— Пустите меня, — просилъ онъ: — я чувствую, что мнѣ это удастся, — это мое первое дѣло будетъ!

Мать вынуждена была уступить, не умѣя бороться съ чувствомъ, которое у всякаго дикаря живетъ въ душѣ безымянно и которое на нашемъ языкѣ называется патріотизмомъ и вызываетъ себѣ похвалы, по меньшей мѣрѣ преувеличенныя.

Горячо принялся готовиться къ экспедиціи Маргеръ, Швентасъ былъ взятъ имъ въ качествѣ проводника и языка.

Передъ отъѣздомъ, онъ обнялъ свою Банюту и, отдавая ее въ руки матери, сказалъ:

— Вотъ кладъ мой,—берегите его!..

Здѣсь произошло раздѣленіе отряда на двѣ части. Одна, съ Редою въ главѣ, пошла на Пиллены; другая, предводимая юнымъ героемъ, черезъ пущи, заросли и болота, достигла береговъ Нѣмана и поплыла рѣкою, осторожно скрываясь по цѣлымъ днямъ въ топкихъ заросляхъ.

Вотъ подъѣхали они къ мѣсту, гдѣ стоялъ недалекъ плотъ, только-что осмоленный. Нужно было еще старательно прятаться въ тростникахъ, высматривать удобную минуту. Минута эта, наконецъ, наступила: рыцари, занятые приготовленіями въ походъ, чествованіями гостей, совѣтомъ, — упустили изъ виду наблюдать то, что было у нихъ подъ носомъ...

Мы уже знаемъ, что успѣхъ предпріятія Маргера былъ полный. Скажемъ только, что когда стража на стѣнахъ Пилленъ завидѣла зарево, — сердца литвинъ возликовали. Новый богатырь нарождался въ народѣ и, съ перваго шага своего на боевомъ поприщѣ, дѣлалъ чудеса!..

Банюта, какъ векша, влѣзла на высокое дерево и жадно смотрѣла оттуда на огонь пожара, словно хотѣла въ этомъ огнѣ увидѣть, озареннаго имъ, ея милаго. Она сидѣла на деревѣ и пѣла, какъ соловей:

Ахъ ты, вѣтеръ буйный,
Ты носи мнѣ вѣсть
О моемъ витязѣ юномъ,
Кунигасѣ, сынѣ Вальгутиса!..

Она пѣла такъ и вѣрила, что вѣтеръ принесетъ ей вѣсточку отъ ея возлюбленнаго; но возлюбленный не давалъ о себѣ вѣсти ни по вѣтру, ни птицею; огнемъ напомнилъ о себѣ Маргеръ врагамъ и соотчичамъ.

Позднимъ вечеромъ, черныя точки показались на стальной поверхности Нѣмана,—это они, это челны ихъ!

Банюта выбѣжала въ ворота и стояла тамъ, увѣренная, что сейчасъ увидитъ своего нареченнаго.

И вотъ, затрубили рога,—и всѣ, старъ и младъ, устремились на встрѣчу тріумфатора.

Одного Вальгутиса оставили; но и въ немъ кровь заговорила, послѣдній разъ въ жизни.

Отчаянно закричалъ старецъ, требуя, чтобы и его взяли, взмывалъ худыми длинными руками, раскрывалъ ротъ, двигалъ беззубыми челюстями.

Его довели до самыхъ воротъ. Онъ двигался, какъ не живой, словно привидѣніе, поставленное на ходули.

Онъ открылъ свои впалые глаза въ ту самую минуту, когда Маргеръ бѣжалъ навстрѣчу Редѣ, падая ей на грудь.

Онъ стономъ призывалъ къ себѣ внука, обнялъ его и, когда тотъ отвѣтилъ ему лобзаніями, опустилъ свою сѣдую голову на плечо Маргера, глубоко-глубоко вздохнулъ и сталъ трупомъ...

Жизнь свою, исполненную ненависти къ нѣмцамъ, вдохнулъ онъ въ своего внука и умеръ...

Вмѣсто радостныхъ пѣсень, теперь началось заунывное пѣнье женщинъ.

Мертвого положили на постель, на которой онъ, не вставая, провелъ двадцать лѣтъ, поставили въ комнату кадку съ брагою, повѣсили ковшъ и отворили дверь,—пусть-де всякій придетъ, выпьетъ на прощаніе съ душою стараго Вальгутиса.

Приходили люди, старые и молодые, черпали ковшомъ брагу и пѣли:

Ты зачѣмъ насъ покинулъ, Вальгутисъ?

Мало яствъ было что-ль у тебя?

Было мало слугъ, аль денегъ?

Было мало мѣховъ, аль одежды?..

Ты затѣмъ насъ покинулъ, Вальгутисъ?

Маргеръ слушалъ эти припѣвы, припоминалъ христіанское погребеніе и невольно сличалъ то и другое: тамъ умершаго отдавали Богу; здѣсь его отправляли къ роднымъ его, раньше умершимъ...

Ожидая нападенія нѣмцевъ, спѣшили погребеніемъ.

Около замка сложили высокій костеръ. Покойника вымыли, облекли въ бѣлую одежду, посадили на возъ и, съ вытьемъ и плачемъ, съ криками, имѣвшими цѣлью отогнать злого духа, повезли къ костру. Тутъ его подняли на высоту костра и усадили тамъ. Внуку Маргеръ взмошелъ на верхъ и далъ дѣду прощальный поцѣлуй. Затѣмъ, онъ подложилъ огонь, обхватившій костеръ

и трупъ со всѣхъ сторонъ, и тогда всѣ стали бросать въ него вещи, принадлежавшія покойному.

Все летѣло и пожиралось жаднымъ пламенемъ: одежда, оружіе, охотничьи принадлежности, сѣти, сломанные части челна, — все, что могло пригодиться Вальгутису на томъ свѣтѣ, какъ первое обзаведеніе.

На другой день, пепелъ, еще горячій, былъ сложенъ и опущенъ въ каменную могилу...

Покончивъ съ покойникомъ, стали готовиться къ отпору проглятому нѣмцу.

Реда, выплакавъ на похоронахъ, согласно съ обрядомъ, всю душу, лежала теперь въ изнеможеніи, и къ ея сыну, естественно, перешла и ея власть, и предводительство.

Онъ началъ такъ, какъ долженъ былъ начать человѣкъ съ военнымъ призваніемъ: поднялся на самую высшую точку на башнѣ и сдѣлалъ быструю глазомѣрную рекогносцировку. Стѣны показались ему грозными, люди, бывшіе у него подъ ногами, представлялись почтенною силою. Онъ долго стоялъ, думалъ мысленно соразмѣряя шансы борьбы.

Реда, бросивъ постель, явилась вдругъ передъ нимъ, вопрошая:

— Ну, что ты думаешь начать дѣлать?

— Я опасаясь, чтобы нѣмцы не сожгли насъ на этомъ кострѣ, такъ-же, какъ мы сожгли вчера Вальгутиса...

— Не говори этого! Мы здѣсь выдержали столько лѣтъ, отстояли наши лѣса, — должны и умереть здѣсь, если нужно! — грозно сказала Реда: — Нѣтъ! — продолжала она, все возвышая голосъ: — если ты бросишь это гнѣздо, — проклятіе мое будетъ преслѣдовать тебя на вѣки!

Маргеръ вздрогнулъ.

— Мать, — сказалъ онъ: — попомни мое слово: отстоять Пиллены не отстоимъ, а умремъ подъ ними, — это вѣрно!

И онъ разсмѣялся, и въ этомъ смѣхѣ его послышался отзвукъ дикаря, рѣшившагося пасть за свободу.

— Я узнаю въ тебѣ отца и себя! — сказала Реда съ гордостью.

Послѣ этого разговора, Маргеръ смотрѣлъ на себя, какъ на обреченнаго вѣрной смерти.

Онъ сталъ сходить съ башни и встрѣтился съ Швентасомъ.

— Кунигасъ!—взмолился тотъ:—брось ты этотъ костеръ! Сожгутъ насъ съ нимъ вмѣстѣ крестоносцы!..

— Пошелъ вонъ!—гнѣвно и раздражительно крикнулъ на него Маргеръ.

Выйдя на дворъ, Маргеръ увидѣлъ своихъ дружинниковъ въ сборѣ.

Они встрѣтили его привѣтомъ.

— Братья!—обратился къ нимъ Маргеръ: — Пиллены нужно отстоять. Отвѣчайте, кто готовъ умереть.. Кто желаетъ, есть время уйти.

Старикъ Вижунасъ окинулъ взглядомъ толпу и произнесъ спокойнымъ голосомъ:

— Умереть все равно нужно,—здѣсь-ли, тамъ-ли.

Больше никто не отозвался ни словомъ, какъ-будто отвѣтъ Вижунасы былъ отголоскомъ настроенія всѣхъ.

Затѣмъ, съ тѣмъ-же спокойствіемъ, которое сопровождаетъ каждый шагъ человѣка, твердо рѣшившагося умереть, Кунигасъ и его вожди пошли дѣлать приготовленія: послали сказать въ дѣса, чтобы уходили дальше, осматривали стѣны, ворота, подземелья.

Вижунасу была поручена оборона валовъ. Это былъ желѣзный человѣкъ, не знавшій покоя, усталости, тревогъ.

Топоры насаживались на топорщица; ножи на колья; накаливался въ печахъ песокъ, кипятилась смола.

И все это дѣлалось съ такимъ безпечнымъ видомъ, съ такими веселыми пѣснями, съ какими развѣ къ празднику готовятся современные литвины. Эта веселость прогнала съ души Маргера грустное настроеніе. Пойдя въ избу, онъ уже чувствовалъ себя инымъ,—бодрымъ и ретивымъ.

— Ну,—встрѣтила его мать:—готовься-же къ свадьбѣ... Можетъ, не долго и жить осталось, отпразднуй ее, если такъ хотѣлъ этого!

Мать отворила дверь въ другую половину, и что-же?—тамъ разодѣтая въ подвѣчное платье, съ вѣнкомъ на головѣ, стояла его Банюта. Хоръ дѣвушекъ встрѣтилъ его пѣснями.

Банюта сидѣла на высокомъ стулѣ, покрытомъ вывороченною шкурою. Дѣвушки пѣли, заплетали и расплетали ея волосы и рѣзко смѣялись.

Она сама, помимо обычая, была весела и румяна и гордымъ, радостнымъ взглядомъ встрѣтила своего Кунигаса.

Маргеръ сбросилъ съ себя броню и верхнюю одежду, и вошелъ въ комнату. Вся группа была озарена веселымъ заревомъ очага. Ночь прошла въ пѣняхъ и питьѣ. Приходили сюда и другіе, выпивали и шли къ себѣ острить топоры.

Къ утру только начался обрядъ: старый Вижунасъ надѣлъ себѣ на голову вѣнокъ и препоясался бѣлымъ полотенцемъ. Онъ былъ въ роли посаженнаго отца. Банюта, сидя на возвышеніи, держала кувшинъ съ пивомъ и хлѣбъ, дѣвушки продергивали ея косы въ кольца и рѣзали ихъ съ плачемъ.

Она встала, отпила изъ кувшина пива и остальное плеснула на порогъ. Маргеръ ожидалъ ее, стоя у стола. Три раза обвели ее вокругъ очага и посадили. Она улыбнулась жениху, который былъ грустенъ.

— Господинъ мой!—обратилась Банюта къ Маргеру:— раздвинь твои брови! Не тебѣ, мнѣ нужно-бы плакать и грустить, а я, стыдно сказать, радуюсь!..

— Я не умѣю быть веселымъ.

— Отчего такъ?

— Послушай,—и Маргеръ наклонился къ ея уху:—еслибы не эти пѣсни, мы-бы слышали теперь бряцанье латъ и оружія крестоносцевъ!.. Ржанье ихъ коней чую я!..

— Ладно, пусть они вторятъ нашей пѣснѣ!

Маргеръ тихо вздохнулъ.

— Война-бы еще ничего, но... — онъ не могъ кончить.

— Господинъ мой!—еще ласковѣе сказала Банюта:—общай мнѣ дать подарочекъ, какіе дають невѣстамъ всегда...

— Хорошо, общаю.

— Присягни, дай клятву, что ты исполнишь мою просьбу: дашь мнѣ то, о чемъ тебя буду просить!

— Общаю тебѣ все, чего просишь у меня,—отвѣчалъ Маргеръ сумрачно.

— Хорошо; поклянись мнѣ солнцемъ, луною и звѣздами, что ты со мною вмѣстѣ пойдешь въ тотъ свѣтлый міръ, гдѣ будетъ вѣчная радость... Тутъ мы только мучились съ тобою... Помни-же, когда придетъ тебѣ минута умереть, возьми меня съ собою!..

И Банюта, говоря эти слова, восторженно улыбалась и жала крѣпко руку своего ненаглядного Кунигаса.

А онъ? Блѣдный, трепещущій, едва удерживая слезы, онъ поклонился ей.

— Помни-же!—повторяла Банюта, радостная, сіяющая, праздничная:—Помни! Мы будемъ съ тобою тамъ праздновать нашу свадьбу... Боги справедливы: они возвратятъ намъ счастье, отнятое здѣсь...

Пѣсни заглушили ихъ разговоръ.

А въ эту минуту, влѣзъ на четверинкахъ въ избу Швентасъ, одѣтый шутомъ, и началъ балагурить.

— Вотъ свадьба, такъ свадьба, — кричалъ онъ: — Народъ со всѣхъ сторонъ собрался на нее праздновать, безъ зову идуть, блещутъ желѣзными одеждами, ѣдутъ на разныхъ коняхъ, гремятъ,—не въ бубны бьютъ, въ рога трубятъ,—не пѣсни поютъ...

А за валами слышались окрики крестоносцевъ...

На другое утро, свадьба праздновалась всѣмъ людомъ посада Пилленскаго.

Выкатили бочки съ медомъ и пивомъ, пили, напѣвая дикими голосами:

Веселись, Кунигасъ,
Ты съ невѣстой своей!—
Мы пойдемъ за тобой
Дружнымъ хоромъ туда,
Гдѣ живетъ Перкунасъ...
Дружнымъ хоромъ туда
Мы съ тобою пойдемъ,
Гдѣ живетъ Перкунасъ,
Гдѣ готово для насъ
Пиво, медъ и зерно.
Гдѣ не дни, не года
Будемъ жить,—во всегда...
А теперь мы съ тобой
Кончимъ смертью одной—
Чтобы жить навсегда!..

ХП.

Въ первую-же ночь послѣ свадьбы, Маргеръ сорвался съ постели, поцѣловаль крѣпко спящую Банюту и вышелъ изъ избы.

На порогѣ ея засталъ онъ стараго Вижунаса.

Они вмѣстѣ пошли на дворъ, обходить стражу.

— Нужно-бы напугать этихъ собакъ, — сказалъ Маргеръ: — Видѣль ты ихъ лагерь?

— Какъ-же...

— И палатку предводителя видѣль?

— Видѣль и палатку, — отвѣчалъ Вижунасъ: — Ну, что-же дальѣе?

— А вотъ что... Когда они заснутъ, нужно будетъ надѣлать имъ кутерьмы, — обратиться въ лагерь.

И съ этими словами Маргеръ выхватилъ свой короткій мечъ.

— Нужно убить ихъ вожда! — коротко и глухо сказалъ онъ.

— Да кто-же рѣшится пойти? — усомнился Вижунасъ.

— Я самъ. Я знаю ихъ языкъ, обычаи, — я проникну въ лагерь, въ его шатеръ, и убью его, — сказалъ твердо Маргеръ: — это произведетъ у нихъ то, что нѣмцы называютъ паникою, и тогда мы надолго избавлены отъ ихъ нашествія.

Старикъ смотрѣлъ на юношу, дивился ему и сомнительно качалъ головою.

— Убьютъ они васъ, сказнять, — съ кѣмъ-же мы тогда останемся?! — сказалъ онъ.

— Ты останешься съ ними здѣсь, а теперь, смотри, ни слова!..

И, съ этими словами, Маргеръ бойко пошелъ на дворъ. Старикъ слѣдовалъ за нимъ, точно не по своей волѣ, не смѣя ни удерживать молодого человѣка, ни научить ничему не умѣя.

Среди мрака ночного, Маргеръ вдругъ исчезъ. Напрасно старикъ искалъ его ощупью руками, напрасно произносилъ его имя, — никто не отзывался. Въ отчаяніи, старый Вижунасъ повалился на землю... Вдругъ, до слуха его сталъ доходить крикъ изъ лагера крестоносцевъ; за крикомъ послышалась тревога; голоса росли, ширились и сливались въ одинъ неясный шумъ, прерываемый отѣльными окриками стражи и начальниковъ. Во мракѣ

замелькали огни факеловъ, ихъ яркій блескъ отражался то латами, то шлемами, то выдѣлялъ изъ глубины чернаго мрака суровое лицо рыцаря, обросшее бородою, то коня... Старецъ поникъ головою и ждалъ.

Но не долго пришлось ему ожидать: около него, невдалекѣ отъ стѣны, что-то зашумѣло, и глазамъ его вновь предсталъ Маргеръ, взволнованный, засыпанный землею, едва переводившій дыханіе.

— Боги да будутъ благословенны!—воскликнулъ старецъ.

А Маргеръ молча показалъ ему на свой мечъ, давая понять, что онъ не купался въ крови,—убійство не удалось... и повалился на землю...

Пришелъ въ себя скоро Маргеръ, благодаря доброму ковшу меда, который вылилъ ему въ пересохшее горло старый Вижунасъ. Онъ сѣлъ на высокое мѣсто и оттуда сталъ смотрѣть на лагерь крестоносцевъ. Онъ видѣлъ отсюда всѣхъ ихъ, различалъ отдѣльныя личности, припоминалъ прошлое; многіе изъ нихъ были добрые люди. Вотъ Бернардъ, котораго онъ чуть, чуть не убилъ,—рука не поднялась; вотъ о. Антоній, который преподавалъ ему когда-то первые уроки объ единомъ Богѣ...

Увы! Онъ чувствовалъ, что эти уроки онъ оставилъ, отрекся онъ нихъ, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ нѣмецкаго рабства. А крестоносцы, между тѣмъ, обходили посадъ со всѣхъ сторонъ, готовились штурмовать его. Слышны были ихъ религіозныя пѣсни, гимны... Въ отдаленіи, Маргеръ различилъ походный алтарь,—о. Антоній служилъ молебенъ... Рука юноши инстинктивно сложила крестъ.

— А, они хотятъ насъ выморить голодомъ!—подумалъ вслухъ Маргеръ и отдалъ приказаніе умѣренно расходовать запасы.

Нѣмцы подходили все ближе, ближе... Отдѣльные голоса команды и распоряженій терзали уши литвинъ, доносясь отчетливо рѣзко до нихъ чуждыми, ненавистными звуками нѣмецкой рѣчи.

Подходили конюхи и челядь, неся надъ головами пучки хвоста, факелы, горѣвшіе зловѣщимъ краснымъ огнемъ и дымившіеся, какъ на погребеніе... Да, на погребеніе, потому-что смерть была близка: Маргеръ и лучшіе, то-есть умнѣйшіе, люди Пилленъ понимали, что не сегодня, завтра совершится великое народное

погребеніе... Подъ кучею развалинъ, въ огнѣ громаднaго костра, должна была погибнуть эта мужественная горсть людей!..

Но, несмотря на это сознаніе, печаль была далека отъ сердець этихъ воиновъ. Они пѣли и готовились бороться. Къ стѣнамъ становились всѣ старцы, женщины, дѣти. Все, что попадало подъ руку, схватывалось и бросалось съ остервененіемъ на головы осаждающихъ: песокъ, горящія головни, камни, куски бревенъ скатывались, падали съ шумомъ и грохотомъ на отважнѣйшихъ.

Первый штурмъ былъ отбитъ.

Крестonosцы отошли. Старшины начали совѣщаніе, и раздѣлили весь корпусъ на два отряда, по двѣ очереди, дабы смѣнять одну другою и не прерывать нападенія ни на одну минуту. Покаместъ нашли необходимымъ пускать на крыши крѣпости и стѣны стрѣлы, обвязанныя горящею, смоляною паклею.

Со свистомъ стали летать въ воздухъ пылающіе языки. Но они не принесли ожидаемой пользы: падая или вонзаясь въ крышу и стѣны крѣпости, они не въ силахъ были воспламенить бревна и брусья, отполированные годами атмосферическихъ треній.

А съ другой стороны, женщины спѣшили на стѣну съ кадками воды и немедленно заливали занимавшійся огонь.

Маршалъ, глядя съ холма на эту борьбу, въ которой не было никакого успѣха, но которая обошлась уже нѣсколькими убитыми и искалѣченными, сомнительно качалъ головою.

— Нѣтъ сомнѣнія,—обратился къ нему комтуръ бельгійскій:— что мы, рано или поздно, одолѣемъ этихъ дикарей. Но... вѣдь засиживаться здѣсь для этой скучной операціи намъ, право, неприходится! Игра не будетъ стоить свѣчъ!

— О, не говорите,—возразилъ маршалъ:—Дѣло, какъ-бы дорого оно намъ ни обошлось и сколько-бы времени ни потребовало, всегда хорошо окупится, — вѣдь это ключъ къ овладѣнію всею Литвою!..

— Въ такомъ случаѣ, нужно будетъ начать долбить ихъ стѣны тараномъ,—отвѣчалъ графъ Намюръ;— всетаки это приблизить конецъ дѣла.

Такъ и рѣшено было. Начали строить таранъ, подвижную башню, и когда орудія эти были готовы, ихъ начали подвигать къ стѣнамъ посада.

На третій день ихъ употребили уже въ дѣло; но при этомъ такъ много убито было рыцарей, ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ дошло до такой степени, что маршалъ, не желая напрасной потери, снова приостановилъ штурмъ. Ограничивались пока крестоносцы тѣмъ, что небольшими партіями подбирались къ частоколу и стѣнамъ и подрубали бревна...

Послѣдствіемъ этого было то, что передовыя укрѣпленія скоро рухнули, задавивъ подъ собою многихъ изъ осаждавшихъ. Земля съ внутренней стороны, а частью усилія оборонявшихся, опрокинули эти палисады на нихъ.

Стоны, крики, скрежетъ зубовъ и желѣза покрыты были жестокимъ смѣхомъ дикой толпы, зашѣвшей:

Смерти мы вѣдь не боимся,
Смерть наша скоро придетъ!..

Тогда маршалъ, на время отложивъ бой, рѣшилъ попробовать политики.

Онъ позвалъ къ себѣ Бернарда и сказалъ ему:

— Братъ Бернардъ! Несомнѣнно, что вы должны были сохранить вліяніе на душу и умъ вашего питомца. Чтобы избѣгнуть напраснаго жестокаго кровопролитія, мы положили, въ умѣ нашемъ, прибѣгнуть къ вашему посредничеству: отправьтесь подъ стѣны Пилленъ, вызовите вашего питомца на переговоры и объявите ему, что, если онъ сдастъ крѣпость, его жизнь и жизнь защитниковъ ея будетъ пощажена.

Бернардъ покорно склонилъ голову и вышелъ.

Черезъ часъ времени, онъ уже былъ подъ высокими мрачными стѣнами Пилленъ, перевязанный бѣлымъ шарфомъ, на конѣ и въ полномъ блестящемъ вооруженіи.

Впереди него ѣхалъ герольдъ, трубя громко въ трубу и возгласая:

— Къ миролюбивому переговору приглашаются обѣ стороны!..

На стѣнѣ показался Маргеръ... Бернардъ узналъ своего Юрія... Но Юрій этотъ былъ теперь съ мечомъ въ рукѣ. Онъ окинулъ стараго учителя и господина своего гордымъ орлинымъ взглядомъ и громко окликнулъ его:

— Чего вы желаете?

— Я пріѣхалъ объявить вамъ, — отвѣчалъ Бернардъ: — непри-

косновенность вашей жизни и всѣхъ окружающихъ васъ и ихъ имущества, если крѣпость будетъ отдана намъ безъ кровопролитія!

— Я не пришелъ сюда въ мое родное гнѣздо, чтобы отдать его врагамъ моимъ. Я пришелъ сюда, биться съ вами и умереть до послѣдняго человѣка.

Бернардъ началъ было выводить цѣлую казуистику словъ, съ которою, въ эту пору, рыцари умѣли обращаться въ тѣхъ случаяхъ, когда сила не брала, но Маргеръ перебилъ его насмѣшкою.

— Будьте здоровы, отецъ Бернардъ, до свиданья!—закричалъ онъ и сошелъ со стѣны. Это было какъ разъ во-время, потому что литвины начали уже роптать на слишкомъ долгое „лаянье“, какъ презрительно называли они нѣмецкій языкъ.

Теперь нужно было готовиться къ отчаянной борьбѣ, и послѣдней. Палисады были разрушены, отступили къ внутреннимъ стѣнамъ и сдвинули, сгустили силу обороны, подвергнувшись и большому пораженію.

Со стороны крестоносцевъ дѣйствовали арбалеты, бросавшіе тяжелые камни, изъ которыхъ каждый, попадая въ человѣка, обращалъ его въ массу костей, крови, мяса.

Стрѣлы литвинъ не отвѣчали своему назначенію, отражаясь отъ гладкой и твердой стали латниковъ. Рѣдко, рѣдко удавалось ей впитаться въ пахъ или въ отверстіе забрала, въ глазъ нѣмца и тогда она жадно сосала и точила изъ него кровь подъ крики насмѣшекъ и радости толпы защитниковъ.

Реда стояла у колодца и поила подходившихъ людей, сторавшихъ отъ зноя и жажды, съ губами, запекшимися кровью. Оборона распалась на двѣ части: одною завѣдывалъ старый Вижунасъ, другою—Маргеръ. И тотъ, и другой были уже ранены: Вижунасъ въ плечо стрѣлою, Маргеръ въ голову и руку. Окровавленные, они зывали къ мщенію своихъ соратниковъ, и не страхъ, не ужасъ, а воодушевленіе и дикое, восторженное ликованіе производили въ нихъ.

Только и слышалось пѣніе, только и раздавались слова: „Смерть! Смерть!“

Сильная душевная боль ищетъ выхода въ пѣснѣ, такъ-же,

какъ и сильная радость, и она, подобно послѣдней, вызываетъ на лицо улыбку... но какую улыбку?—улыбку, которою смѣется сама смерть, являясь къ человѣку съ косою!..

Банюта не отходила отъ своего возлюбленнаго. Она дѣлала все, что подсказывала ей необходимость, минута опасности ея дорогого, собственная отвага ея, — желаніе, наконецъ, скорой и быстрой смерти.

Лицо ея пламенѣло. Она сгорала отъ внутренняго огня лихорадочнаго возбужденія, отчаянной энергіи, могучаго чувства любви къ юному мужу своему и ненависти къ врагамъ его...

Эти чувства наполняли ея душу, все существо ея, вырываясь страшными симптомами ликованія, горькаго отчаянія, дикаго смѣха и необузданной кровожадности...

Послѣ одного дня такой вулканической жизни, она не могла бы больше жить...

Но жизнь ея была на исходѣ,—надъ нею висѣлъ уже мечъ... Нѣмцы, съ гимномъ „Те Деум“, лѣзли уже на стѣны... въ двухъ, трехъ мѣстахъ бревна пылали; занималась крыша главной башни и, треща, готова была развалиться...

— На нѣмцевъ!—закричалъ отчаяннымъ голосомъ Маргеръ, поднявъ свой короткій мечъ:—На нѣмцевъ! Всѣ, всѣ! Бабы, дѣти,— всѣ, до послѣдняго дыханія, на стѣны!..

Банюта взглянула на своего Маргера... Горячее, восторженное чувство охватило ее... Она взяла его руку и прижала къ своимъ запекшимся устами.

Въ одно мгновеніе, какъ тигрица, бросилась она въ избу, сняла съ гвоздя мечъ покойнаго Вальгутиса, обнажила его, прижала къ своей молодой груди и прошептала:

— Ты, старый, вѣрный другъ нашихъ отцовъ, ты разсѣчешь пополамъ мое сердце и избавишь меня отъ горя, отчаянія и сраму!

А штурмъ шелъ и надвигался и грозилъ ежеминутнымъ разгромомъ; а пѣсня, мрачная, похоронная, уныло и торжественно заглушала звонъ оружія, трескъ пламени, боевые крики и „Те Деум“ наступающихъ.

Минутами, несмотря на успѣхъ, овладѣваль ужасъ крестоносцами, при звукахъ этой страшной пѣсни.

— Кого отпѣвають они?—вопросъ, заставлявшій стынуть жаръ крови и энтузіазмъ, подогрѣтый честолюбіемъ.

Вдругъ, съ ужаснымъ грохотомъ и трескомъ, рухнула башня, вся въ пламени...

На минуту все обмерло и застыло...

Первый голосъ поднялся изъ этого хаоса разрушенія, огня и дыму,—голосъ Вижунаса:

— Братья!—вскричалъ онъ:—Костеръ нашъ готовъ!.. Отцовъ нашихъ души снизошли къ намъ!.. Идемъ навстрѣчу имъ!..

И все тѣ, что жили еще, среди горы труповъ и раскаленныхъ развалинъ,—мужчины, женщины, дѣвушки,—бросились другъ къ другу, обнажая свою грудь, цѣлуясь и убивая одинъ другого.

Миръ не видѣлъ до сихъ поръ ничего подобнаго, и дай Богъ, чтобы никогда не увидѣлъ!

— Спѣшите умирать, спѣшите къ отцамъ!—кричали эти люди:—Спѣшите, чтобы нѣмецкій мечъ не оскорбилъ васъ!

Вмѣстѣ съ этимъ, женщины бросали въ разъяренное пламя все пожитки свои, все богатство, весь достатокъ, чтобы не оставить его ненавистнымъ нѣмцамъ.

Редя подошла къ сыну, долго и глубоко посмотрѣла ему въ очи, поцѣловала его въ лобъ и, вздохнувъ, сказала:

— Меня некому убить!..

Вирзинъ поднялъ на нее мечъ свой и упалъ, вмѣстѣ съ нимъ, къ ногамъ ея, своей повелительницы...

Тогда, набросивъ на себя большое бѣлое покрывало, Редя величественнымъ, медленнымъ шагомъ взошла на костеръ.

А „Те Деумъ“ былъ все ближе; все ужаснѣе раздавался въ ушахъ народныхъ богатырей и мучениковъ.

— Гдѣ Банюта?—спросилъ Маргеръ Вижунаса.

Тотъ показалъ ему на нее, сидящую съ мечомъ на колѣняхъ на порогѣ избы!

— Посмотри — сказала она, улыбаясь сквозь двѣ крупныя слезы:—Посмотри!

И она показала ему свой мечъ,—мечъ покойнаго Вальгутиса.

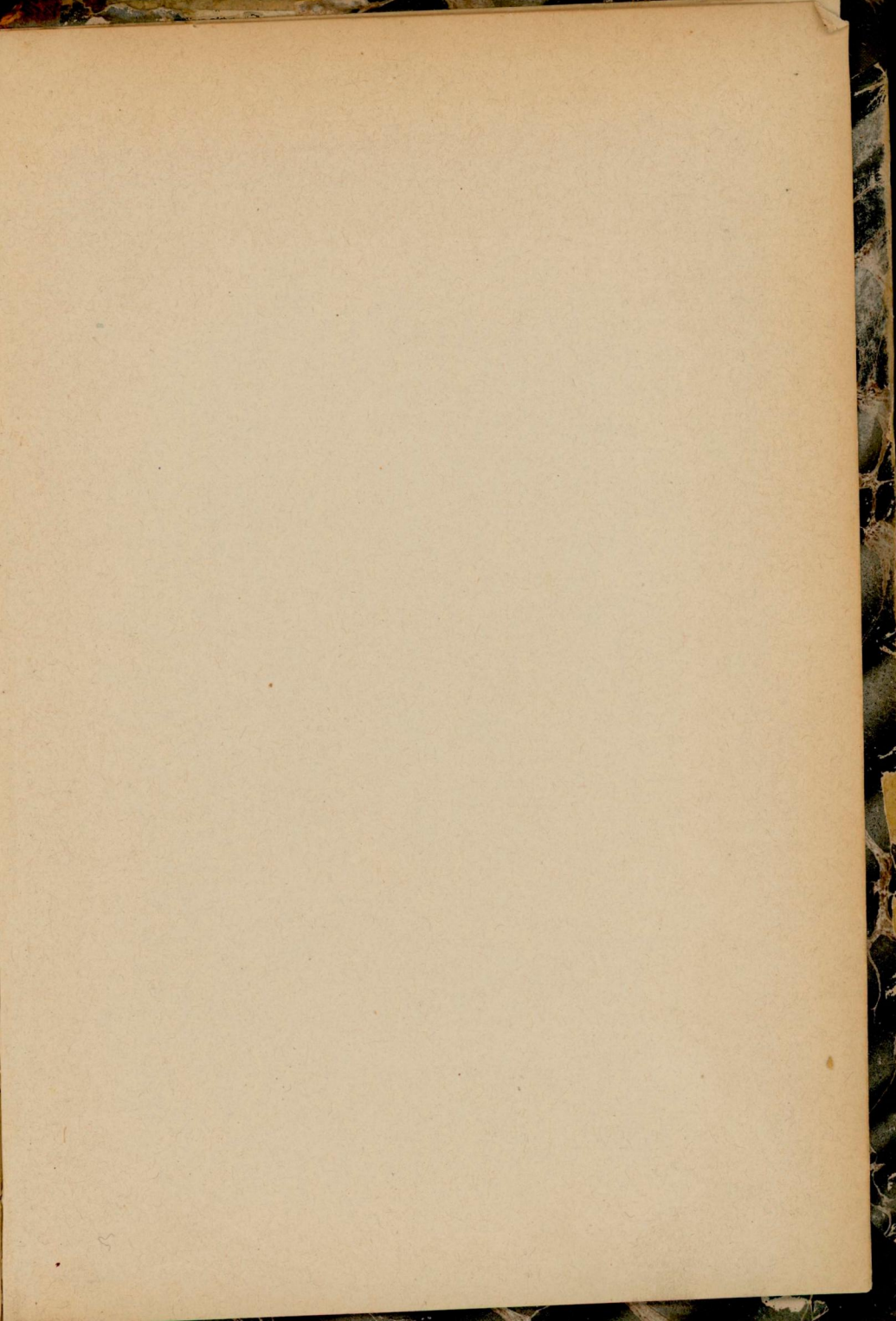
А костеръ горѣлъ и горѣлъ и изъ огненныхъ нѣдръ его не дошло до живыхъ ни звука, ни вздоха великой Реды.

— Пора! — сказала Банюта и, окрававленная, покати́лась съ высокаго крыльца.

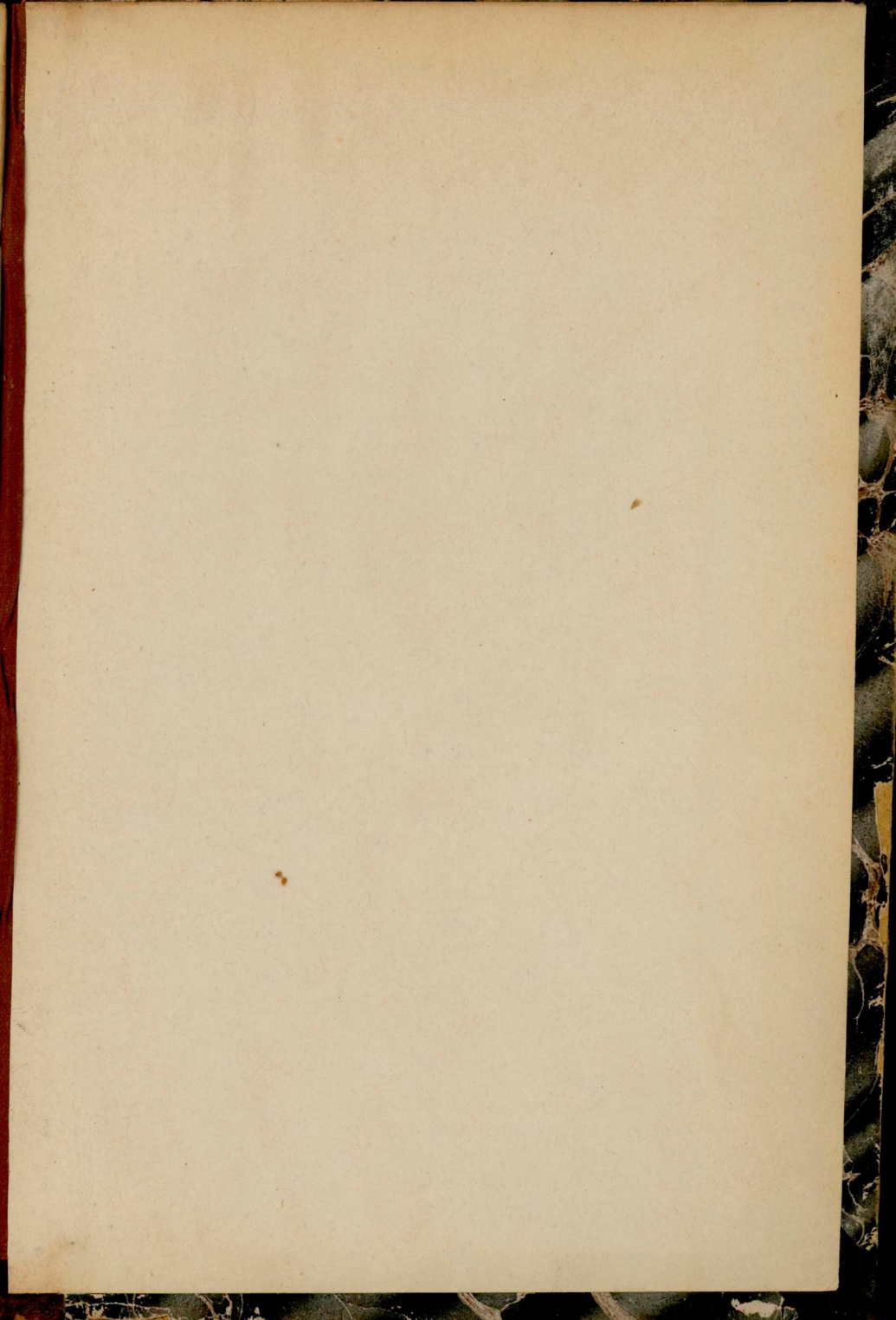
Маргеръ, какъ бѣшеный, рванулся къ ней, вырвалъ изъ ея бѣлой груди мечъ и самъ бросился на него...

Кровь Банюты и его смѣшались на остромъ мечѣ.

К о н е ц ъ .

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧЕБНА
БІБЛІОТЕКА

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620365

4